ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЬСКИЙ
АРХКАНЦЛЕР ИМПЕРИИ.
НАЧАЛО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не думал, что когда-нибудь меня угораздит попасть в магический мир. Да в какой! Здесь нет драконов, чудовищ и единорогов, а эльфы давно вымерли от чумы. Зато здесь есть захудалая Империя, которая разваливается от бездарного правления престарелого императора. Долги Империи огромны, соседи точат зубы, Степь ждет дани, подковерные и явные интриги местных дворян и магов разрывают страну на куски. А я? Что я… Меня угораздило попасть в тело архканцлера этой Империи. Архканцлеру даны два года абсолютной власти, и за это время я должен спасти страну от гибели. Но сначала мне необходимо добраться до столицы и взять власть в свои руки. Но это не так-то просто сделать: многие не хотят, чтобы архканцлер вступил в свои права. Меня пытаются убить, и неизвестно, кто друг, а кто – враг. Впереди – имперская столица.

- Евгений Шепельский
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Эпилог,

Евгений Шепельский
Архканцлер Империи. Начало

Империи рушатся потому, что гниют изнутри, а правители, на чьем счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, что они не удосужились сделать.

С. Паркинсон. Законы Паркинсона (перевод М. Загота)

Пролог

Я иду по улицам Норатора, по узкому живому коридору. На мне тесный мундир, украшенный фальшивыми орденами, которые сияют в свете факелов и ламп ярче, чем настоящие. Я – будущий архканцлер империи Санкструм, хотя от архканцлера только оболочка, а внутри – совершенно другой человек. Я обманщик, хотя к обману меня принудили. Я приветствую толпу, кланяюсь, расточаю улыбки, повожу рукой, делая вид, что страшно счастлив видеть всех горожан. А вот они искренне счастливы видеть меня. Но среди улыбчивых лиц и возбужденно блестящих глаз я время от времени ощущаю на себе колкие ненавидящие взгляды. Мои враги вынуждены охранять меня, иначе они не могут – я сделал так, что толпа просто растерзает всех членов Коронного совета, если с моей головы упадет хотя бы один волосок. О, эта сила убеждения, помноженная на знания попаданца из двадцать первого века мира Земли!

Шутейник идет рядом, на поясе – два коротких меча. В отличие от меня он напялил под одежду кольчугу. И в отличие от меня он знает Норатор как свои пять пальцев. Он – мой навигатор в лабиринте улиц средневекового города.

Мы движемся к храму Ашара, где под хрустальной полусферой лежит мандат архканцлера на имя Арана Торнхелла, на мое новое имя.

Сегодня – последние сутки, чтобы его получить.

И сегодня – лунное затмение.

Двое герольдов – безработных, нанятых за гроши музыкантов – время от времени трубят в надраенные фанфары, извещая горожан о том, что я иду. Толпа молча смыкается за мной, я слышу шорохи, какие производят тысячи подметок. Люди и хогги идут за мной к храму Ашара.

Архканцлер – высочайшее звание империи Санкструм. Почти безграничная власть.

– Направо, мастер Волк. Пойдемте по Сенной… потом по Скотской вниз… Так-то она Радостная, но по ней гоняют животинок на базар, понимаете, вот и прозвали в народе…

Шутейник бормочет быстро, нервно, сердце его наверняка, как и мое, пляшет от возбуждения и страха.

Шутейник – это хогг, местный гаер, певец и фигляр, готовый положить за меня жизнь. А вот других товарищей нет рядом… Лес Костей, будь он проклят!

В кармане мундира лежит обломок мертво-жизни, странный артефакт, который я держу при себе, не зная, куда его применить.

Иногда я притрагиваюсь к нему, и меня обжигает холодом.

Впереди вырастает громада храма Ашара: двузубая башня-звонница и огромный фасад из красноватого камня, украшенный тройным рядом мраморных скульптур.

Площадь у храма занята теми, кого я лично пригласил. Все они тут, все! Даже те, кто были вне города – все равно успели прибыть. Они смотрят на меня с ненавистью, с ярой злобой, кто-то пытается выдавливать улыбки. И они ничего не могут поделать со мной, потому что я связал им руки – фигурально говоря, разумеется. Они хотели бы накинуться на меня и разорвать, но не могут. Я связал им руки. Как я это сделал? О, очень просто, сейчас объясню… Но погодите. Сперва я возьму мандат и стану архканцлером.

Глава 1

Сначала, как водится, пришла головная боль. Я хоть и не женщина, но боль оказалась настолько пронзительной, что я даже слегка застонал. Вот так: «у-у-у», а не «ой-ой-ой, о-о-оххх, о-о-о», после чего добавил несколько крепких выражений, которые характеризовали мое состояние с позиций низменно-телесных.

Где я? Что я? Зачем я?

Я это или не я?

Хм. Ну, положим, я осознаю себя – значит…

Я привстал, моргая налитыми тяжестью веками. С трудом навел резкость. Голова разламывалась надвое, будто угостили монтировкой, вдобавок тошнило. Так бывало раньше только с похмелья, да и то раза три за всю мою жизнь. Я не любитель закладывать за воротник с далеко идущими последствиями. Потребляю алкоголь только для расслабления, в крайне умеренных дозах. И вчера я точно не пил.

Хм, а что же было вчера?

Не помню.

А где я сейчас?

Не знаю.

Жив ли я вообще?

Не уверен.

Однако во рту – явный привкус давно выпитого алкоголя, смешанного с какими-то химикалиями. Вот так так… Значит, я все-таки обнимался с зеленым змием… Вкушал не обычную водку, виски или коньяк, поскольку послевкусие, или, вернее, дурновкусие этих напитков известно мне слишком хорошо. Не-э-эт, тут что-то другое. Может, коктейль? В ночной клуб меня вчера, что ли, занесло? Так ведь не ходок я по таким местам, повзрослел, давно уже неинтересно…

Я постарался оглядеться, тяжело поворачивая голову. Выражаясь языком полицейского протокола: «Труп потерпевшего больного пребывал в помещении, смотрел мутными глазами и невнятно ругался на весь мир». Я не под открытым небом и не в канаве, это радует. Помещение оформлено в коричнево-красные, темные, насыщенные тона, с тяжелой основательной мебелью у стен и серебряного цвета люстрой, в которую почему-то вместо лампочек воткнуты оплывшие свечи (потухшие).

Рекогносцировка отняла много сил, и я свалился на подушки.

Рядом нетерпеливо кашлянули, и я снова привстал на локте. Выдержал тошноту, боль, головокружение, еще раз помянул разные низменные вещи и отыскал взглядом человека –

невзрачного старикашку в серой аскетичной хламиде. Он стоял у кровати, скрестив руки, и взирал на меня глубоко запавшими, страшными, колючими глазами. Поверх рук до самого живота (наверняка впалого) свешивалась белоснежная заостренная борода «Саруман-стайл». Горбатый нос в синюшных прожилках нацелился на меня, как хищный клюв.

– Очнулся наконец, – сказал старик неприветливым каркающим тенорком и произвел руками пассы, которые показались мне достаточно зловещими. Кисти его рук напоминали вороньи лапы – такие же сухие, с крепкими заостренными когтями желтого цвета. – Долго же ты… спал.

– Угу, – буркнул я, невольно сгибая ноги. Обычно я спокоен как слон, работа приучила, да и темперамент такой, нордический, но ситуация, скажем так, слегка… удивляла. – Как-то мне не очень хорошо, дедуля.

– Не беспокойся, через малое время ты уже сможешь ходить.

– Ну спасибо. А на скрипке играть буду?

Дед не оценил юмора.

– Тебя не для музыки сюда призвали.

Сюда? Куда «сюда»?

Я уселся на кровати и начал неторопливо разминать шею. Похитили меня, что ли? Опоили водкой с клофелином, теперь будут требовать выкуп? Человек я, конечно, состоятельный, но все же не из тех, у кого в загашнике миллионы. Долларов, естественно. Хотя по нынешним кризисным временам деньги у меня, конечно, есть, и деньги немалые.

Но старик не похож на главаря шайки. Скорее на какого-нибудь проповедника-сектанта. Во, точно – секта. Расплодилось их сейчас – мама не горюй, и каждой нужны деньги прихожан. Собственно, для чего еще организуют секты, как не для того, чтобы качать финансы из доверчивых граждан? Ну а если окрутить человека не получится, всегда можно закодировать, обратить, превратить в зомби. Методы-то давным-давно отработаны.

Хм, так, может, и меня, того, хотят обратить? Старикашка больно стремный…

И при этом я не могу вспомнить, что делал вчера. Весело, ничего не скажешь.

Я дождался, пока головокружение и тошнота немного уймутся, и, превозмогая головную боль, спустил ноги с кровати, задев при этом круглый столик с остатками трапезы в глиняных простецких тарелках. Под ногой оказалась пустая бутылка, и я осторожно закатил ее под кровать. О, да бутылка не одна – во-он в углу еще две: пузатые, из темного стекла и, что характерно, без

этикеток.

Хм… Я, по-видимому, участвовал в вечеринке и употреблял в неумеренных дозах какое-то загадочное спиртное.

Сюрприз: я абсолютно гол.

– Не торопись, – произнес старик весьма, надо признать, нетерпеливо. – Верь словам моим. Скоро силы вернутся к тебе, и ты сможешь ходить нормально.

Ну спасибо. А на скрипке, это самое… А, ну да: не для этого меня сюда призвали.

Я нашарил пятнисто-серую простыню, вид которой мог ужаснуть санэпидстанцию, и, кое-как прикрыв чресла, встал. Пошатывало меня изрядно, но силы, кажется, действительно возвращались. По крайней мере, свое состояние я уже мог описать, не прибегая к рискованным выражениям.

– Перенос разумов всегда отзывается болью, – сказал старик и закашлял хрипато, со свистом.

Чего-чего?

Нет, меня точно занесло в секту. Перенос разумов, слияние духов, атмосфер и запахов, и так далее, и тому подобное, а затем клиент готов, начинаем качать бабки.

Дощатый пол холодил ноги, откуда-то сбоку тянуло прохладой. Я оглянулся и приметил приоткрытое окно, узкое, в частом железном переплете. Ретро, надо признать, весьма аутентичное. Не припоминаю такого оформления комнат в наших гостиницах, разве что где-то в Европе – в Чехии, скажем, или Польше.

Тем временем старик кашлял уже в клочок багряно-красной ткани… о нет, погодите – ткань была обычная, серая, просто здорово пропиталась кровью. Туберкулез в последней стадии или кое-что похуже. Хотя финальная стадия рака вряд ли может быть хуже последней стадии туберкулеза.

Я дождался, пока он откашляется и спрячет обагренный платок, и спросил:

– Где я?

– В Санкструме.

– Глубоко занырнул. Санкс… как вы сказали?

В меня воткнулись глаза-колючки:

– Ты в другом мире, человек. Я Белек, маг первого круга, один из Спасителей Санкструма; тот, кто перенес сюда твой разум. Верь мне и слушай меня. Я помогу.

С сумасшедшими главное не спорить, поэтому я выговорил:

– Хм… да. Без вопросов. Ну… да.

Белек нетерпеливо поддернул рукава хламиды. Кисти рук – жутко худые, оплетены синими выпуклыми венами, покрыты

старческими пятнами.

– Ты помнишь, как тебя зовут?

– Андрей.

Замечательно, я не забыл свое имя. Меня зовут Андрей. Фамилия красивая – Вершинин. Я был рожден, чтобы покорять вершины, и за тридцать четыре года покорил их множество. И ни разу не сорвался. Нет, я не альпинист, мои вершины находятся в сфере бизнеса, многие из них исключительно высоки и покрыты опасным льдом, случаются и лавины и камнепады. Когда такое происходит – зовут меня, и я разбираюсь с опасным льдом, лавинами и камнепадами так, как умею: я забираюсь на вершину и устраиваю чистку. После того как я поработаю, вершина становится улыбчивой и приветливой для своих владельцев и блестит и сияет, словно ее позолотили.

Старик кивнул.

– Так звали тебя раньше. Теперь ты – герцог Аран Торнхелл. И так будет до скончания твоего века. Перенос совершился, и пути назад нет. Пойми это и прими.

– Да ладно, – сказал я. – Все понимаю, без вопросов.

Старик ответил мимолетной улыбкой и просто отошел в сторону.

За его спиной находилось стекло в овальной раме с меня ростом.

Через него на меня взглянул человек с недобрым взглядом. С очень недобрым. Был он похож одновременно на Ивана Грозного в молодости, и на Ведьмака, как его изображают в игре. Орлиный нос, резкие складки у тонкогубого рта, который давно разучился улыбаться. Высокий лоб без морщин. Светлые волосы длинными космами (по местной моде, очевидно) обрамляют впалые щеки и спускаются до ключиц.

Какая отвратительная рожа. Лет сорок ее владельцу. Ну да, сорок, а может, чуть меньше.

Человек был сухощав, но не слишком худ, кость плотная, достаточно тяжелая. А еще – абсолютно наг. Ну, если исключить простыню, которую прижимал к чреслам. С грудью, густо поросшей светлыми «бараньими» кудряшками.

Не сразу, но я понял, что смотрю на свое отражение в напольном зеркале.

Только вот загвоздка – из зеркала на меня взирал чужой человек.

Белек сказал сухо и без всякого торжества:

– Теперь он – это ты. Навсегда.

Глава 2

Я разрешил себе ужаснуться только частичкой разума. Дело в том, что я умею быстро адаптироваться к обстоятельствам практически любой сложности и так же быстро принимаю решения. Иначе не смог бы продержаться на своей работе больше десяти лет. Я умею говорить и договариваться со всеми. Даже с инопланетянами, если понадобится. А еще у меня талант резать по живому – без жалости и наркоза, после чего реанимировать пациента разрядом дефибриллятора, похлопать по щеке и отправить восвояси, указав верное направление ласковым пинком. Это суть моей профессии.

Сейчас я велел себе не выскакивать за дверь, дергая тяжелую ручку из позеленевшего металла, не кричать, не бить тщедушного старика в торец, не хватать его за шиворот с воплем: «Что здесь происходит?»

Нет, пока – никаких радикальных шагов.

Я спокойно решил осмотреться, приняв слова деда за рабочую версию. Я – в новом теле? Ладно. По крайней мере, тип, в которого поместили мою душу, выглядит не совсем пропащим. Даже если новые обстоятельства – галлюцинация, я буду следовать логике этой галлюцинации. И так же логично и без страха приму явление людей в белых халатах.

Если они появятся.

Но что-то подсказывало: не появятся.

Новое тело.

Новая жизнь.

Новый мир.

Вот данность.

Я вдохнул полной грудью. Воздух был наполнен целой гаммой странных ароматов. Я вдохнул и… принял этот мир. Принял сразу, целиком и полностью.

После чего начал осмотр.

В изножье кровати – груда одежды, набросана хаотично, так обычно бросают люди после пьянки или… когда стремятся поскорей освободиться от оков цивилизации в порыве страсти. Что-то подсказало – тут была женщина. Женщина – всегда лучшая наживка, чтобы поймать мужчину.

Да, точно: убегая, она забыла узкий, шитый серебром поясок к платью. Вон блестит под кроватью. Вряд ли это деталь одежды самого Торнхелла.

Итак, меня – ну или бывшего носителя моего нового тела – завлекли сюда женскими чарами, затем опоили вином с каким-то

снотворным. После чего вот этот туберкулезно кашляющий Белек устроил душе герцога Арана Торнхелла экстерминатус. Надо чуть позже спросить, каким образом.

Так… Так-так… У кровати с другой стороны на замшевых сапогах лежит шпага в кожаных облупленных ножнах. Оружие Торнхелла. Осмелюсь предположить: меня занесло в Средневековье. Плохо это. В Средневековье были скверные зубные врачи. Ну а сам Торнхелл, если судить по шпаге, звезд с неба не хватает. Перебивается с хлеба на квас, как достопамятный капитан Алатристе. Из всего богатства – только честь и та штука, что в штанах.

Интересно, могу ли я вспомнить что-либо о прошлом бытие Торнхелла? Нет, ничего не вспоминается. Я помню себя, Андрюху Вершинина, помню родину, работу, помню Надю, помню Таню и Алену… всех бывших и нынешних. Помню другана Макса, с которым мы на пару устраивали стритрейсинг по ночным улицам. Обычные воспоминания о прошлой жизни.

О той жизни, которой больше не будет. О той жизни, которой я был доволен! Меня выдернули из нее без разрешения и спроса. Как выдергивают из грядки созревший овощ.

Белек молчал, кашлял – давал мне время опомниться, осмотреться. Зыркал, правда, исподлобья не слишком дружелюбно, и этот его взгляд мне категорически не нравился. Не хлебом с солью меня встречали, отнюдь.

А я морщился – в висках стреляло. Тошнить, правда, стало намного меньше, и головокружение как будто почти улеглось.

Быстро же я восстанавливаюсь.

Дощатый скрипучий пол. Кровать заключена в полукольцо из кое-как накорябанных на этом полу знаков. Они напоминают зловещих паучат. Каждый, кто играл в какую-нибудь фэнтези-РПГ типа «Дьябло», легко отнесет эти знаки к разряду каббалистических. Оккультные символы, стало быть. Ну а Белек, следуя логике, – маг, ведун, чародей и все такое прочее. Значит, и мир, в который меня угораздило… наполнен магией.

Повезло мне, однако. Прямо не знаю, как радоваться. Я еще потоптался на холодном полу, затем плюнул на стыд и, отбросив покрывало, как следует осмотрел тело Арана Торнхелла.

Честно говоря, могло быть и хуже. Герцог, несомненно, следил за собой достаточно хорошо. Выглядел он поджарым, как волк. Кожа, кости, сухие мышцы. Тонкие длинные пальцы и сильные запястья фехтовальщика, и при этом весьма развитые плечи. Физиономия, конечно, доверия не внушает, особенно эти глаза сексуального маньяка, но… могло быть куда хуже. На лице целый набор шрамов. Это я знаю, это я читал: все

профессиональные фехтовальщики разгуливают с такими шрамами. На торсе тоже парочка следов давних ран. Бурная жизнь у меня была… ну, не у меня, у бывшего владельца тела.

Плюнув на головокружение, я подпрыгнул, присел, встал и воздел руки над головой. Суставы не хрустят и не отзываются болью. Отлично. Еще десяток приседаний. Никакой аритмии. Сердце отлично справляется с нагрузкой. Ну, Торнхелл хоть и пьет, но не алкаш, по крайней мере. Это внушает оптимизм.

Зрение, кажется, стопроцентное, и это замечательно.

Ногти обкусаны, на большом пальце ранка от заусенца. Живот плоский. Взгляд дерзкий. Ну, повезло так повезло.

Старик, живые мощи, нетерпеливо закашлялся в платок. Запавшие, по-распутински пронзительные глаза взглянули на меня нетерпеливо – мол, ну что, насмотрелся? Восковую кожу лица заливала бледность. Покачиваясь, он отошел к двери, где находилось кресло с высокой спинкой, и уселся, откинув голову, облегченно прикрыв глаза.

Я прошлепал к окну, посмотрелся в мутные стекла и, открыв створку до конца, обнаружил, что из распахнутого окна соседнего дома на меня без особого интереса взирает женщина. Дом был бревенчатый, трехэтажный, женщина – пожилая и седовласая. Вид голого мужчины не вызвал у нее ничего, кроме чуть заметного пожатия плечами. Привыкли тут к такому, очевидно.

Я захлопнул окно и начал одеваться. Легкая тошнота не отпускала. Виски, правда, почти перестало ломить. Подштанники алого цвета с завязками, надо же… Заштопанные рейтузы. Рубаха нижняя, серая, рубаха верхняя, опять же алая. Тело действовало само, рефлексы и кое-какие непрямые воспоминания господина Арана Торнхелла остались при мне. Интересно, а шпагой я смогу управляться с прежней ловкостью? На скрипке не умею, ладно, так и быть, но ведь шпага – оружие самого Торнхелла. Значит?..

Я медленно извлек из ножен иссиня-стальной клинок. Повертел увесистую железяку, сделал несколько выпадов, впрочем, осторожно, чтобы не зацепить потолок и мебель. Поиграл острием в воздухе. Кажется… Кажется, кое-что я умею. И не железяка это уже – осиное жало. Пчела, раз укусив, оставляет жало в ране противника и умирает, а оса… Вот этой самой осой я вдруг себя ощутил.

Впрочем, как оказалось затем, ощущение было ложным.

Ладно, хватит пока баловаться. Я аккуратно сунул осиное жало обратно, чай, не Бильбо, да и пауков с гоблинами поблизости не наблюдается.

– Где я?

Белек разлепил набрякшие веки и кашлянул.

– На окраине Санкструма.

– Санкструм – это страна?

– Империя Санкструм, величайшая в мире!

– Так… А я на ее окраине. Есть у окраины имя?

– Провинция Гарь. Город именуется Выселки. Соседствует с городом Седло. Вокруг них села – Малые Вошки, Северные Чухи, Красная Гарь, Большие Вошки, Северные Малые Чухи, Зеленая Агара, Рыбьи Потроха… – Он сделал передышку, а я в это время подумал, что названия тут не слишком отличаются от названий деревень в моих родных краях.

– Но перечисление это мало что скажет тебе. Позднее ты получишь карту Санкструма и сопредельных земель. Тебе нужна она будет. Вижу я – ты уже готов меня выслушать?

В поясной кожаной сумке герцога отыскался кошелек – бархатный, потертый. Там жидко звякало. Бумажные деньги здесь, очевидно, не в ходу, как и многое, многое другое. А у самого Торнхелла не в ходу золото, пожалуй, только медь и серебрушки. Нищеброд как он есть.

Я проверил кошелек – так и оказалось. Среди позеленевшей меди блеснули две серебряные монетки. Небогато.

Я встал и пристегнул сумку к вытертому, будто его в голодный год зубами терзали, поясу, подобрал шпагу и бросил на кровать.

– Я готов задавать вопросы, Белек. И хочу получить ответы. Потом я решу, что делать. С тобой, с собой и с Санкструмом.

Глава 3

Белек всплеснул руками, задрал подбородок, метнул сверкающую молнию из глаз. Он был удивлен – привык, что слушают его в благоговейном молчании.

Но не на того напал.

Марионеткой я не буду, и перчаточной куклой, которой управляют через задницу, – тем более.

– Я понимаю так, меня призвали сюда с определенной целью?

Белек кивнул, удостоив меня взгляда исподлобья. Он рассердился, считал, видимо, что я буду более… покладист, начну внимать его речам в благоговенье, а может, еще и кланяться стану.

– Ты истинно разумеешь… – он сделал паузу, – Андрей. И более я не назову тебя твоим истинным именем. Ты – Аран Торнхелл. И будешь им, коли захочешь жить в Санкструме достойно и богато.

О как.

Я прошелся по комнате, время от времени зыркая на Белека.

– Кто же не хочет жить достойно и богато? Но, конечно, для этого придется постараться, верно смекаю?

Он кивнул.

– Работа тебе предстоит трудная. Да и времена сейчас лихие.

– А когда и где они были легкие? – Я чуть не прибавил: «папаша». И хорошо что не прибавил, на «папашу» этот седовласый Саруман мог бы серьезно обидеться. Человек же он был, мягко говоря, непростой, и вызывать в нем чрезмерную враждебность, не вызнав все расклады, пока не стоило.

Белек нахохлился, покашлял в платок и сказал:

– В случае удачи, Торнхелл, богатство и слава станут твоими постоянными спутниками!

В случае удачи? Хм… Ну, постепенно перейдем и к подводным камням, узнаем, какие препятствия растут у меня на пути. Но что-то не нравится мне твой голос, Белек, не нравится. Ты от меня скрываешь какую-то тайну, которую и под пытками не захочешь открыть.

– Золото, женщины, изысканнейшие вина никогда не иссякнут!

– Богатство и слава меня мало интересуют. Женщины… ну, может быть… Вино – «Шато-бормото» и прочие напитки? Этого добра сейчас везде навалом. Кстати, а коньяк у вас есть?.. Это риторический вопрос. Так вот, Белек, меня привлекает прежде всего интересная работа. Трудностей я не боюсь, я от них

заряжаюсь. – И поймал себя на том, что шпарю с Белеком на чужом языке, как на своем родном. Белек, очевидно, вложил в меня знание местной речи или каким-то образом сохранил это знание для меня в беспамятной голове Торнхелла. Это внушало оптимизм. А вместо «заряжаться» – слова, которого не было в местном лексиконе, я на самом деле произнес «расти».

Из-под кровати выглядывала пара коротких кожаных митенок – перчаток с обрезанными пальцами, как у наших байкеров. Я поднял их и надел: сели митенки идеально, правая была протерта на ладони. Это, понятное дело, перчатки для фехтования, и, если судить по потертости, Торнхелл, как бы сказать без скабрезностей… часто упражнял свою правую руку. Возможно, был завзятым бретером, обычным или из тех, кого можно нанять драться за себя на дуэли. Не люблю я это бестолковое насилие в благородном стиле, всегда проще договориться – если оппонент, конечно, поражен разумом.

– Давайте подробности. Что за работа?

– Спаси Санкструм!

Много эмоций, мало информации.

– Дела настолько плохи?

– Страна погибает! Злодеи скоро начнут растаскивать великую империю по кусочкам! Ты должен помешать им.

В моей голове все еще гуляли шмели. Я сел на кровать, посмотрел на Белека – тот снова кашлял в свой платок.

– О, хм. Да вы патриот. Еще раз и медленно: какая работа мне предстоит?

– Не далее чем две недели назад герцог Аран Торнхелл был избран архканцлером Санкструма.

Рациональная часть меня сделала еще одну попытку ужаснуться творящимся делам, но это был последний спазм, так сказать. Я стянул перчатки и бросил на кровать. Посмотрел на правую ладонь: мозоли на ней были от шпажной рукояти. Даже не хочется узнавать, скольких отправила к праотцам эта рука. Не люблю я насилие. Я вообще не приспособлен к насилию и войне и не люблю драться, хотя и владею навыками бокса. И угораздило же меня попасть в тело бретера!

– Уже теплее. Значит, я, то есть Торнхелл, теперь облечен властью. А кто надо мной?

– Сейчас никого! Раньше… Сорок лет Санкструмом правит император Экверис Растар, двенадцатый в династии Растаров. Он погряз в разврате, пьянстве и азартных играх еще в молодости… – Белек заперхал, сплюнул в платок кровавый сгусток. – Сейчас ему восемьдесят пять, и разум его окончательно помутился, но бразды правления Империей он потерял, еще когда был в полном

рассудке.

– Позвольте ремарку: он упражнялся в разврате и азартных играх с такой страстью, что вел государственные дела спустя рукава, и с каждым годом они становились все хуже, а сейчас окончательно прокисли.

– Так есть! И ныне дела очень плохи. Очень плохи!

Ну, здесь он меня не удивил. Если взглянуть на историю монархов Земли, легко можно заметить, что на одного креативного гения в короне приходилось штук десять бездарей, развратников и прочего дурачья, которые пускали под откос все, до чего могли дотянуться.

– Наследников короны, что вышли из его чресл, множество, но ни один не обладает даром править страною так, чтобы спасти ее. Они ленивы, глупы безмерно сладострастны и не хотят вникать в насущные заботы государства. А некоторые, напротив, ждут момента, чтобы оторвать от Санкструма кусок!

– О боже мой, да скажите проще – он настрогал таких же бездарей. Яблочко от яблони…

– Так есть!

– Но император жив?

– Так есть! Он обеспамятел, но все еще на троне – и так будет по закону до последнего его вдоха.

– Значит, он – верховная власть Санкструма?

Белек поднял когтистый палец, покачал им в воздухе.

– Уже нет!

– Поясните.

– В тяжкую годину Коронный совет, состоящий из первых лиц империи Санкструм, может назначить архканцлера сроком на два года. Сие есть древний договор между вельможами Санкструма и имперской династией Растаров.

– Механизм самосохранения империи, – я кивнул, – на случай, если очередной долбодятел… хм, император со временем наломает таких дров, что без резьбы по живому не обойтись… И какие у архканцлера полномочия?

В Древнем Риме сенат выбирал диктатора с максимальными полномочиями – правда, всего на шесть месяцев, чтобы власть не стукнула в голову. А тут – целых два года. Или – всего два. Это как посмотреть. Для долгоиграющих преобразований этого мало, конечно. Хотя… все зависит от таланта преобразователя. С другой стороны, всегда можно, как в том анекдоте про мужика, которого спросили, что бы он стал делать, если бы стал царем, «украсть сто рублей и сбежать»; сумму, правда, можно увеличить до бесконечности.

Белек открыл рот для ответа, но длительный приступ кашля

заставил его буквально согнуться в кресле. Откашлявшись, говорил он, то и дело поднося окровавленный платок ко рту:

– Твоя власть абсолютна и исключительна, и дается она только в случаях исключительных! Не пытайся насмехаться над нею. Ты сможешь карать и миловать кого угодно. Кого угодно: запомни это, Торнхелл! Запомни крепко, но не смей впадать в злоупотребление! Тебе неподвластен лишь император. Даже ближайшего его родича, члена августейшей фамилии, ты вправе засудить, прознав о его измене интересам Санкструма… – Он сделал паузу, и я понял, что тут есть не одна и не две закавыки. Ну, это-то как раз неудивительно: судить членов императорского дома во все времена и во всех странах было делом нелегким.

– Император может сместить меня раньше срока?

– Исключено, Торнхелл! Сие есть древний договор между вельможами Санкструма и имперской династией Ра…

– Я понял, понял, Белек, не стоит повторять. Значит, два года абсолютной власти? То есть почти абсолютной, угу?

– Твое слово станет законом. Коронный совет обязан утверждать твои указы. Ты не смеешь распускать Коронный совет или пытаться злоумышлять против власти императора или поступать так, чтобы твои действия разрушили Империю. – Белек говорил быстро, будто боялся не успеть, стремился донести до меня основную информацию. – Однако ты вправе казнить членов Коронного совета за доказанное предательство или же работу против Империи или любого другого подданного Империи – человека либо нелюдя. Такова твоя власть. Коронный совет не может тебя сместить. Тебя назначил сам император. Подписанный его рукою указ о твоем назначении лежит под хрустальной полусферой в храме Ашара, и ты должен взять его в руки не позднее чем через две недели!

Он тяжело, с мокрыми всхлипами задышал, снова прокашлялся в платок. Мне не понравился его взгляд – мутный, стекленеющий. И очень не понравилось то, что он сообщил. Империя за сорок лет бездарного правления Эвериса Растара, очевидно, погрязла в сильнейшей коррупции; говоря вульгарным языком – мне предстояло разгребать дерьмо такого масштаба, в сравнении с которым авгиевы конюшни показались бы детской забавой. Может, и впрямь вступить в должность, украсть несколько больше чем сто рублей и сбежать? С деньгами можно неплохо устроиться везде, даже в средневековом государстве. Только эти зубные врачи, чтоб им пусто было…

– А что случится через два года?

– Твой мандат истечет, и Коронный совет спросит с тебя за все, что ты сделал.

Это звучало как неизбежный приговор к смерти. Если я возьмусь за дело, через два года мне неизбежно и безусловно отрубят голову – причем на законных основаниях.

Глава 4

Ситуация сложилась занятная. Белек сказал, что обратно мне хода нет, и я почему-то ему верил. А рабочее место здесь, в этом мире, меня уже ждет, только напоминает оно электрический стул, на котором я буду поджариваться два года с особой изощренностью.

Если не сбегу, конечно, но когда это я бегал от трудностей? Не бегал я от них никогда. Любой вызов для моих профессиональных способностей – как красная тряпка для быка: я кидаюсь вперед, только пыль летит из-под копыт.

Однако если я затею игру в архканцлера без поддавков и начну очищать «конюшни», члены Коронного совета, интересы которых я, несомненно, зацеплю, легко и просто отрубят мне голову, когда пройдет время моей власти. Но это в случае, если я буду играть по правилам Средневековья. А если использовать знания двадцать первого века? Ну а местная знать, естественно, использует против меня уловки Средневековья, о которых я ни сном ни духом. Посмотрим, значит, чья возьмет.

За окном раздались странные звуки – сначала шлепанье, а потом плюханье, кряхтенье и даже какое-то кваканье.

Я встал, отодвинул витражную створку и посмотрел вниз. Промежуток между домами представлял собой грязевое месиво, в котором плескалась рябая свинья-доходяга. Свиньи обычно плещутся в грязи, чтобы смыть паразитов, ибо, как ни парадоксально это звучит, животные они весьма чистоплотные. Ну а тут, стало быть, была не просто грязь, а вдобавок и свежая кучка помоев, несомненно выплеснутых из окна. Так что свинья одновременно принимала ванну и лакомилась.

Обзор справа закрывала глухая бревенчатая стена, слева виднелся кусок улицы в непролазной грязище. Видимо, недавно прошел дождь. По улице неспешно катила телега, запряженная парой чубарых лошадок. Правил ими пацан лет восемнадцати, в немаркой серой одежде и высоких сапогах с отворотами, вроде тех, что надевают в моем мире охотники и рыбаки. За бревенчатыми домиками с остроконечными крышами громоздились холмы, покрытые лесом. Глухомань…

Нахлынула волна острых помоечных ароматов, от чего меня передернуло. Я захлопнул створку.

Добро пожаловать в средневековый рай, что уж. Судя по одежде парня – сейчас лето. И на том спасибо. А ведь могли призвать меня в стужу. С другой стороны, в мороз-то на улицах определенно меньше грязи.

Я отражался в широко раскрытых глазах Белека. Старый чародей даже не моргал – смотрел неподвижно, как восковая статуя.

Я чуть не вскрикнул, цитируя из «Ивана Васильевича»: «Как же вы допустили?!» – но подумал и сказал иначе:

– Значит, сами справиться не можете, вам потребовался варяг, чтобы вбить позвоночные диски обратно в расшатавшийся хребет экономики и немного проредить управленческий аппарат…

– Слова твои смутны, Торнхелл, и смысл их ускользает от моего понимания.

– Это не страшно, просто я сам себе говорю… Ладно, Белек, спрошу проще: почему вы призвали именно меня?

– Ты интриган!

– Забыли добавить: «низкий и подлый интриган».

– Не низкий! Не подлый! – Он судорожно всплеснул руками и опал в кресло, дыша с мокрыми всхлипами. – Умелый! Опытный! Я наделен даром смотреть сквозь миры и задавать вопросы сущему!

На моем языке вертелись разные выражения, но я промолчал, ибо вдруг уяснил, что в понятийном багаже Белека просто отсутствует понятие «кризис-менеджер».

– Минутку. Вам потребовался специалист по кризисному управлению, – я произнес это на русском, – но вы просто не сумели сформулировать это моими терминами… то есть своим языком, и попросили интригана?

– Так есть!

– Уже теплее. Вы задали вопрос в своем духе: вы попросили показать человека, для которого интриги – так вы называете мою работу – являются профессией, то есть такой профессии у вас в мире нет и пришлось обратиться в другие миры.

– Истинно. Я спросил, есть ли в других мирах люди, изощренные в интригах и знании человеческой природы, умеющие управлять разумно и властно, но при этом чтобы дух их был прям, честен, исполнен всяческих доблестей, и…

– Дальше продолжать не стоит. Вам потребовался управленец со своим личным кодексом чести, никак не связанный с Санкструмом. Такой, что если уж займет предлагаемую должность, так пойдет до конца, а не похитит сотню золотых и сбежит. «Хоккей», вы такого нашли. Но в моем мире есть еще разные… похожие на меня и лучше меня. Так почему именно я?

– Не все души можно подцепить и выдернуть, многие сидят крепко. А твоя вчера отлетела.

Я рефлекторно ухватился за витражную створку.

– Что?..

– Вчера ты умер в своем мире, Анд… Торнхелл.

Когда я сказал, что адаптируюсь быстро, то не хвастал. Страх взметнулся волной, шлепнулся на берег, подняв веер брызг… и схлынул. Затем в моей голове вихрем пронеслись мысли такого рода: ну ладно, умер, но сейчас-то жизнь продолжается, чего печалиться? Все могло сложиться иначе, даже здесь, в этом мире, все могло сложиться иначе: засунули бы меня в тело какого-нибудь крестьянина с мозолистыми руками и ранним геморроем от хождения за плугом, чтобы в поте лица добывал хлеб насущный и не забывал о выплате оброка, да еще семью кормил – жену-лебедушку, разбитую тяжелым трудом уже к тридцати, и семерых ребятишек – у одного лишай, у другого полиомиелит, еще двое с рахитными ножками, у остальных всего лишь вши в головах и блохи в портках. Вот что бы я тогда стал делать? Вот тогда бы я взвыл. А так, в нынешнем положении, все выглядит весьма неплохо, или, по крайней мере, лучше, чем могло бы быть.

Я попытался вспомнить, как провел последний день своей жизни, и не смог. На пути воспоминаний стояла черная упругая стена, в которую я без толку бился. Предыдущий день я помнил неплохо – он был стандартен во всем и до краев заполнен работой. На здоровье, впрочем, я позавчера не жаловался, да и вообще по врачам никогда не бегал.

– От чего я умер?

– Я не могу тебе сказать.

– Ну хоть не мучился перед смертью? – Небольшая доза иронии. Я прошел к кровати и встал, перекатываясь с пятки на носок: нервные такие движения…

– Я не могу тебе сказать. Я провел оккультный ритуал, мне удалось сохранить твою душу в целости, забрать ее у Стражей, вложить в тебя наш язык… – Он закашлялся особенно сильно.

Стражи? Запомним на будущее. Вообще, я собираю информацию по крупицам. Белек мне недоговаривает, он утаивает от меня процентов восемьдесят любой информации, показывая лишь верхушку айсберга. Хотя я на пару со своей интуицией прекрасно понимаю, что суммировать любую информацию Белека можно одной фразой: «Все дерьмово», – это если толерантно сказать, мягенько, без настоящего мата.

Старик как следует продышался, взглянул на меня выпуклыми прозрачными глазами:

– Твой разум я выдернул из бездны миров, заплатив за сие своей жизнью. Никто не смеет совершать ритуал призыва крейна, плата за него – смерть и посмертные муки! И лишь в крайних случаях, когда страна в опасности, можно попытаться… можно

попытаться сделать то, что я совершил… Но вскоре силы оставят меня, и я уйду… я уйду… уйду…

Свинья под окнами с блаженным «рох-рох!» хлюпалась в смеси помоев и грязи, «ароматы» которой сквозь неплотно закрытую створку щекотали мне нос.

Я не придал значения последним словам чародея.

Белек помолчал, жуя губами. Лицо его все больше бледнело.

– А куда делся этот? – Я показал на зеркало, где отражался злой и все же достаточно растерянный герцог Аран Торнхелл.

– Гнусный развратник, пьяница, дурень, убийца, носящий прозвище Кровавый Душегубец! Его выбрали, ибо он согласился быть марионеткой в руках Коронного совета… В руках мерзких и подлых негодяев, для которых благо страны ничего не значит, а только желание личного блага владеет их существом! Но говорят, что Торнхелл не так прост, что он наплюет на совет, и возьмет власть в свои руки, лишь только получит мандат, и зальет Санкструм потоками крови… Так говорят!.. Но так уже не будет! Я завлек Торнхелла сюда посредством чар блудницы, опоил и провел оккультный ритуал… Его разум ныне исторгнут из тела навсегда, душа его будет вечно странствовать меж мирами или, возможно, рассеется в пустоте межмирья!

Я вздрогнул: страшная, надо думать, участь. Кивнул своему отражению: прости, друг, я тебе ее не желал. Хотя какой ты друг, если тебя аттестуют как развратника, пьяницу и убийцу? Много на своем веку прирезал народу? Молчишь? Ну молчи. И хорошо, что молчишь – дополнительные голоса моей голове не нужны, она и так побаливает.

Я прошелся из угла в угол; сапоги были хорошо разношены и не жали.

– Значит, посредством чар вы совершили подмену одной личности другой… Именно сейчас, когда ситуация в Санкструме – хуже не придумаешь…

Старик попытался привстать в кресле, но сил хватило только опереться о подлокотники, затем он снова опал, похожий сейчас на груду тряпья, в которую закутали эксгумированный труп.

– Зловещие потрясения грядут!

– Конкретнее, пожалуйста. Какие потрясения? Время, место…

– Я могу прозревать будущее, и будущее таково: если к власти придет Аран Торнхелл, собственно Торнхелл, а не ты, Санкструм падет за полгода, тогда как с тобою у Империи есть… есть возможность спасения. Если к власти придет Торнхелл, а он глуп, златолюбив, склонен к бессмысленной жестокости, то Санкструм растащат на части, расклюют хладный труп Империи. Вороны! Вороны!

Он подался ко мне; на шее, прикрытой седыми космами, взбухли синие вены.

– Сделай невозможное! Спаси страну! Останови негодяев! Покарай неправых. Награди невиновных!

Глава 5

Пафос, пафос. Не люблю пафос ни в каком виде. Я взглянул на Белека в упор, сцепил пальцы и с хрустом выгнул – как, бывало, делают перед дракой. Но бить старика я, конечно, не собирался, хотя он, если разобраться, заслужил: я не просил его вторгаться в мою жизнь. С другой стороны – если я умер на Земле, он, получается, меня спас. Я бы много отдал, чтобы вспомнить свой последний день в родном мире.

– Значит, Белек, вы перехватили Торнхелла по дороге, завлекли и подменили, верно?

– Так есть! Подлое дело, хоть и для благих целей! И за него я сегодня расплачусь сполна!

– Угу, цель оправдывает средства; слышал, и не раз.

Старик снова приподнялся, пальцы впились в подлокотники кресла, как орлиные лапы в добычу.

– Распад страны приведет к страшной крови, к страшной, Торнхелл! И тебе предстоит постараться, чтобы этого не случилось.

– То есть вы из меня великодушного диктатора решили сделать…

– Твои слова выше моего разумения.

– Я имею в виду, что вы хотите взвалить на меня ответственность за целую страну, чтобы я спас ее, как в таком случае говорят у нас, малой кровью.

– Спаси ее, просто спаси, любыми путями! Любыми, Торнхелл!

Фанатик. Чистый, дистиллированный фанатик. Ужасно их не люблю. Фанатики всегда мыслят узко, однонаправленно, даже если у них благие цели. Ну а какие еще могут быть цели у фанатиков? Их цели (в их представлении) всегда благие. Ну а если надо поступиться определенными принципами, чтобы достичь светлого будущего – всегда найдутся отговорки, мол, не мог иначе… а вы попробуйте по-другому… народец-то дрянь… я хотел как лучше… и так далее.

Чтобы немного успокоить старика, я кивнул несколько раз, сказал, мол, да-да, конечно, будем работать, буквально завтра в забой, с кайлом, тачкой, лопатой и бодрой песенкой семерых гномов. Белек немного остыл, но дышал тяжело, в его впалой груди бурлило и клокотало.

Я вновь прошелся по комнате, прокручивая в уме всю информацию, что получил от чародея.

– Итак, подобьем бабки. Совет, как его там… Коронный, что

назначил Торнхелла, состоит из однозначных подонков, так?

– Частично так.

– Угу. Значит, там есть и хорошие люди вроде вас…

– Я не вхожу в Коронный совет!

– Но знакомы с его членами?

– Истинно!

– Вы представляете патриотическое крыло, которое надеется с моей помощью спасти… как его там?..

– Санкструм! Санкструм, о невежа!

– Да-да, Санкструм, шмакструм, империю вашу ненаглядную. Архканцлером назначили человека… недалекого, жадного и в целом скверного, думая, что им можно легко манипулировать.

– Ты прав, герцог. Торнхелл погряз в долгах, в порочном азарте, имущество его давно описано, фамильные земли, замок – все перезаложено, детей у него нет, но есть знатный титул и известная фамилия, которая привела к согласию большую часть Коронного совета. Отец его сделал много для Санкструма, но сын…

– Начал играть на кладбище в орлянку и до сих пор не может остановиться.

Белек задрал сивые брови:

– Орлянка? Ты смущаешь меня словами, смысл коих подернут туманом.

– Привыкайте, я из другого мира.

Старый маг в ярости затряс кулаком:

– Не смей ты говорить словеса, смысл коих темен, иначе подозрения падут на тебя!

Хм, в этом он, пожалуй, прав. Только как узнать, какие слова говорить нельзя? Нет, конечно, слово «синхрофазотрон» определенно произносить не стоит, а вот всякие мелочи вроде названий азартных игр, алкоголя, одежды… Спалюсь ведь, ей-ей, спалюсь… Белек вложил в меня знания местного языка, но вот беда – местный словарь и земной перепутались, да так капитально, что я в беглой речи практически не могу себя контролировать.

Ладно, разберемся. Буду уверять всех, что просто умничаю, вкрапляю в свою речь какой-нибудь иностранный язык. Согласно «легенде», я не очень умен, а такие люди любят, нахватавшись по верхам разных знаний, щегольнуть ими при случае. Вот и я буду умничать, сделав серьезное лицо. Местным женщинам определенно понравится. «Же не манж па сис…», как его там…

Жестом я успокоил Белека:

– Я учту.

– Учти! Помни! И действуй! Ты должен взять в руки мандат,

лежащий под хрустальной полусферой в храме Ашара, не позднее чем через две недели! Иначе он станет просто бумагой, и назначение твое пропадет, сгинет, а значит, и мои усилия пойдут прахом!

Ёк. Час от часу не легче.

– Хм. То есть спустя две недели бумажкой этой можно будет… в бумажку эту можно будет завернуть что-то ненужное, да?

– Ты разумеешь истинно, Торнхелл. Тебе потребно торопиться в Норатор, столицу Санкструма, дабы принять мандат, а с ним – и свое назначение!

Внутри меня колыхнулась волна раздражения.

– А сколько дней пути отсюда до Норатора?

– Полторы недели, если не будет сильной распутицы. Ныне весна, и дожди зачастили изрядно.

Я с хрустом сжал кулаки.

– Так какого… лешего вы провели обряд на окраине страны, а не в столице? Мне что теперь, переться две недели по этим… – я кивнул на окно, из которого, если открыть створку и выглянуть, открывался вид грязевых дебрей, – по вашим замечательным болотам?

Маниакальное возбуждение буквально подбросило старика в кресле, однако он быстро овладел собой, раздраженно цокнул языком и сказал:

– Ты невежа. Персона Торнхелла приметна, и вблизи столицы слишком много глаз следили бы за ним. К тому же магический ритуал такой мощи могли проследить вблизи Норатора имперские маги… – Старик закашлялся.

Стукнуть бы тебя в глаз, старый пи… не важно кто, но что старый и «пи…» – по крайней мере, по отношению ко мне – это точно.

– Мы опасались, что Торнхелла невозможно будет перехватить по пути, однако же нам весьма повезло – получив известие о своем назначении, он двинулся в путь один, по своему обыкновению проигравшись в карты неподалеку отсюда, в Рыбьих Потрохах… Нам удалось завлечь его в Выселки посулами злата и блуда… Затем мы опоили его. Отсюда, из Выселок, путь начнет уже новый Аран Торнхелл – путь начнешь ты!

Я сделал отметку в памяти: сразу по принятии архканцлерства переименовать Рыбьи Потроха в Голубые Фиалки.

А вот «мы» – это уже интереснее, это значит, у Белека есть здесь, в Выселках, соратники. Если я, положим, откажусь от щедрого предложения и решу вести жизнь… я не знаю – ну, какого-нибудь странствующего искателя приключений, дадут ли

мне уйти? Сомнительно. И сомнительно, что меня вообще оставят в покое в Санкструме – градус внимания к моей персоне слишком высок, не говоря уже о том, что за этим Торнхеллом тянется шлейф игорных долгов. Он, разумеется, решил взять мандат архканцлера, дабы поправить свои дела: судьбы страны, спасение государства авантюристов такого рода не интересуют. Как и сказал Белек, блуд и злато – вот все, что нужно таким прощелыгам.

Я взглянул на свое отражение и чуть заметно ему подмигнул. Ну, по сравнению с тем, как я выглядел раньше – очевидный регресс. Не стал я сексуальным мачо, хотя определенный шарм во внешности Торнхелла очевидно есть. Нет, мужчина всегда остается мужчиной – я смотрю на себя и прикидываю в уме, буду ли я нравиться женщинам с такой унылой и мрачной рожей. Блуд и злато играли и в моей прежней жизни не последнюю роль. Однако я не авантюрист. Если я берусь за работу, то исполняю ее на совесть. Можно назвать это самурайским кодексом чести, наверное… Другими словами, если я «устроюсь на работу» архканцлером, никто не посмеет упрекнуть меня в конце двухгодичного срока в бездействии, или, того хуже – в том, что я принял должность ради того, чтобы набить свой карман. Но и о кармане своем я тоже позабочусь – умеренно. Я буду бороться с развалом страны, Коронный совет будет бороться со мной. Сколько лишних дыр насчитали на теле Юлия Цезаря после того заседания Сената? За двадцать, кажется… Только мне не слишком-то страшно. Обычный человек боится страдать и выбирает путь наименьшего сопротивления, а я лезу туда, куда обычные люди не ходят, и постоянный профессиональный стресс, адреналиновая приподнятость для меня – норма. Ну а возможность сгореть на работе есть всегда, этот риск я учитываю.

Я спросил:

– Но если по пути случатся непредвиденные встречи, за две недели я могу и не успеть. Значит, мандат пропадет? Накроется мокрой… мокрым… не важно чем накроется, но накроется?

Глаза старика лихорадочно блеснули, голос поднялся до пронзительных нот:

– Ты успеешь! Обязан успеть!

– Очень надеюсь на это. Но тем не менее поясните: мандат пропадет, если я не возьму его в руки за две недели?

Лицо Белека исказилось в агонизирующей злобе: по-видимому, мысль о том, что выстраданный мандат пропадет, была ему нестерпима.

– Ты успеешь! Успеешь, Торнхелл!

– Ясно, будем считать, что ответ получен. Ну ладно, я им

устрою… пришествие короля вместе с приложениями. Мало никому не покажется.

Худое, чудовищно истощенное лицо Белека с невероятно запавшими щеками застыло, бледная впадина рта приоткрылась.

– Значит, ты согласен?

В старину в Англии существовали Пожиратели грехов: люди, съедавшие кусок хлеба с груди умершего и таким образом будто освобождавшие покойника от груза дурных поступков, совершенных при жизни. Были они, разумеется, париями. Я буду чем-то вроде Пожирателя, только мой покойник по имени Санкструм все еще жив, и моя задача – сожрать все грехи, которые могут привести страну к гибели. Однако чует мое сердце – парией я безусловно стану.

– Я уже сказал: мне нужна интересная работа. Однако кровавых диктаторов я презираю, насилие – ненавижу. Я за здравый смысл во всем. Я возьмусь за дело… без гарантий, разумеется. Я буду действовать именно так, как считаю нужным, и если кто-то попробует навязать мне свою волю…

Старик стал бледным, как шляпка поганого гриба, – эдакая тошнотная белизна с прозеленью. Глаза полыхнули огнем – как выяснилось, в последний раз.

– Ты берешься?..

Я пожал плечами:

– Да куда же теперь денусь… По крайней мере, эти два года обещают быть интересными.

– Ты берешься… – Его глаза стекленели.

– Берусь, – сказал я, и Белек облегченно кивнул.

В следующий миг он умер.

Глава 6

Мне еще никогда не приходилось видеть, как умирает человек. Но все бывает в первый раз – и хорошее, и плохое. Плохое чаще. Лицо Белека застыло, глаза превратились в выпуклые стеклянные пуговицы, он опал в кресле, даже как бы вдавился в него, из приоткрытого рта донесся последний протяжный, клокочущий выдох. Затем голова упала на грудь, и моему взгляду предстала бледно-розовая плешь, прикрытая редкими сивыми космами.

Я передернулся и вскочил. Сделал два шага к креслу, остановился, подошел к окну и судорожно распахнул створку, втягивая въедливые ароматы нового мира. Чушка под окном продолжала задорно хрюкать. Где-то задиристо кукарекал петух.

Я оправил рубаху, провел ладонью по щеке – пальцы, конечно, дрожали.

Подсуропил мне старикашка. Хм, старикашка… Теперь уже можно его так называть, обижаться он может только с того света. Не вовремя он помер, еще не все вопросы заданы, не все ответы получены.

– Белек? – позвал я, зная, что он не ответит.

Он и не ответил. Пальцы-крючья намертво впились в подлокотники.

А ведь он говорил, что скоро уйдет, да только я решил, что это фигура речи – просто переговорит со мной, и свалит. А он хитро взял да умер, затейник.

Я явственно начал ощущать жжение в одном месте – фигурально говоря. Предчувствие опасности накрыло с необычайной силой. Нет, пока все тихо, но это пока… Инстинкты моего нового тела говорят, что вскоре все изменится, стоит мне только выйти из комнаты. А инстинктам прожженного авантюриста я верил безоговорочно. Где-то за стенами гостиницы, но не очень далеко, начинали происходить дела, имевшие непосредственное касательство к персоне Торнхелла.

Я снова подошел к кровати, попытался улыбнуться своему отражению – однако получился лишь невротический оскал. С обнаженными зубами Торнхелл напоминал матерого волка, привыкшего есть сырое мясо на завтрак, обед и ужин. Бандит как он есть. И это – спаситель отчизны? Новый архканцлер? Коронный совет, видимо, спятил, или дела и впрямь настолько плохи, что большинство совета решило разыграть карту Торнхелла.

Я разгладил щеки, чувствуя, как хрустит под пальцами

щетина.

Ну, если бриться каждый день, да убрать эти бледные лохмы… да найти одежку получше, из Торнхелла будет толк. «Бонд, Джеймс Бонд»? Нет, скорее – Дерден, Тайлер Дерден прямиком из «Бойцовского клуба». Да, этот безумный, властный блеск глаз вряд ли удастся замаскировать. Кто бы подсказал – были ли в роду Торнхелла люди с психическими отклонениями? А сам он, случаем, не псих? Нет, не думаю: безумца вряд ли назначат архканцлером – его совершенно невозможно контролировать. Значит, Торнхелл – во всех смыслах здоровый… отморозок.

Пока рассматривал себя, успел значительно успокоиться. Телу Торнхелла, а соответственно и его рефлексам, было плевать на мертвецов, я же сам, как говорил, умею адаптироваться к обстоятельствам предельно быстро.

Итак, я принял правила игры, которую навязал мне Белек. Согласился стать архканцлером. Но пока – на словах. Много всего предстоит выяснить самостоятельно, прежде чем играть в открытую. На самом деле, конечно, у меня было два пути. Согласиться с предложением мага или уйти. Но что-то подсказывало: если бы я отказался и попытался уйти, далеко бы меня не отпустили. Моя безымянная могилка была бы где-то во-он в тех холмах, что виднеются из окна, если высунуться и посмотреть вдаль. Слишком много группа Белека поставила на карту, слишком ценный я был свидетель – а ну как меня, к примеру, изловят их соперники из Коронного совета, а я все выложу про заговор? Я знаком только со стариком, но, думаю, конкурентам известно, с кем он связан, – они потянут за ниточку и все выяснят. Понятно, что Белек и в Выселках действовал не один. Тщедушный старик был магом и проделал свою часть работы, а вот золото и блудниц обеспечили его соратники. И они же терпеливо ждут, пока наша беседа завершится и я выйду из комнаты… Один. О том, что Белек умрет, они, очевидно, знают. Они не знают главного – кто выйдет из комнаты: Торнхелл или Торнхелл-два. И еще им неизвестно, согласился ли Торнхелл-два на них работать. Они не подслушивают, о нет – слишком яростен был Белек при жизни, слишком сложный разговор предстоял ему и мне, он не допустил бы, чтобы нас подслушивали. Я полагаю даже, что он был со мной честен. Открыл не все карты, однако в главном был честен – я и правда нужен был ему, чтобы спасти Санкструм.

Осмелюсь предположить: его соратники уверены, что я выберу архканцлерство.

Они считают, что я пойду по второму пути.

Они ждут внизу Торнхелла-два.

А вот черта с два я пойду тем путем, что мне навязывают. Пока я не пойму правила игры от и до, я буду играть по-своему, да и после… тоже. Белек не догадывался, какого джинна выпустил из бутылки.

Итак, нужен третий путь. У меня есть нить, я знаю, что должен сделать – явиться в Норатор и взять мандат архканцлера в храме Ашара. Я это и проверну, но по-своему. Сначала я осмотрюсь, прикину что к чему, сделаю основные выводы. Проработаю вопросы, как говорят бюрократы. Мне ведь тоже предстоит стать бюрократом… отчасти. Но плясать под дудку какой-либо группы, пусть даже такой, что желает Империи спасения и процветания, я не буду. Ну не марионетка я, что же тут поделаешь, я натуральный псих с маниакальным желанием действовать самостоятельно. И даже в мире Земли я всегда требовал карт-бланш, как достопамятный спаситель корпорации «Крайслер» Ли Якокка, иначе просто не брался за работу. Репутация у меня была отчасти маргинальная, но это было и к лучшему. Именно за это меня и уважали. Боялись, ценили и уважали. И если я выйду из комнаты и предамся в руки группы Белека, то покажу, что готов плясать под их дудку, проявлю слабость. Но слабость – это последнее, что ценится в политике: там ты либо на коне, либо под конем, и третьего не дано.

Поэтому – никакой слабости. Играем по-крупному, ходим по лезвию бритвы. Повезет так повезет. А нет… Но мне обычно всегда везет – не потому, что я везунчик, а потому, что умею говорить и договариваться.

Ладно, прочь самопиар. Срочно требуется наметить план действий. Третий путь накроется известным делом, если я не сумею незамеченным выбраться из этого люксового отеля.

Насколько помню из фильмов и книг, средневековые гостиницы в европейских городах строились комплексно. На первом этаже – харчевня, второй и третий отданы под номера. Теплая компания Белека (уже холодеющего) ждет меня внизу. Лестница со второго-третьего этажей выводит в зал харчевни, так что мимо компании я не пройду. Черный ход под вопросом, но сомнительно, что здесь есть такая роскошь, равно как и внешние пожарные лестницы. В зале меня подхватят под руки и отправят в Норатор прямой дорогой, а там передадут патриотическому крылу Коронного совета. А крыло наверняка думает, что я буду паинькой – ну, отчасти. Выдвину какие-то свои рацпредложения на их бюрократический суд, я ведь, по словам Белека, поднаторел в интригах, патриоты подумают, обсудят, можно ли мне позволить ими заняться, или, может, не стоит, ибо опасно, и ну

его, и может затронуть финансовые интересы кого-то из группы, и так далее.

В любой политической группе, пусть это даже фанатичные патриоты, рвущие на груди рубашку за родной край, всегда полно людей с личными финансовыми интересами, с интересами влияния, и всякими прочими заморочками. И если я буду плясать под их дудку, страна так и останется больной и нищей, а потом, может, развалится.

Таким образом, мое бегство в неизвестность будет выглядеть как харакири, но на деле мое бегство – это посыл группе Белека, и он называется: «Идите все на хрен, буду делать то, что я хочу, и так, как я этого хочу». Не очень тонкий месседж, но действенный и понятный любому. Зато когда я возьму мандат на архканцлерство, у меня будет сильная переговорная позиция с этими патриотами. Они будут знать, что я неуправляем и что давить на меня или даже шантажировать, рассказав всем, что в Торнхелле живет вселенец, – бесполезно. Проще со мной договориться, а я умею договариваться. Так уж и быть, я их не обижу, если они согласятся мне помогать.

Основная задача – добраться до Норатора самостоятельно, не потеряв при этом голову. Задача номер два – посмотреть страну, так сказать, изнутри за две недели пути, увидеть, как и чем живут люди большие и малые, как обстоят дела на самом деле и с чем вообще придется работать. Я должен увидеть настоящую картину, а не ту, что намалюет и сунет мне под нос в Нораторе группа патриотов.

Сложно, но, уверен, выполнимо. Санкструм – не Дикое поле, по которому туда-сюда ездили отряды людоловов и всяких бандитов, тут все-таки цивилизованная империя, пусть и в упадке. Я знаю местный язык, у меня есть немного денег и шпага у бедра – и о шпаге я говорю не как об оружии, а как о вещи статусной – абы кому ее носить не позволялось, только дворянам, стало быть, ко мне будут относиться с опаской и уважением, ну а потрепанный наряд сразу покажет возможным бандитам, что взять с меня нечего, да и опасно – можно получить пару вершков стали между ребер.

Вопреки устоявшемуся мнению, дороги Средневековья никогда не были пустынны. По ним шли торговцы, мелкие и крупные, паломники, письмоводители, мытари и много кто еще, поэтому придорожная корчма у оживленного тракта, например, была явлением обыденным. А если кто-то скажет, что в мире Средневековья сложно выжить современному человеку – я рассмеюсь ему в лицо: в двадцать первом веке существует немало стран, по которым пешком или автостопом успешно бродят

экстремалы, – это Афганистан, Пакистан, Индия, Камбоджа, большинство стран Африки. В глубинке там не просто махровое Средневековье, там – родо-племенной строй, где сабли и мачете соседствуют с автоматами. И экстремалы, без знания языка, без GPS и спутниковых телефонов, при всем при том почему-то остаются живы, пишут статьи с иллюстрациями в блоги, и оказывается внезапно, что люди даже в какой-нибудь Буркина-Фасо – такие же, как и везде, не особенно меняются от развития и цвета кожи, надо только найти к ним подход… да-да, верно: уметь договориться. Конечно, всегда есть шанс, что путнику отрежут буйную голову, но это происходит не столь часто, как пугают нас разнообразные паникеры.

Денег, однако, у меня в обрез, а для плавного продвижения к столице с полагающимся осмотром окрестностей деньги требуются в первую очередь. Нет, можно и без денег, но тогда скорость передвижения будет существенно ниже, а это никуда не годится.

Мой блуждающий взгляд остановился на покойнике. Хм… Обирать мертвеца – последнее дело, но у меня выхода нет. Оправдаю репутацию Торнхелла. Я склонился над Белеком и начал обшаривать его хламиду в поисках карманов, отметив про себя, что прикосновение к мертвецу не вызывает отвращения. Торнхелл, думается, на своем веку успел обшарить не одного покойника, так что я действовал сноровисто и быстро. Взять и слинять – вот наш девиз.

В трех карманах хламиды россыпью валялись золотые монеты, немного – около десятка, кошелек Белек при себе не носил. Вероятно, был не от мира сего, а может, боялся, что сопрут. И правильно боялся – я сгреб добычу в свой кошелек – ничего, сопрем и без кошелька. Кроме золота я нашарил в карманах блаженного старца несколько сложенных вчетверо бумаг.

Ну что, посмотрим? Пара лишних минут в запасе еще есть.

Первой бумагой была карта Санкструма, на краю которой пятном, похожим на след мушиной атаки, обозначены Выселки, причем название поселка написано крупно, чтобы всякий дурак… дурак вроде меня, сразу увидел. Норатор, как и следовало из слов Белека, находился далековато… Ладно, разберемся, изучим на досуге. Я сложил карту и сунул в поясную сумку. Вторая бумага представляла собой некий список:

«*Коронный совет:*

Трастилл Маорай – глава фракции Умеренных. Выбрали Торнхелла подло.

Дремлин Крау – глава фракции Великих. Выбрали Торнхелла подло.

Таренкс Аджи – глава фракции Простых. Воздержались от выбора Торнхелла благородно.

Правительство:

Жеррад Утре – покойный архканцлер несчастный.

Дио Ристобал – канцлер.

Лайдро Сегерр – генерал-контролер финансов.

Шендарр Брок – военное администрирование, назначен взамен генерала Троу несчастного.

Долги Санкструма основные:

Анира Най – Гильдия. Опасна как рысь. Безжалостна есть. Долги?

Баккарал Бай – дюк. Банкир. Деньги – фетиш его. Долги официальные многотрудные.

Посол Сакран – долги?

Посол Армад – долги?

Ардорская курия Ашара при Санкструме:

Префект секретариата Морен Алдор. Долги официальные многотрудные.

Кардинал Омеди Бейдар – долги?»

Оч-чень интересно. И в стиле свихнутого чародея – все эти «долги многотрудные» и «лидеры подлые». Такое ощущение, что список Белек составил для меня, вряд ли он страдал склерозом, чтобы оставлять самому себе напоминалки, да и зачем ему? Он не входит в Коронный совет и, видимо, не слишком интересуется политикой. Он фанатик: черное, белое, подлое, благородное – это потолок его понимания политики. Так что список – он для меня, новоприбывшего, чтобы прочел и кое-что понял. Я еще раз пробежал список взглядом и запнулся о словосочетание «покойный архканцлер несчастный». А вот и первый подводный камешек. Белек не сказал мне, что были еще архканцлеры. И как давно этот Жеррад Утре отбросил ко… умер он когда, я спрашиваю? И от чего умер? Своей смертью или помогли товарищи по партии? А?

Мурашки пробежали вдоль позвоночника. Подозреваю, что в некрологе на смерть архканцлера Жеррада Утре (несчастного) звучало что-то о безвременной кончине после торжественного обеда с членами Коронного совета. А может, противники не стали особо усердствовать, и смерть Утре наступила от проникновения какого-либо острого железного предмета в сердце во время утренней прогулки по личному саду. Во всяком случае, я бы не поставил на смерть по естественным причинам даже грош.

Я вновь просмотрел список. Долги, долги… Ага, у меня в подчинении будет обычный канцлер – думаю, вполне довольный жизнью малый. Фракции… Логично предположить, что Таренкс Аджи, лидер фракции Простых, которые воздержались от голосования за Торнхелла, – это вождь патриотического крыла, и именно к нему я обращусь по приезде в Норатор.

Я спрятал список и развернул третью бумагу – такую же шершавую, дрянной выделки, как и предыдущие. Строчки были написаны дрожащим старческим почерком, частично размазаны; в них поблескивали мельчайшие песчаные крупинки, которыми раньше осушали чернила:

«Все-таки решился уйти, человек?

Если ты хочешь добраться в Норатор самостоятельно, возьми список, карту и немного золота, которое я для тебя отложил. Проберись в Пятигорье. Там, в трактире «Месть фурии», найди Амару Тани, ей можно доверять всецело. Если тебе удастся расположить ее к себе – ты получишь неоценимого союзника. Скажи, что тебя послал Белек. Она знает меня и ждет от меня посланника. Действуй по совести, человек. В Нораторе ты должен обратиться к Таренксу Аджи. Кроме Амары Тани, не доверяй пока никому.

Прочие твои вещи – за креслом.

P. S. Выход – через окно. Там безопасно, ниже трактирная стена – глухая, и иных окон нет».

Старый фанатик-интриган сумел предусмотреть и третий путь.

Я глянул за кресло – там лежала кожаная куртка и шляпа с обширными полями – то и другое некогда черное, а ныне выгоревшее до рыжины. Куртка и шляпа – это хорошо, мне нужно чем-то замаскировать алую рубаху и пепельные космы, иначе получится отличная мишень. Я напялил длинную куртку так, чтобы волосы оказались под нею, и занялся делом: надел митенки, сбросил с кровати простыню и покрывало, и связал их вместе. Простыня и покрывало были не чистые, как уже говорил, даже просто скверные, заштопанные грубыми нитками, с разнокалиберными заплатами, пыльные, местами покрытые какими-то гнусными пятнами, но, к счастью, без насекомых, иначе – вот клянусь – меня бы стошнило. Чем был набит серый протертый тюфяк, даже думать не хотелось.

Итак, длины импровизированных веревок хватит. Кровать широкая, из цельного дерева, тяжелая… Но не мешает еще утяжелить… Я отогнул пальцы Белека от поручней кресла, –

к счастью, с момента смерти прошло не так много времени и пальцы можно было отгибать без особых усилий и хруста, – и перенес труп чародея на кровать, поместил на тюфяк, сложив руки на впалой груди, прикрыл ему глаза. Покойся с миром, дед. Не знаю, ругать тебя, что втравил меня в эту игру, или хвалить за то, что спас от смерти в мире Земли.

Веревку я привязал к толстой облупленной ножке кровати, которую неведомый столяр вытесал с максимальной грубостью.

А теперь – сделаю-ка я ход свиньей… в смысле, спущусь в гости к свинье. Я бросил веревку за окно, и услышал, как чушка возмущенно хрюкнула. Выглянул: она немного уступила мне место, подвинулась самую малость, будто гости с верхних этажей наведывались к ней каждый день.

Затем я спустился вниз, сапогами в мерзкую липкую грязь нового мира. Ту самую грязь, которую теперь должен буду усиленно разгребать.

Глава 7

Маленький шаг в грязи для одного человека, большой – для местного человечества, которое я скоро облагодетельствую насильно. Свинья снова высказала претензии, но насиженное место не покинула. Придерживая шпагу, чтобы не колотилась о бедро, я перешагнул через хавронью и пошлепал к проходу между домами. Белек не соврал – стенка трактира под моим окном и правда была глухой, может, там находились склады припасов или еще что.

«Дурак, ой дурак!.. – принялся нашептывать здравый смысл. – Ты сбежал, обрек себя на бег по пересеченной местности, и это вместо того, чтобы предаться в руки группы Белека и с комфортом проехать к столице. И засунь в одно место логические выкладки насчет собственной независимости и осмотра страны!..»

Но инстинкты, окончательно проснувшись, говорили другое: ты все делаешь правильно. Причем это говорили и мои, Андрея Вершинина, инстинкты, и чуйка нового тела, которое реагировало на опасность атавистическим, звериным образом. Зверь, предчувствуя угрозу, не стоит и не рефлексирует – бежать мне или нет… может, я еще подожду, подумаю… в конце концов, тварь я дрожащая или право имею… – нет, он тупо драпает, поджав хвост, и именно это я сейчас и проделывал. Откуда-то приближалась явная опасность, причем такая, которой я не мог противостоять. Не знаю, как это назвать – возможно, дерзким озарением, которые изредка меня посещали, но я знал одно – если сейчас не уберусь из Выселок, со мной проделают много интересных с точки зрения анатомии фокусов.

Я свернул на улочку и тут же врезался плечом в детину на голову выше меня. Был он суров лицом, обильно бородат, а к поясу его лилового кафтана пристегнута внушительного вида дубина со стальными шипами.

Он рыкнул, смерил меня взглядом, а я смерил взглядом его. Между нами состоялся следующий быстрый диалог:

Детина:

– Э, ты чего…

Я:

– Я ничего, а ты чего?

Детина (кладя руку на дубину):

– И я ничего.

Я (кладя руку на шпагу):

– Ну и все.

Детина:

– Ладно.

При этом и он и я в любой момент могли пойти на конфронтацию, но оба этого не хотели. В его глазах я выглядел бедным, не обремененным манерами дворянином, у которого из всего имущества – только шпага. Извинений я не потребовал, он, разумеется, тоже – в общем, мы разошлись, как два военных корабля, лишь слегка царапнув друг друга бортами.

Я мог быть доволен: дворянство мое, воплощенное в шпаге, – лучшая охранная грамота. Не будет никто связываться с дворянином, просто устрашатся лишних проблем. Сословное общество оно такое – кому мать родная, а кому и мачеха.

Верзила прикрывал собой существо, только отдаленно напоминавшее человека. Ростом оно было примерно метра полтора и ровно столько же места занимало в ширину. Закутанное в толстую шубу из рыжего меха, поверх которой лежала его черная кудрявая борода, существо напоминало разжиревшего колобка. Кроме бороды шуба была украшена несколькими мотками толстых золотых цепей, тускло блестевших на весеннем солнышке. Достопамятный Мистер Ти, ушатавший Рокки в третьей части известного фильма, мог бы позавидовать – его цепи были явно пожиже.

– У! – сказало существо, с трудом повернув шею, чтобы взглянуть на меня. Лицо его тонуло в жировых складках, каких-то буграх и оспинах, кожа была цвета спелого томата. Маленькие глазки терялись под набрякшими веками. Нос в форме картошки напоминал вспаханное поле, настолько крупными были поры. – У! – Потеряв ко мне интерес, создание отвернулось и неопределенно махнуло рукой. За его спиной маячил еще один верзила.

Все трое – богач и его телохранители – продолжили путь, забыв о том, что я существую. Ходячий сейф с золотыми цепями шел, осторожно переваливаясь, словно не был уверен, что размокшая дорога выдержит его поступь; подол шубы волочился по грязи. Не человек это был, разумеется, а представитель какой-то местной расы. И ни он, ни его телохранители не являлись угрозой – просто шли по своим делам, а я случайно с ними пересекся.

Я зашагал прочь, контролируя каждое движение: иду не быстро и не медленно, по сторонам озираюсь неторопливо, как бы скучая, руками попусту не размахиваю, в общем, не привлекаю внимания к своей персоне. Конечно, нервы на пределе – каждую секунду ожидаю выкрика в спину от карбонариев Белека: а вдруг кто-то из них выглянет на улицу и узнает Торнхелла – ведь они его видели ранее, само собой, со спины?..

Один раз все же не удержался, глянул через плечо украдкой. У гостиницы топтались несколько человек, но, судя по движениям, никуда они не торопились, пальцами в меня не тыкали. На покатой крыше с бурой обколотой черепицей трепетал выгоревший синий флаг с белым изображением ножа и двузубой вилки. Наглядная реклама услуг, видимая издалека.

Дорога под ногами была размытой, с глубокими колеями от тележных колес и бесчисленными следами копыт. К счастью, со времени последнего дождя почва успела немного подсохнуть, и я не выдирал с каждым шагом сапоги из липкой трясины.

Дома, теснящиеся по бокам улицы, были торговыми складами и какими-то конторами, почти все сложены из почерневших бревен, только изредка серели каменные, двухэтажные. Никаких тебе архитектурных изысков, сплошь утилитарная безвкусица. Мелькали вывески, которые я не читал. Народ занимался своими делами, не особо меня разглядывая, у складов что-то выгружали-загружали с веселым матерком, порой я обходил горы ящиков и бочек, сваленных прямо в дорожную грязь. Поскрипывали телеги, ржали лошади. Наплывали запахи – вкусные, древесно-смоляные, хлебные, или не столь приятные – кислые, горькие, тошнотворные. Дивный новый мир…

Отойдя на полста метров, я не выдержал и шмыгнул в какую-то подворотню, вспугнув дремлющую лишайную собаку. Передохнул. Сердце, чуя угрозу, колотилось, как вспугнутый в клетке зверек: слишком много адреналина гуляло в крови. Откуда-то приближалась опасность – не иллюзорная, самая настоящая, инстинкты при этом настоятельно требовали покинуть город, который мог в любой момент превратиться в ловушку для одного бойкого соискателя мандата архканцлера.

Небо затягивала серая дымка – верный предвестник скорого дождя. Как там говорил Белек – мне удастся добраться в Норатор в срок, если не будет распутицы? Угу, не будет, как же…

Еще минуты три я пытался отдышаться, разглядывая бревенчатую стену перед собой. Граффити со времен каменного века ничуть не изменились. Точнее говоря, изменились немного: к живописаниям гениталий после изобретения грамоты стали добавлять похабные надписи.

Так, а теперь немного поиграем…

Я прошел подворотню насквозь и, смирив нервный шаг, выбрел на улицу, где, изобразив пьяного, словил за рукав какого-то парня в коричневой рабочей блузе.

– Ик… Пятигорье… Это… Пятигорье?

Он взглянул на меня, увидел шпагу – занесенный кулак мигом разжался.

– Ни боже мой, милорд благородный сэр! Это Выселки будут.

Я потерянно икнул и махнул рукой:

– Гулял я… загулял… еще хочу… Пятигорье… там?

Парень указал в противоположную сторону:

– Там, милорд благородный сэр. Шесть лиг отсель. Сперва по этой дороге, а затем по Серому тракту напрямки, не промахнетесь…

Я пробубнил:

– Д-далеко… – а сам попытался прикинуть в уме, сколько это – лига? По нашим, земным меркам – около пяти километров. А сколько здесь? Беда-беда: я знаю местный язык и меры длины, но не могу соотнести их с земными мерами, ибо все знания Торнхелла исчезли из мозга вместе с его гнилой душой.

– Да нет, милорд, благородный сэр, ежели наймете рыдван у Карраса, так к вечеру там будете. Только скажите, милорд, что послал вас Альцус Рябодушка, он знает.

Бизнес везде бизнес. Но не будет тебе, Альцус Рябодушка, процента от найденного клиента, поскольку никакой экипаж я не найму. Если я полезу к Каррасу, то оставлю слишком видимый след для тех, кто начнет меня вскоре искать. Кстати, сколько у меня времени на то, чтобы покинуть город? Не уверен, что мои инстинкты врут, а если они не врут – у меня в распоряжении минут пять – десять. Скоро над моей головой разразится буря, если я вовремя не сделаю ноги. Причем бурю устроят не карбонарии Белека, хотя и они примут в тарараме активное участие.

Я отпустил рукав Альцуса и развязно хлопнул его по плечу:

– Об-бязательно навещу, надо только еще немного, ик, выпить… Г-голову по… поправить голову надо! Тошнит голову, п-приятель, л-летаю…

Парень кивнул: в его глазах я читал глубокое понимание. Пьяных, особенно если они с деньгами и не шибко буянят, везде принимают и понимают.

– Храни вас Свет Ашара, милорд благородный сэр.

– И т-тебя, приятель! За-замолвлю за тебя словечко у Карраса!

Я побрел, весьма реалистично шатаясь. Старался выдерживать направление, которое указал Альцус. К счастью, Выселки были городом невеликим. Минут через пять впереди замаячила окраина – приземистые домики, обнесенные частоколом, а за ними – полуплешивые, в частых вырубках, холмы, за которыми в смутной голубой дымке угадывались острые верхушки гор. Я шел по краю дороги, с другой стороны которой тянулась зловонная канава. Там, булькая, струился меж глиняных размытых берегов ручей – классическая открытая

канализация, забитая всяким сором и прошлогодними палыми листьями.

Серая хмарь расползалась по небу ровным покровом.

Несомненно, двигаться к Пятигорью я буду под дождем. К счастью, на мне шляпа и кожаная куртка. Примем пока, что местная лига соответствует земной, значит, до Пятигорья двадцать – двадцать пять километров. Для бешеной собаки сто верст не крюк – одолею часов за пять, а возможно, найду тех, кто подвезет. Главное – уйти от места своего вселения как можно дальше, запутать следы. Основной след от меня один – Альцус, но я не думаю, что те, кто начнут меня вскоре искать, выйдут на него, разве что он сам признается, что указал путь какому-то пьяному дворянчику. И есть у меня чуйка, что, если меня найдут и, хуже того, изловят, – в скором времени живым Арану Торнхеллу не бывать.

Дорога впереди ныряла за вытянутую лапу холма, и именно оттуда, из-за поворота, послышался надсадный гул, какой могут издавать только десятки лошадей, идущих галопом.

Я замер в раздумьях на долгие секунды, а потом распорядился своим новым телом не слишком гуманно – сиганул в канаву, сжался там, измарав руки в глине, стянул шляпу, постарался слиться с местностью.

Над головой – кажется, прямо по голове! – застучали, забили копыта, запах лошадиного пота мигом перебил зловоние клоаки. По спине дробно ударили шарики грязи, выбитые ударами копыт. Бряцало железо. Всадники перекликались хриплыми голосами. Я услышал: «Торнхелл!» – и решил, что меня обнаружили. Но нет. Услышал еще отрывистое: «Гостиница… Белек…» – и облегченно перевел дух. Да, эти ребята скакали по мою душу. Интересно, кто они? Некая скрытая оппозиция? Новое крыло патриотов? Или те, кто «выбрал Торнхелла подло», а теперь, узнав о подмене, стремится исправить ситуацию?

Впрочем, какая разница… Я переждал, пока гул кавалькады смолкнет, и выбрался из канавы, отряхивая грязь с рук и лица. Теперь уже нечего скрываться – вперед и только вперед. Я добежал до поворота, двигаясь по обочине, заросшей жестким бурьяном и оттого не такой вязкой. За поворотом начиналась свобода. По крайней мере, на две недели пути до Норатора… Я прошел немного и обнаружил обломок путевого столба, размалеванного, как и водится у путевых столбов, белыми полосами. На самом деле полосы виднелись едва заметными грязно-серыми пятнами – так давно их обновляли. Основная часть столба валялась далеко за обочиной, прикрытая травой. Я пошевелил сапогом, увидел, что к столбу прибиты указатели –

«Пятигорье – пять лиг… Рыбьи Потроха – три лиги…», еще какие-то таблички отлетели при падении, оставшийся обломок сообщал про некие «…елки». Ага, это имелись в виду Выселки. Столб, судя по отломку, просто сгнил и сломался, и его не стали заменять – народ занимался бизнесом, а местной власти, очевидно, было глубоко наплевать на какие-то там дорожные указатели. О-хо-хо… Когда в стране начинают падать дорожные столбы и их никто не заменяет, это означает, что страна того и гляди сама рухнет.

Империя Санкструм, несомненно, давно нуждалась в хорошей встряске.

Моими руками.

Глава 8

Легче сказать, чем сделать, но в земной истории бывали случаи, когда поднявшийся из грязи в князи человек отстраивал империю с нуля. Ну а моя задача, если посмотреть, намного проще – мне нужно взять готовую империю и отремонтировать так, чтобы стояло и не падало как можно дольше, заложить базис. Два года – срок, конечно, невеликий, но если подойти с умом, то что-то может получиться. И даже больше чем что-то.

А я как раз только что поднялся из грязи – в буквальном смысле.

Я пустился по обочине скорым шагом, стремясь быстрее удалиться от поселка. Придорожный кустарник настырно хватал за рукав куртки, изредка вальяжно похлопывал по щеке. Сердце постепенно успокаивалось, хотя нервы все еще гуляли: мне все время казалось, что вот-вот из-за поворота на Выселки вылетит отряд молодцев лихих и изрубит меня… И все равно, чем изрубит – мечами, саблями, главное, что найдут меня потом по кусочкам. С другой стороны, в моем положении пешего одиночки есть большой плюс – я всегда сумею залечь в придорожных кустах, услышав топот копыт задолго до появления всадников. Какая из партий отправила в Выселки отряд, хотелось бы знать? И не менее интересно и важно – известно ли им о подмене личности Торнхелла?..

Стоп, что я говорю – они упомянули Белека, а значит, подмена или возможность подмены уже не секрет для какой-то из вражеских партий. В таком случае задача получения мандата архканцлера весьма усложняется… Тем не менее я попробую его заграбастать. Им еще надо доказать, что я не Торнхелл, а это будет не так-то просто сделать. Внешне я – это он, ритуала подмены никто не видел, и Белек мертв… Не будут же мне устраивать публичный экзамен на право называться Торнхеллом? Я дворянин, в конце концов, я могу отказаться отвечать, объявить происходящее провокацией… что-что, а развести демагогию, запутать дело я сумею. В Нораторе я заручусь поддержкой Таренкса Аджи и Простых и попробую взять мандат: если получится – добром, а не получится – силой или хитростью.

Возможно также, все мои измышления попадают в молоко, и отряд конников прибыл в Выселки, скажем, узнав, что Торнхелла завлекли туда – может быть, силой, и теперь стремится его освободить, не зная ничего о плане подмены или же предполагая, что подмена еще не состоялась. Возможно, они думают, что Белек просто состоит в группе поддержки – как маг,

владеющий боевой магией… Коротко говоря – я правильно сделал, что из Выселок сбежал, иначе меня разорвали бы на тысячу медвежат не те, так другие.

Но сначала нужно добраться, доползти до Норатора. Желательно в целости и сохранности, а это значит – в добром здравии, не потеряв по дороге какую-либо конечность или, скажем, глаз.

Однако, как скверно, оказывается, что вместе с душой Торнхелла из тела вышибло все его воспоминания! Мне было бы в сотню раз легче, имей я в голове энциклопедию нравов и быта Санкструма. Остались лишь какие-то инстинкты да рефлексы, но это ничтожно мало по сравнению с тем сокровищем, что могло оказаться в моем распоряжении.

М-да, Белек, что ж ты так-то… Может, был шанс оставить хоть какие-то воспоминания, а?..

Дымка над головой густела и опускалась, превращаясь в блекло-серую хмарь, сквозь которую виднелось такое же бледное весеннее солнце. Навскидку температура – градусов около двадцати. Достаточно свежо, чтобы не упариться в пути. Но вот ночевать в такую погоду желательно под крышей, ибо ночью будет куда прохладнее.

Я немного успокоился, умерил шаги, правда, каждую минуту оглядывался. До Пятигорья несколько часов ходьбы, и нечего рвать жилы, идти следует размеренно и экономно. Странно, что других пешеходов, кроме меня, не видно… Выселки показались мне очень оживленным местом, и следовало полагать, что и пути к нему будут так же оживленны.

Унылый раскисший шлях тянулся, петляя, среди холмов и перелесков. Я узнавал березы, ели, клены – природа здешних мест была знакома, никакой экзотики. Тут бы сказать, что весенняя сочная зелень радовала глаз… но было в пейзаже нечто такое, что настораживало. Постепенно я перестал вздрагивать от каждого шороха, начал глазеть по сторонам и понял, что именно меня беспокоит: за дорогой – по обе стороны – виднелись заброшенные, поросшие сорными травами поля. Немного погодя вдали я увидел останки деревеньки: остовы изб напоминали скопища обгорелых костей с торчащими ребрами. Кто-то прошелся огнем и мечом по крестьянским хозяйствам, и уже давно. Хорошенькие здесь порядки. За что спалили деревеньку-то? Недоимки или все селяне коллективно помочились местному барину в щи?

Впереди показался большой дорожный камень, покрытый оспинами зеленого мха. На его гладко стесанной верхушке гордо высились гигантские ноги – голени и ступни в сандалиях,

выполненные из красновато-серого гранита. Выше колен статуя отсутствовала, меж сандалий виднелись остатки птичьего гнезда. Думается, повалили и растаскали на свои нужды этот символ могущества Империи очень давно, а местная власть и не подумала его восстанавливать – в точности как с дорожным столбом у поселка.

Да тут «Сталкер» какой-то – тот самый, что с точечками. Кругом следы упадка и апокалипсиса, страшно представить, что будет за ближайшим поворотом…

Ничего особого за поворотом не открылось, просто на обочине возлежал здоровенный скелет. Сквозь ребра проросли весенние травы. Я сбился с шага, сердце дрогнуло. Я в мире, где существует магия, а значит, и магические существа тут могут обретаться… Что за тварь нашла упокоение на обочине? Дракон? Единорог? Или что-то невиданное, неизвестное мне? Скелет пожелтел, отдельные кости были расколоты чьими-то крепкими зубами. Однако не дракон это был – приблизившись к полускрытой в траве голове, я увидел самые обычные коровьи рога. Проза жизни… У крестьянина сдохла коровенка, и он оставил ее тут, вырезав, может, какие-то куски мяса из падали, если не побрезговал, остальное докончили бродячие собаки или волки, лисы, куницы, а путники, что следовали в Выселки, вынуждены были проезжать мимо смердящих останков, кои никто из власть имущих не приказал закопать. Смешно, страшно, грустно. И, похоже, обыденно для Санкструма.

Новый взгляд за спину. В небо со стороны Выселок толстым столбом поднимался жирный коптящий дым. Так может гореть только гостиница с таверной, где полно угля для очага, соломенных тюфяков, жирных окороков и колбас и крепкого алкоголя: все это полыхает и поддерживает горение с исключительной силой.

У всадников, что прибыли по мою душу, возникли разногласия с партией Белека, и их решили уладить, не вынося, скажем так, сор из избы, – прямо в гостинице.

Тело мое напряглось, ноги сами понесли вскачь.

Это не был приступ паники, просто желание оказаться как можно дальше от Выселок, где сейчас кипели кроваво-огненные страсти по Торнхеллу.

Дорога то шла под уклон, то карабкалась на холмы – я опомнился, отмахав не менее чем километр. Остановился, отдышался, хотя мог бы бежать еще и еще – Торнхелл, как матерый волк, не знал усталости. Впереди раздолбанный шлях упирался в широкий, мощенный серовато-белыми тесаными булыгами тракт. А за ним, вдали, за вспаханным полем, на

взгорке виднелась деревенька, к счастью, целая, негорелая. Ну вот, обжитые места, а то «Сталкер», «Сталкер»… А это тот самый Серый тракт, о котором толковал Альцус Рябодушка. Только он не упомянул, что тракт тянется в обе стороны, и по какой мне топать – совершенно неясно; ему-то, конечно, все понятно – он же местный, а мне вот – увы, увы. И указателя, как назло, рядом нет.

Я сошел на булыжники тракта и остановился в глубоком раздумье. Ну и? И куда? Вправо или влево? Нужно подождать да спросить прохожих. Я углядел камень у обочины и присел. Хорошо бы сейчас бутылки три пива, и обязательно чтобы из самой глубины холодильника… И поесть чего-то вредного принесите, гамбургер, скажем, с жареной картошкой, на закуску – чизкейк, но можно и простой чебурек. Одним словом – хочется есть и пить, и с каждой минутой все сильнее. С момента возрождения в новом теле я не выпил ни капли и не съел ни крошки, я только удивлялся, говорил, шел, снова удивлялся, а под конец пробежал кросс, как вспугнутый с лежки волчара.

Над Выселками продолжало дымиться. Копотный столб колыхало ветром. Пожарных бригад тут нет, гореть будет весело и долго. Надеюсь, не причастные к делу Торнхелла не пострадали, а вот если огонь вовремя не потушат – хотя с чего бы, да и как? – Выселки к вечеру сгорят дотла…

От раздумий отвлек громкий скрип. По тракту катила в моем направлении запряженная парой лошаденок повозка. Натянутый на дуги тент был грязно-бурого цвета, такой же масти были и лошаденки, а вот рясы у двух возниц на передке повозки напоминали оттенком спелую вишню. Это были явно монахи – один молодой, тощий, похожий на лиса, второй средних лет, плечистый, щекастый и носатый. Рясы подпоясаны на вид прочными веревками, к которым за темляки подвешены увесистые шестоперы.

Зубастые, следует признать, монахи. То, что они при оружии, может означать лишь одно – места тут… злые.

Я привстал и кашлянул преувеличенно громко. Тощий монашек натянул поводья. Повозка-то невеличка, но с парой огромных железных колес – именно они нещадно скрипели, терзая мой слух.

– Куда путь держите, святые отцы?

Ответил старший, как бы невзначай положив ладонь на полированную рукоять шестопера:

– Мы не отцы, мы братья.

«Разлученные в детстве?» – чуть не спросил я, но не стал – в этом мире шутки из индийских фильмов могли вызвать только глухое недоумение.

– Брат Сеговий и брат Аммосий, – добавил младший, стукнув себя в цыплячью грудь. Затем коснулся сердца и вытянул руку с поднятой ладонью по направлению ко мне. – Да пребудет с тобою Свет Ашара, путник!

Я кивнул.

– И вам того же, – и, поскольку лица их вытянулись, спешно добавил, проделав ту же процедуру: – Да пребудет Свет Ашара и с вами, братья! Я следую в Пятигорье, но малость заплутал. Не подскажете, в какой оно стороне?

Оба брата были коротко стриженны, но не носили тонзур, видимо, практика выбривания темечка тут не прижилась. Они переглянулись. Ответил брат Сеговий – старший:

– Пятигорье находится в той стороне, куда направлены головы наших лошадей.

Мне показалось или в его ответе была издевка? Но не время оскорбляться. Возможно, я смогу воспользоваться местным автостопом.

– Я с утра на ногах и изрядно устал. Остаток пути до Пятигорья я хотел бы проделать с вами.

Брат Сеговий смерил меня взглядом, особо оценил шпагу у бедра и, что-то прикинув в уме, степенно кивнул:

– Ашар велел помогать ближнему, – но приглашающего жеста не сделал.

– Угу, – сказал я, пытаясь понять, к чему он клонит. – Так я могу залезать?

– Ашар велел делиться.

Туго же я соображаю. Брат Сеговий, разумеется, требовал бакшиш, то есть взятку за проезд на казенном церковном имуществе.

Во всех мирах люди остаются людьми, а монахи – монахами. Я порылся в кошельке, извлек медяк и уложил его на протянутую ладонь возницы.

Брат Сеговий придирчиво осмотрел медяк, будто я только что явился от изготовителей фальшивых денег, и кивнул:

– Ашар доволен, но наполовину. Ашар говорит: дела наполовину не делаются. Большой грех – сделать дело наполовину.

Продувной, однако, монашек. Я выдал еще медяк.

Брат Сеговий довольно кивнул:

– Полезай в наш шарабан.

Я занял место на заднике фургона, среди мешков с пахучей сушеной рыбой, по-нашему говоря – таранкой.

Шарабан, немилосердно скрипя колесами, стронулся с места.

Так начался мой путь в Норатор.

Глава 9

Теперь, когда я достиг людных мест, порядочно отойдя от Выселок, прятаться лучше на виду, но все же – прятаться. Одинокий путник на тракте, вьющемся между крестьянских полей, бросается в глаза намного сильнее, чем обыденная повозка.

Сидя у задника шарабана на кулях с сухо шелестящей таранкой, положив шпагу на колени, одним глазом я наблюдал за дорогой со стороны Выселок, а другим – изредка косил на стриженые затылки монахов. Ребята они были тертые, во всяком случае, старший, и получить невзначай шестопером по голове мне не хотелось.

Мое вживание в новый мир проходило в целом удовлетворительно. Говорил новый Торнхелл без всякого акцента – это я понял, сравнив речь свою и клириков. С другой стороны – я едва не погорел, как и все шпионы, на мелочи – легонько пошутив на религиозную тему. Пришлось сделать заметку на будущее: не пытаться шутить о том, о чем ни сном ни духом, иначе за мной будет стелиться след, густой, как нефтяной из пробитого танкера, а может, попадется и такой человек, что не вынесет глумежа над местной религией и попробует раскроить мне череп – во славу веры, так сказать, как конкистадоры в Южной Америке, насаждавшие любовь к Богу порохом и шпагой.

Да и после, как приму архканцлерство, язык тоже придется держать в узде. Иначе пойдут слухи. Собственно, слухи-то и так пойдут, если предположить, что часть местных политиков знает о том, что внутри Торнхелла – вселенец. Но доказательств у них нет, и давать им эти самые доказательства глупыми шутками или оговорками сродни самоубийству. Кстати, вопрос: а кто кроме Белека вообще в курсе, откуда выдернули душу, которую затем впихнули в Торнхелла? Может быть, они думают, что вселенец – местный? Но сейчас это несущественная тема. Мне бы до Пятигорья добраться без лишних приключений.

Я прислушивался к ленивому разговору монахов. Как водится, в пути обсуждали все что угодно, включая политические и военные события, нимало не стесняясь меня – случайного спутника, из чего я заключил, что властей монахи не боятся и в грош не ставят. Им плевать, что я могу оказаться каким-нибудь шпионом-прознатчиком императорского дома, который может в случае чего взять их за живое и так сжать это живое в кулаке, что у них глаза выскочат из черепушек. Этого, очевидно, не могло быть просто потому, что центральная власть такими вещами не

занималась, пустив внутренние дела, и в частности безопасность и идеологию, на самотек. Ну некому было этим заниматься, и все тут. Об императорском доме монахи отзывались весьма иронично, о Санкструме говорили тоже с насмешкой, не испытывая, похоже, к нему никаких теплых чувств, как об отжившем покойнике. Я услышал: «Скоро уж Рендор нашу Гарь к рукам приберет: ежели степняки хлынут – так уж точно! А чего – степняки с одной стороны, Рендор с другой, а Адора – с третьей, Норатор себе захапает. Купчишки Рендора вон в Выселках хозяйствуют, как у себя дома».

Ага, вот, значит, почему дорога от Выселок была пустынна, а в самом городке жизнь била ключом. Там просто давно хозяйничало государство, экономика которого чувствовала себя намного лучше, чем экономика Санкструма; товары и все остальное возили в сторону Рендора.

Еще я услышал, что Алая Степь – брат Сеговий сказал именно: «Степь», преувеличено-грозно, почтительным тоном – снова волнуется: «…как тогда, ну помнишь, еле откупились, Свет Ашара помог!», что война может быть уже очень скоро, если не найдут денег для выплаты дани загадочному Сандеру, а денег-то и нет, потому что: «…все воруют и вообще, да и с чем воевать, ежели не с чем», что на восточной окраине вроде бы появился черный мор, но: «…не тот, что пять годков назад, нет, а такой, что морда струпьями покрывается враз, а как покойника разрежешь – так у него в легких словно грибы проросли, спаси нас Ашар; мрет народец от такого без счету».

Дивный новый мир был не особенно приятен. Мало того, что Санкструм вот-вот упадет, рассыплется, тут еще и не знают антибиотиков, тут водятся болячки вроде чумы и оспы, тут и холера – частый гость, ведь понимание того, что кипячение убивает бактерии, тут, разумеется, отсутствует.

Дорога вилась меж полей, изредка встречались деревеньки с домами из почерневших бревен, с церквушками из блеклого, точенного ветрами серого камня. Острые шпили звонниц отмечали наш путь от деревни к деревне. Я видел редкие коровьи и овечьи стада на зеленых склонах холмов, видел, как крестьяне пашут землю, толкая плуг, запряженный, как правило, парой тощих снулых быков. В одном месте пейзанин пахал, запрягши в ярмо корову – то, что это корова, ясно было по вымени. Несчастная буренка тянула плуг, неистово мыча от натуги. Бедность…

В мрачных небесах не реяли драконы, в перелесках не мелькали единороги. Никаких проявлений магии вокруг, не знаю, к добру или к худу. Скоро пойдет дождь – вот это точно не к

добру, ибо дороги – те, что не мощены, раскиснут, а мне нужно двигаться вперед без проволочек.

Серый тракт построен давным-давно, это я хорошо видел по выщербленному, вдавленному камню. Очевидно, тракт этот был аналогом римских дорог моего мира. Римляне, как известно, первым делом в захваченных провинциях строили дороги с фундаментом, уходящим на метр в глубину, оттого и уцелели эти дороги до нашего времени.

Шарабан то и дело тряско подскакивал на дорожных щербинах.

Брат Сеговий меж тем разглагольствовал о том, что университеты, некогда учрежденные высшей властью, по всей стране давно уж закрыты, и последний на днях прикроют в Нораторе, ибо, как водится, в казне нет денег.

– Эх, а я так хотел пойти учиться… – вздохнул брат Аммосий, на что брат Сеговий насмешливо хмыкнул и ответил, что монастырская библиотека побольше иной университетской будет и богословие лучше постигать в монастыре.

Вопрос: как у них тут обстоят дела с космогонией? На чем покоится их планета… то есть, конечно, не планета – а земля? На слонах, китах или на иных каких-то существах – возможно, на заднице мудрой обезьяны или на спине летящего дракона или черепахи, что дрейфует в безбрежном океане? Круглая она, плоская, в форме блина, или там квадратная, земля эта? Надо будет уточнить. Но – потом, потом. А пока лучше не говорить, что планеты обыкновенно имеют округлую форму и вращаются вокруг звезд.

М-да, не такого я ожидал от нового мира. Узнав, что Белек – чародей, я ждал… не знаю, эльфов, единорогов, драконов, сил тьмы, тварей из преисподней. Однако пока из всего этого добра на Сером тракте в обилии встречались только коровьи лепешки и изредка – конские каштаны, а истинное зло, как и на Земле, творил человек; ну и болезни, конечно, куда без болезней.

По булыгам в противоположную нашему движению сторону простучал запряженный четверкой лошадей красный дощатый дом на колесах – местный трейлер с зарешеченными окошками и трубой, из которой выдувало клочья дыма. На карету не похоже; как там говорил Рябодушка – рыдван? Вот явный дорожный рыдван, используемый для длительных путешествий. За ним следовали пятеро конников с холодным оружием, очевидно, охрана.

– Дворянчик драпает из нашего благословенного Санкструма в Рендор, – с насмешкой произнес брат Сеговий. – Ох, простите, любезный господин, не примите на свой счет… Вы-то не

драпаете, а супротив того, в самый Санкструм едете…

Я промычал что-то невнятное.

Дворяне бегут из империи, это понятно, в лихие времена так часто бывало. Спасают свои капиталы и себя. К тому же, как известно, Торнхелл грядет – кровожадный мерзавец, ха-ха-ха…

Я не стерпел, вытащил карту Белека и расстелил на коленях. Рендор – вот он, крупное, сравнимое с Санкструмом, государство. Видимо, управление страной там в надежных руках. С юго-западной стороны Санкструма штрихами была обозначена Алая Степь – обширное пространство, которое охватывало границы Империи дугой. Граница со степью напоминала острый серп жнеца, способный рассечь шею Санкструма одним движением, если Коронный совет вовремя не подсуетится с данью. А Норатор располагался в юго-восточной части страны, на берегу моря. В первый раз, глядя на карту, я решил, что это просто другое государство, но сейчас понял, что перо художника не слишком умело обозначило морское пространство, которое именовалось «Оргумин». За морем Оргумин виднелась часть другого континента, занятого страной под названием Адора – размерами она была вдвое меньше Санкструма, но тоже велика. Обложили со всех сторон… Кругом враги, и это я еще не считаю внутренних проблем с разными партиями.

На какой-то миг меня охватило ощущение полнейшего бессилия. Не пытаюсь ли я взяться за работу, которую просто невозможно исполнить за отпущенное архканцлеру время? Из какой Гримпенской трясины я должен буду вытянуть страну в кратчайшие сроки? Мне действительно на миг захотелось сигануть из шарабана в придорожные лопухи и сбежать. Куда? Ну хотя бы в Рендор – как я понял, экономически весьма развитое, крепкое государство.

Но никуда я не сбежал, конечно. Я не бегаю от трудностей, это трудности бегают от меня.

Брат Аммосий меж тем говорил:

– Брат Сенистер слыхал от брата Погидия, что Литон Правдоискатель снова удрал из холодной и решил выступить в Норатор. Там, на ступенях храма Ашара, он намерен прочитать лекцию о реформировании церкви Ашара.

– Не дойдет, – авторитетно заявил брат Сеговий, – зарежут по дороге или наши поймают. Где это видано – проповедовать бедность церкви? Ересь страшная, верно я говорю, господин?.. Казнят, казнят Литона, ежели изловят, а не изловят – так в Нораторе прихлопнут, и пикнуть не успеет. Господин?..

Я не сразу сообразил, что обращаются ко мне.

– Господин Жиль Блас из Рендора… В делах веры я не силен,

но про Литона что-то слыхал. Если он столь страшный еретик, его должны схватить и предать справедливому суду… а затем прихлопнуть.

Братья-монахи согласно загудели, хотя брат Аммосий гудел, как мне показалось, без излишнего энтузиазма. Брат Сеговий сказал, подумав:

– Вы, стало быть, странствуете, господин Жиль Блас…

– Странствую, – сказал я. – Судьба была ко мне неблагосклонна, и с лошадьми своими расстался я в Рыбьих Потрохах.

Брат Сеговий понимающе зацокал языком. Проигрался барин вчистую, дело-то ясное и, что важно, – привычное в этом краю азартных игр.

– Экая оказия…

– Только сапоги и шпагу уберег да вот немного денег.

– Эх, дела…

– Далеко ль еще до Пятигорья?

– Часа через три там будем, господин.

Сушеная рыба одуряюще пахла. Я вдруг вспомнил, что хочу и есть, и пить, но решил, что потерплю до города. Странное дело – у меня просыпается ощущение, что мы едем слишком медленно и надо бы торопиться. Хм, что же это… Но не буду же я требовать от монахов, чтобы они погоняли коней? Еще пошлют, чего доброго, а я в ответ – слово за слово, шпагу из ножен…

Чтобы успокоиться, я начал перебирать содержимое поясной сумки. Кошель, носовой платок надушенный, с инициалами, наверняка женскими, флакон с каким-то порошком – явно медицинского, а не магического происхождения. Учитывая любвеобильность Торнхелла, это может оказаться афродизиак, но пробовать на себе я не буду, да и не для кого мне повышать потенцию. Маленькие стальные ножницы. Частый гребень из крепкого дерева. И серебряный стаканчик, в котором бренчат три игральных кости. Я вытащил их и покатал на ладони: зная репутацию Торнхелла, можно предположить, что кости – шулерские. Тут шарабан тряхнуло, и кости укатились меж мешков. Я сунулся подбирать, и обнаружил, что мешки только с внешних сторон набиты рыбой, те же стороны, что прилегают к обтяжке фургона, заполнены какими-то плотными прямоугольными свертками.

Хм…

– А кому везете рыбу, братья?

Ответил Аммосий:

– Везем рыбешку префекту имперских земель, Орму Брингасту. Он правит нашей благословенной провинцией Гарь…

Теми землями, что не принадлежат барону Отту… И лорду Торру. И семейству Аджак.

Я сказал – «угу», и принялся трясти кубики в стакане, как это делают в кино – потряс, потом с маху приложил к твердой поверхности, поднял, посчитал очки. Нет, кубики, сдается мне, были без шулерского подвоха.

Брат Сеговий, оглянувшись, некоторое время следил за моими действиями, затем, будто решившись, порывисто сказал:

– Господин Блас, а хочешь чудо?

О, хм… Монахи настолько исполнены святости, что бесплатно показывают чудеса? Может, речь идет о магии?

– Чудо? – Я сделал паузу, словно задумался. – Разве что самую малость.

– Четвертушку?

О, хм… Бывают чудеса на четверть?

– Давай.

– Полкроны.

Гм, и почему я решил, что монахи будут чудить бесплатно? Ладно, узрим чудо за полкроны. Все-таки я впервые в этом мире и совершаю обзорную экскурсию по Санкструму.

Я открыл кошелек и протянул его монаху.

– Возьми свои полкроны и давай уже чудо. Но смотри, без обмана!

Брат Сеговий оценил содержимое моего кошелька, наконец выбрал серебрушку, сделал жест, чтобы попробовать монетку на зуб, но опомнился – как-никак может оскорбить сим действием меня, дворянина, и кивнул одобрительно. Затем порылся в карманах рясы и достал плитку чего-то коричневого, вроде шоколадки без обертки. Отломил кусок и протянул мне.

– Держите, благородный господин. Это вам не эльфийский лист. Это шмалит как огонь. В голове пчелки: «Жу-у-у»… – эх, радость!

Я держал на ладони кусок спрессованных и, очевидно, ферментированных, как табак, листьев. И что с этим делать? Курить или жевать?

Брат Сеговий словно услышал мои сомнения:

– Не бойтесь, благородный господин, жуйте, оно не прелое, самый свежак.

Я положил пастилку в рот и пожевал. Листья по вкусу напоминали чуть горьковатое сено. Почти сразу в голове заиграл праздничный оркестр.

Я привстал, высунул голову из шарабана, якобы в экстазе, сам же выплюнул жеваную дурь на дорогу.

– Эх, хорошо-о-о! – сказал, снова откинувшись на мешки. –

Пробрало до самых печенок! Забористое… чудо!

– Ага, – сказал брат Аммосий. – Сами делаем.

– Цыть, злыдня! – Брат Сеговий двинул собрата по вере локтем в живот.

Ну вот и выяснилось, что именно везут имперскому префекту святые братья. Рыбу они везут префекту, как же. Они – монахи-пушеры, вернее – пушеры-поставщики. А префект, очевидно, курирует продажу «чуда» по всей провинции, и даже в землях, принадлежащих барону Отту, и лорду Торру, и семейству Аджак. На безбедную старость собирает. Тут впору схватиться за голову и крикнуть: «Куда, мать вашу… ну куда катится эта страна?!»

Когда говорят, что страна гниет, это не значит, что признаки распада видны напрямую (хотя и они заметны), это значит, что в стране творится беспредел во всех сферах жизни, другими словами – повсюду бурлит дерьмо и иногда выплескивается таким вот образом, как в случае с монахами. Впрочем, стоп. Я не знаю, как действует «чудо» на организм в перспективе. Может, оно безопаснее алкоголя? Но сомневаюсь: даже от малой дозы у меня зашумело в голове, а все, что таким образом действует на психику, так или иначе действует на организм в целом. Возьму власть в свои руки, разберусь с «чудом». И со всякими иными «чудесами». И все префекты будут у меня лично водружать дорожные столбы и белить их, взяв кисть в зубы.

Глава 10

Раздавать предвыборные обещания здесь не принято, но я дал зарок самому себе – спокойно и буднично – что, как только получу мандат архканцлера, покончу с «чудом» – ну, по крайней мере, попробую покончить, и не потому, что я такой хороший, и пушистый, и строго правильный, и вообще на белом коне, а потому, что видел, во что превратились жизни двух моих благополучных приятелей, которые умудрились подсесть на дурь; личный опыт в таком деле всегда лучший мотиватор. Если зарезать источники поставки – то и торговлю этим делом удастся пресечь, а источник поставки «чуда» – монастырь, и, думаю, не один, делают его из каких-то листьев, а с листьями прекрасно справляются гербициды… тьфу ты, ведь не знаю я рецептов гербицидов и дефолиантов… ладно, в роли гербицидов выступят дровосеки и косари, и нет таких деревьев, которые нельзя извести под корень, а корни – выкорчевать, и нет такой травы, которую нельзя скосить и сжечь.

Говоря по правде, уже только на основании увиденного и услышанного из уст монахов-пушеров, я с превеликой радостью уклонился бы от почетной должности архканцлера. Однако обычно я держу слово, которое дал осознанно – а слово Белеку я дал в трезвом уме и здравой памяти. И потом – в душе уже проснулся нерассуждающий азарт… Желание испытать себя – смогу я или нет? Раньше мне как-то не доводилось ворочать целыми государствами, пусть даже побитыми и экономически сломанными. Справлюсь? Удастся отстоять Санкструм и наладить в нем сносную мирную – подчеркну, мирную! – жизнь, без всякого черного мора, «чудес», военных угроз и прочего? Или не сдюжу, пропаду, сгину?

Это был вызов, дающийся человеку вроде меня только раз в жизни, и бежать от него мог только совершенно мизерный человечишка, эдакий… общечеловечек, сторонник принципа «моя хата с краю», премудрый пескарь, живущий в тине однообразной спокойной жизни. Механизмы же средневековой цивилизации вряд ли сложнее аналогичных механизмов двадцать первого века, и потому встроиться в них, покопаться в них как следует и, если надо – подсыпать песку в шестеренки или, наоборот, смазать их – кажется мне посильной задачей, хотя работа предстоит адски трудная. Но сначала – осмотр страны на местах, чтобы не наломать дров. Надеюсь, двух недель на детальный осмотр мне хватит, чтобы не спутать туризм с эмиграцией.

Случайный человек не в том месте и не в то время может

перевернуть мир, так, или почти так говорил Джимен, забросивший Гордона Фримена в дистопию «Сити-17». Белек был для меня тем самым Джименом, но только я совсем не ощущал себя Фрименом, хотя задача моя была похожа – повернуть к лучшему страну, в которую меня занесло.

Ну а пока я пристально изучал мир, расстилающийся вокруг. Мир не радовал. То есть природы-то радовали, но во всем – в холмах, деревьях, жидких крестьянских стадах и заостренных верхушках церквей – я видел некий зловещий подтекст реального и весьма страшного положения дел Санкструма. Разрушенная крепость на холме – сколько лет она в таком виде, почему разрушили и почему не отстроили? Обломки башен напоминают пеньки гнилых зубов… Спросить монахов о судьбе крепости? Нет, незачем сеять подозрения – странник вроде меня вряд ли заинтересуется руинами, не двадцать первый век на дворе.

Свежий ветер касался моего лица. Я таращился на дорогу, следуя ее хитрым извивам, раз за разом, и не обнаруживал видимых угроз. Копотный столб дыма давно скрылся за тройным рядом всхолмий – один другого выше; Выселки были уже далеко. Но постепенно я начал бояться чего-то – а вернее, предощущать грядущую опасность настолько остро, что тело затрясло мелкой дрожью, а зубы начали выбивать дробь. «Меня ищут», – вдруг пришло понимание. Они знают, что Торнхелл бежал из Выселок, и – ищут. Кто «они»? Не важно. Важно, что погоня снова наладилась в путь, и я это чувствую, и тело мое хочет действовать. Как действовать? Бежать. Но шарабан едет слишком медленно, и это означает, что нас в любой момент могут нагнать…

Впереди раздались какие-то стоны и крики, я привстал, сжав пальцы на рукояти шпаги, но шарабан монахов не остановился и все так же скрипя продолжал путь.

– О, снова подушный не заплатили, – услышал я голос брата Сеговия, и в поле моего зрения вплыл вкопанный у обочины деревянный столб, старый и рассохшийся. К нему были прикованы трое – две простоволосые женщины, молодая и постарше, и мужчина с морщинистым лицом. Все одеты в заношенные дерюги, в буквальном смысле мешки с дырками – для конечностей и головы. Прикованы все за руки так, что нельзя присесть – только стоять или обвиснуть на столбе. Мужчина и женщина постарше не замечали нас, визгливо ругались, спорили, обменивались оскорблениями, стонали и плакали. Женщина помладше обвисла на столбе, я видел, как покраснели кисти ее рук, стиснутые толстыми ржавыми кандалами. Но мой взгляд она ощутила – глаза приоткрылись, посмотрели на меня, пересохшие

искусанные губы что-то немо сказали. Мой проклятый мужской шовинизм отметил, что вижу перед собой девушку, и если отмыть ее со всех сторон тщательно, стереть копоть с лица да накрасить – будет не просто девушка, а красавица. Она снова что-то выговорила, огромные глаза моляще уставились на меня.

Я, кажется, сказал непечатное и прибавил вроде: «Да что за… Да разве можно так? Снять, снять!» – естественный порыв для нормального человека, особенно мужчины, что видит перед собой красивую страдалицу, – и ринулся творить добрые дела и сеять справедливость, но глас брата Сеговия хлестнул в спину бичом:

– Опомнитесь! Вы точно чуда объелись… куда полезли, господин Жиль Блас?! За снятие со столба государственного должника – смертушка, заверяю вас, будь вы даже дворянин чистых кровей. Это у себя на землях творите чего хотите, а тут – земли Санкструма да префекта нашего, Орма Брингаста. Кормить и поить тоже нельзя. Простоят двое суток – да и снимут их, не лето ныне, не помрут, достоят. А помрут – значит, так Ашар захотел. Знаю, нет у вас такого в Рендоре, так ведь законы – они везде разные, хе-хе.

Я плюхнулся на свое место, резко выдохнув. Пальцы разжались, на митенке виднелся отпечаток рифленой шпажной рукояти. Девушка провожала нашу повозку с немым укором, затем взгляд угас, веки закрылись, она снова обвисла. Позорный столб скрылся за крутым спуском.

– Да и снимете их, благородный господин, – добавил брат Аммосий, – им дорога-то обратно к столбу, ведь не достояли положенного. А достоят – им недоимки простят, продохнуть можно будет до следующего месяца. Да достоят, господин, сейчас жары-то нет, благодарение Ашару, да им долги-то и спишут.

«Ошибка, – отметил я. – Вторая по счету. Полез со своим уставом в чужой монастырь, чуть не сыграл на чистом эмоциональном порыве в бла-ародство, которое могло обернуться подлостью. Не маловато ли тебе, Аран Торнхелл-второй, две недели на осмотр Санкструма, а? Здесь и месяца не хватит – да и то ты постоянно будешь рисковать, пардон, облажаться: влезть не туда, сказать не то…»

Ежемесячный подушный налог, то есть прямой налог на жизнь, на свое существование. Самый гнусный налог в мире, который отменили почти повсеместно в начале двадцатого века. Последний известный случай его введения случился во времена правления Маргарет Тэтчер, чей кабинет решил, что вместо налога на собственность, который платили в основном богатые, будет усредненный подушный налог для всех, но народ к тому времени был не такой забитый и просто в массе своей отказался

платить. Кончилось все тем, что Железную леди, одну из самых лицемерных правительниц Великобритании за всю историю страны, бесславно вышибли в отставку.

Я сделал отметку для себя – разобраться с подушным налогом и заменить его налогом на собственность и товары. Сразу, как только переименую Рыбьи Потроха в Голубые Фиалки. Переименование – это вообще самое умное политическое решение. Переименуем начинание, город, заведение или процесс – и тогда дело само пойдет на лад, это известно каждому опытному политику. Например, если назвать город Фиалками, там тут же перестанет пахнуть рыбьими потрохами, ну и так далее. Это могучее политическое колдовство, от которого нет решительно никакого спасения.

Солнце, просвечивая сквозь низкую хмарь, постепенно двигалось по небосводу в сторону заката. Ощущение голода и жажды притупилось, каждой клеткой моего тела владело чувство опасности.

Чтобы успокоиться, я снова начал трясти кости и смачно прикладывать стакан с ними на неровный струганый пол шарабана. Все же они с подвохом. Торнхелл, чистой души человек, просто не мог играть другими костями. Если взвешивать на ладони, утяжеление не было заметно, однако если я, припечатывая кости стаканчиком к полу шарабана, в момент удара чуть-чуть сдвигал стаканчик – а значит, и кости – в сторону, одна кость постоянно переворачивалась шестеркой, вторая – пятеркой, и третья – четверкой. Все продумано, да так ловко, что шулерство не заметишь даже наметанным глазом. Как, интересно, при этом Торнхелл умудрился проиграться в Рыбьих Потрохах? Видимо, от партии Белека выступал неменьший жулик, настоявший, чтобы использовали его игральные кости.

Брат Сеговий некоторое время посматривал на мои манипуляции через плечо, затем порывисто вздохнул и молвил:

– Ну что, господин Блас, хорошо? Вот сейчас, заверяю вас и прямо чувствую, вам должно стать совсем хорошо!

Я понял, что он имеет в виду состояние «прихода» и, кивнув, промычал:

– Умг-му-у!

– Через час мы будем в Пятигорье, заверяю вас, а пока – не сыграть ли нам, господин Блас, в кости?

По блестящим его глазкам я прочел: он решил, что я под «чудом» и легко проиграю все деньги, забыв себя и поддавшись азарту. Он не знает, что остатки дури давно выветрились. Я бросил кости еще три раза, все три – сдвигая стакан, и, убедившись, что смогу выиграть без труда, кивнул:

– Умг-му-у!

– Ашар запрещает по понедель… – начал брат Аммосий, но брат Сеговий с преизрядной ловкостью сунул ему локоть куда-то в область печени, отчего у брата Аммосия округлились глаза и кровь отлила от лица.

«Понедельник, – отметил я про себя. – Вспоминая известный анекдот: ну, блин, и начинается неделька! Надеюсь, за час, что остался до Пятигорья, нас не настигнет погоня, иначе я рискую разделить участь героя анекдота…»

Брат Сеговий пробрался ко мне, шелестя кулями с рыбой, устроился рядом, от чего задник шарабана изрядно просел.

– Приступим же, благословясь.

И хозяйским жестом сгреб кости, взвесил на мозолистой рабочей ладони, кивнул, бросил несколько раз, не сдвигая, разумеется, стаканчик. Всякий раз кости выпадали по-разному. Монах уверился, что кости без изъяна, и радостно потер руки.

Мы начали играть, я по-прежнему изображал опьянение – что было не очень затруднительно. Десять золотых в моем кошельке тревожили клирика от кончиков покрасневших ушей до самых, надо полагать, пяток.

Я проиграл ему всю медь, затем серебро, потом пару золотых крон, и, когда брат Сеговий, раскрасневшись от алчности, окончательно уверился в том, что фортуна к нему благосклонна, а я – пьяный лох, предложил поставить восемь оставшихся золотых против шарабана, коней, обеих ряс с исподним и брата Аммосия.

– И меня? – ужаснулся молодой клирик, но брат Сеговий, войдя в раж азарта, взмахнул кулаком:

– Цыть!

– Но, брат Се…

– Цыть, я сказал! Играем, благородный господин Блас, играем на все!

– Играем сразу, по броску каждому.

– Идет!

– Мечите первым, святой отец.

Брат Сеговий выкинул пять-три-четыре. Неплохой расклад, даже очень.

Я взял стаканчик, долго тряс, затем, припечатав его о пол шарабана, сдвинул в сторону – едва заметно.

Шесть-пять-четыре.

Брат Сеговий громко ахнул.

– Снимайте исподнее, брат Сеговий, – сказал я спокойно. – Ашар велел делиться.

Глава 11

Брат Сеговий уставился на меня взглядом тупого ишака.

– Долг в кости – долг чести! – перефразировал я. – А кто не платит, того ждут кары ан… не важно какие, но скорее кары земные, чем небесные. – И до половины вытащил из ножен шпагу.

Энергия азарта, победы, знакомая по земным делам, охватила все тело. Это ни с чем не сравнимое чувство, когда у тебя получается выиграть, победить, устроить все так, как хочешь именно ты. С почином в новом мире, Аран Торнхелл! И тут тоже – все у меня получится.

– Ап… Ап! – Брат Сеговий хватал ртом воздух.

Я смотрел на него трезво и угрожающе и видел, как постепенно – очень медленно – понимание случившегося отражается в его блекло-серых глазах. Его обжулили, обставили, да еще и на том поле, где он сам привык побеждать. Руки его начали беспорядочно шарить по рясе, он будто искал что-то и не мог отыскать. Может быть, свою давно атрофированную совесть.

Брат Аммосий пискнул, как придушенная крыса. У монашка-то совесть еще не окончательно усохла. Он свернул к обочине и остановил повозку. Разгоряченные кони фыркали и глухо били копытами.

– Брат Сеговий, я же теперь… теперь… Вы меня проиграли!

Я мог бы ответить вместо монаха: «Да. И тебе этот урок пойдет на пользу, молодой дурак, немножко взбудоражит и вернет к правильным ценностям, а не только тем, что выражаются в звонкой монете, которую ты получаешь за продажу «чуда». Совесть и сочувствие людям, надеюсь, поселятся в твоей душе, которая едва не стала душонкой, и на людей, прикованных к позорному столбу за долги, ты не станешь смотреть с циничной безучастностью. А твой криминальный наставник брат Сеговий публично унижен и более никогда не будет для тебя авторитетом. Когда и если я приду к власти, я буду знать, с кем иметь дело в монастыре Ашара в провинции Гарь. Ну, скажем так, в одном из монастырей.

– Азартные вы ребята, – промолвил я. – Так вот играть с первым встречным, не узнав толком, кто он… – И усмехнулся – зловеще. Не хватало лишь дьявольского хохота, но я решил не перебарщивать.

– Ой… – провыл брат Аммосий гугниво. – О-о-ой…

– Тихо, тихо, – сказал я, заметив, как волосатая лапа брата Сеговия, перестав елозить по рясе, сомкнулась вокруг полированной рукояти шестопера. Лицо его при этом стало

задумчиво-отрешенным, словно он решал задачу – как проще развалить мне череп, а потом незаметно выбросить из повозки. – Милость Ашара не покинула вас, братья. Мне нет нужды забирать у вас исподнее и жизни, хотя я могу отнять у вас все. Тихо, говорю я! Вы оставите мне повозку и лошадей, братья, остальной долг я… спишу… Как тем, что у столба… Ну вы понимаете, верно?

Я перехватил мохнатое запястье брата Сеговия и сжал. Хватка Торнхелла – а я уже мог убедиться в том ранее – была железной, намного сильнее, чем у моего земного тела.

– Любезный брат Сеговий, выметайтесь наружу.

Любезный брат Сеговий открыл толстый рыбий рот, но я сдавил еще сильнее, и он покорился. Кряхтя, выбрался из шарабана; я выскользнул следом.

– Любезный брат Аммосий, вытаскивайте мешки и бросайте на обочину.

Взгляд Сеговия ожил:

– Вы оставляете нам рыбку, господин Блас?

– Ну конечно, – сказал я. – Мне эта дрянь без надобности. Не правда ли, получить проигранный груз… сродни чуду?

Он понял, потупился, затем взглянул на меня с оттенком благодарности.

По его глазам я увидел, что таки да – чудо свершилось. Потеря такого количества драга могла весьма дурно отразиться на его репутации. Настолько дурно, что он и брат Аммосий вряд ли рискнули бы вернуться в монастырь – отец настоятель, или кто там курировал все дела с «чудом», за потерю груза укоротил бы им жизни.

Не знаю, сколько килограмм «чуда» было в каждом из мешков, но брат Аммосий изрядно взопрел, пока их вытаскивал.

Я велел монахам отойти к обочине и начал отступать спиной к передку шарабана, на всякий случай поглаживая эфес шпаги. Впрочем, оба брата не выказывали враждебных намерений.

– Кто ты, господин Блас? – спросил вдруг Сеговий порывисто.

– О, – сказал я, решив подпустить небольшие понты от приезжих, – вы обо мне еще услышите.

Должен сказать, скромностью я и на Земле не отличался.

Заняв место на козлах, я сграбастал кожаные потрескавшиеся вожжи и легонько стеганул лошадей.

– Добрый господин… Добрый господин! – промолвил брат Сеговий, и голос его был исполнен искренности. Он и правда считал, что я добрый. Я поступил по-божески, по-ашаровски, скажем. Отдав «чудо», я сохранил им жизни. А другие жизни, возможно, обрек на смерть от него.

Брат Сеговий захлопотал, как наседка:

– Тащи их в кусты, Аммосий, ломай ветки, скоро дождь, нельзя, чтобы намокло! Добрый господин… Добрый господин!.. Добрый господин!!! – крикнул он вслед истерично и засмеялся – облегченно, радостно.

Таким образом, я получил гужевой транспорт, управлять которым мог и ребенок. Натянул вожжи – значит «стоп», чуть стегнул коней – значит «вперед и с песней», стегнул еще – понеслись рысью, нужно затормозить – снова тянем вожжи на себя. Удобно и легко, только сидеть на голых досках жестко.

Конечно, я оставлял за собой след, но, во-первых, монахи – я был уверен в этом – не станут рассказывать обо мне никому, максимум соврут, что шарабан у них угнал какой-то злыдень, во-вторых, мне нужен был выигрыш в скорости. Монахи ехали слишком медленно, мне же каждая лишняя минута была дорога – возможно, именно она, минута эта, позволит уйти от погони, что движется следом.

Внутри на обтяжке шарабана была прилажена сетка из грубых веревок, куда монахи складывали питье и снедь. Брат Аммосий, таская мешки, забыл все вытащить, ведь груз, конечно, был главнее. Я разжился большой кожаной баклагой с пивом, двумя надкусанными лепешками, похожими на лаваш, и куском колбасы, по форме, вкусу и жесткости напоминающей усохший бычий хвост. Добавлю, что и пиво, и лаваш были так же отвратительны на вкус. Местная кулинария вместе с напитками определенно заслуживала самой низкой оценки.

Пожевав, я еще раз «сполоснулся» пивом и погнал лошадей легкой рысью, перед этим, правда, взглянув за спину. Никаких следов погони – ни братья за мной не бегут, ни загадочные всадники не скачут. Откуда же чувство, что надо торопиться? А оно есть и нарастает с каждой минутой…

Вскоре дорога шла уже под уклон: шарабан въехал в широкую долину, окаймленную бесконечными грядами холмов. Далеко внизу тускло поблескивала река, в излучине виднелось скопище маленьких, словно игрушечных домишек с черепичными оранжевыми кровлями. Ну, вот и Пятигорье… Еще с полчаса, и я на месте. Надеюсь, в этой самой «Мести фурии» кормят хотя бы пристойно… Дальше, за городом, Серый тракт терялся среди леса, который лежал на холмах густым темным шерстяным покрывалом.

Я обогнал стадо пестрых коров; их гнал пастушонок в подстреленных штанах и деревянных башмаках. Они стучали по камням Серого тракта громче, чем подковы монастырских лошадок.

Несмотря на ощущение опасности, давящее в спину, мысли мои начали вращаться вокруг предстоящей встречи. Как выглядит Амара Тани? Молодая она или средних лет? Красивая или страшилка? Мужчина всегда остается мужчиной. Правильных женщин интересует большая любовь, а правильных мужчин – в первую очередь большой секс, и эту данность не отменить даже самой ужасной опасности.

Дождь застучал по камням, когда дорога, выровнявшись, побежала в сторону предместий. Въезд в город украшал ряд виселиц без помостов – обычные столбы с перекладинами и распоркой. Всего виселиц было пять, и на средней грустно висел труп мужчины в серых штанах и рубахе. Никакой таблички на груди, чтобы узнать, за что казнили; то ли он социально опасный тип, то ли перешел дорогу в неположенном месте… Я проехал мимо, отметив про себя повышенную бледность незнакомца. А еще от него пахло. Труп начал разлагаться, но его и не думали снимать. То ли властям было недосуг, то ли висел он тут всем в назидание. Местный колорит для туристов, привычная картина – для местных жителей. И как-то скверно на душе делается от этой вот привычной картины…

Главная улица Пятигорья могла похвастаться каменной кладкой – просто потому, что город выстроили по обе стороны Серого тракта. Копыта звонко стучали по камням. Я заметил прохожего и, натянув вожжи, остановился, дабы узнать, как проехать к «Мести фурии». Выяснилось, что трактир расположен на противоположном конце города, у самой кромки леса.

Я выругался и тронул лошадей. Предвечерняя улица была пустынна. По крайней мере, ехать можно спокойно. Странно, что половина домов выглядит заброшенно, как будто люди начали покидать город по какой-то причине… Снова – экономика? Или в лесу пробудилось древнее зло, требующее жертв? Готов поставить содержимое своего кошелька, что суть – в деньгах, которые в городе стало невозможно зарабатывать.

Трактир был двухэтажный, сильно скошенный набок, похожий на старый, выкинутый на берег пиратский галеон без мачт. Двор окружал частокол, на задах трактира уже темнел лес – высокий, матерый и неприветливый. Изрядно посвежевший ветер кружил, тревожа кроны деревьев. В лесу мерзко орала какая-то птица. Я поежился. Теперь самостоятельное путешествие по Санкструму, на которое я решился с утра, начало казаться сущей авантюрой. В этом мире меня подстерегало слишком много такого, чего я просто не знал, не понимал, не был готов к встрече… Если Амары Тани не окажется на месте или если она откажется со мной идти – мне придется несладко.

Я завел шарабан в распахнутые ворота, на присыпанный соломой двор. Там стоял еще фургон без обтяжки на дугах и пара телег. Справа у частокола, возле окровавленной колоды, мужик – косая сажень в плечах – сноровисто распяливал за задние ноги упитанного поросенка. Поросенок дико брыкался и верещал. Пока я наблюдал за этой картиной, второй, не менее крупный мужик, приблизился к жертве и деловито ширканул свинью по горлу секачом. Дикий визг захлебнулся, потонул в бульканье…

Реалии нового мира… Нет, лучше считать, что свинина растет на деревьях, откуда ее сразу развозят по супермаркетам.

Подбежал немолодой, но резвый слуга, спросил, планирую ли ночевать, одобрительно кивнул при виде шпаги: дворянин – значит, есть деньги… ну хоть какие-то деньги. Я сказал, что не знаю, пока – хочу нормальный ужин. Слуга кивнул, мол, прекрасно, как раз удачно появилась свежая поросятина. Меня замутило.

Главный зал тонул в красноватом полумраке. Пустынно тут было – видно, трактир переживает не лучшие дни. Посетителей – человека три, не более. Тянет дымом очага, пережаренным салом, затхлостью.

Я приблизился к стойке, по ту сторону ее оккупировал усохший тип, вроде той таранки, что маскировала «чудо» в мешках клириков.

– Я ищу Амару Тани.

– Ее нет сейчас.

– А когда она будет?

– На кой она тебе, благородный господин?

– Хочу предложить ей работу. Она знает, ждет меня.

Взгляд трактирщика смягчился.

– Ну, она будет тут к вечеру, комната тут у нее. Недели три уж живет… Задолжала… Да она скоро будет. Как вас представить-то?

– Господин Феликс Круль от Белека.

– Угу. Ужинать-то будете, господин Круль от Белека? Есть свежая поросятина…

Я выбрал ожидание и трапезу. Хотя инстинкт говорил: ждать – последнее дело. Но я набрался терпения и сел за громоздкий, сколоченный из десятисантиметровых досок стол, бросил на него намокшую шляпу, стянул и положил на лавку кожаную куртку. Вообще в организме пробудилось активное желание раздеться полностью и принять горячий душ, только, боюсь, его придется отложить надолго.

Вскоре передо мной поставили кувшин с тем, что называлось тут пивом: темной вязкой бурдой. Я попросил вина, и слуга,

понятливо кивнув, принес благородному дону какой-то кислятины, судя по вкусу, сделанной все же из винограда. Рассудив, что организм Торнхелла привычен к здешним напиткам, а пиво я уже хлебал и не слег после этого с животом, я начал отпивать вино маленькими глотками. Пить тут можно либо из родника самостоятельно, либо вино с пивом. Если я закажу просто воды, мне, конечно, ее принесут, но только какими руками принесут и какие бактерии там будут плавать – отдельный разговор. Антибиотиков, повторюсь, здесь нет, про кипячение никто не знает. Даже древние римляне были умнее средневековых людей – они обязали своих легионеров разбавлять воду вином, и спирт, содержащийся в вине, отправлял на покой большую часть бактерий, в результате римское войско спокойно отжало половину Европы…

Над головой вдруг раздался сильный грудной голос:

– Ты искал меня?

Нет, Амара Тани даже в полумраке и даже после полулитра вина не казалась красавицей.

Глава 12

Болезни – бич темных веков, особенно те, что нельзя вылечить без антибиотиков или предупредить вакцинацией, до которой еще много сотен лет. На лице Амары Тани молотила горох банда чертей. Оспа. Но если не брать в расчет рытвины на щеках и скулах, лицо ее было достаточно миловидно и лишено грубости – с высоким лбом, блестящими серыми глазами и губами, чувственность которых не требовалось подчеркивать с помощью яркой помады. Короткая по местным меркам стрижка – всего лишь до плеч, волосы оттенка спелой пшеницы, золотистые, густые. Возраст – около тридцати, плюс-минус два года.

Она не была малокровной рохлей – напротив, фигура основательная, плотная, выражающая скрытую силу каждым движением. Темно-синий плащ брошен на руку. Одежда самая простая, мужская, разумеется – оттопыренный массивной грудью кожаный камзол и штаны в обтяжку, высокие сапоги. Длинный кинжал у бедра. Она обошла стол с другой стороны, швырнула плащ на лавку и пробарабанила пальцами по столешнице. Маникюра, естественно, нет. На костяшках пальцев виднелись свежие ссадины – кому-то она недавно залепила в челюсть.

За оконцами в частых свинцовых переплетах сгустилась туманная мгла. Дождь сыпал в стекла мелкой дробью. Я только сейчас заметил, что в зале трактира зажгли большой очаг – несмотря на купол вытяжки, дымил он изрядно, но и тепло нагонял. Не слишком хочется выбираться из нагретого угла, но – надо. На счету каждый час.

Слуга поставил на мой стол зажженную толстую свечу, она коптила, стреляла фитилем, вкусно пахла воском.

– Так, значит, это ты от Белека? – повторила Амара, присаживаясь. Она вытянула ноги, задев своими сапогами мои, совершенно беспардонно. Так мы и сидели – вытянув ноги навстречу друг другу, и мерились взглядами, однако без искр, мы просто изучали друг друга.

Я кивнул:

– Белек сказал, я найду здесь в трактире ту, кому смогу всецело доверять.

Амара сгребла мой кувшин и мою кружку, вылила в нее остатки вина, после чего опрокинула залпом.

– Ну, считай, нашел.

Она шепелявила: «с-с-с», на самом деле произнесла: «Ну, сцитай, насол».

– У меня есть для тебя работа.

– Ты мне не нравишься, милый господин… Круль… как там тебя?

На самом деле она сказала: «Ты мне не нрависся, милый госпосин… Фруль… как фам фебя?»

«Милый господин?..»

– Зови меня Аран. Будем работать?

– Ты мне не нравишься. Мне не нравится твое лицо, твоя одежда, твоя дворянская шпага и то, что ты называешь себя разными именами.

– Шпагу-то я еще даже не обнажал, как это она тебе не нравится? – И я осекся, поймав себя на мысли, что нахожусь не в том положении, чтобы начинать флиртовать – тем более с такой бой-бабой, как Амара. И насчет лица… Хотя да: чья бы корова мычала…

Она вполне оценила подколку и усмехнулась краем пухлых губ – не весело, грустно.

– Дело-то совсем простое: мне нужен кто-то, кто знает Санкструм и поможет добраться до столицы меньше чем за две недели.

Она выгнула левую бровь – до того умело, что та поднялась над правой сантиметра на три, от чего испорченное оспой лицо превратилось в зловещую маску.

– Дело совсем простое, милый господин… – повторила она, вкладывая в мои слова противоположный смысл. – Действительно простое. Простое, как орех. Проще, чем лавка, на которой я сижу, и легче, чем моя задница. Хм… Белек счел излишним вдаваться в подробности, он просто сказал, что я смогу заработать…

– Так и есть, я могу заплатить. К тому же у меня есть транспорт – шарабан и две лошади. В путь следует отправиться как можно скорей.

Однако тут принесли ужин в закопченном глиняном горшочке. Мясо, какие-то коренья – судя по запаху, морковь и сельдерей, травы – розмарин, чабрец, тимьян – все было мелко порублено и уварено до состояния кашицы. К этой кашице, которую уже вроде бы кто-то ел, полагались полкраюхи ржаного хлеба, нож и деревянная обкусанная ложка.

А я так надеялся на запеченную поросячью ногу с хрустящим жареным картофелем… Нет, местная кулинария определенно нуждалась в хорошей встряске.

Как и Санкструм.

– Черт! – сказала Амара, потянув носом. – Я с утра не ела… Поделишься со мной, милый господин? Я не могу говорить о делах, пока не поем, – в голове мутится.

Я молча придвинул к ней горшок с гуляшом, отрезал кусок

хлеба и положил рядом – прямо на стол. Поухаживать за дамой – это пока еще не харрасмент, верно? Крахмальных салфеток и серебряных приборов не имеем, хрусталя тоже, используем что под рукой и не ищем другое. Амара молча и быстро принялась за еду.

Я отхватил от краюхи широкий ломоть. Закусим всухомятку. Остальной хлеб прихвачу с собой.

Приблизился слуга, тот самый, что встретил во дворе, и сообщил, что лошади накормлены; распрягать ли их и отводить ли под навес?

– Нет, я скоро трогаюсь в путь.

Слуга, однако, не уходил. Амара хмыкнула, затем, отложив ложку, основательно порылась в складках своего плаща, извлекла что-то незаметное в красноватом полумраке и щелчком отправила в сноровисто подставленную ладонь слуги.

Монета… как же я не сообразил: поухаживать за лошадьми – это все равно что протереть стекла машины; услуга требует чаевых!

Слуга исчез. Амара взглянула на меня поверх дымящейся ложки:

– Мне кажется, милый господин – и я даже уверена, что ты нездешний, ты не из Санкструма.

Ошибки, ошибки… Как же легко, не зная обычаев, спалиться на мелочах.

– Верно тебе кажется. Поешь, и мы отправимся в путь.

– Я еще не решила, нужен ли ты мне. Но я очень обязана Белеку, милый господин. Он сказал – я получу за работу десять золотых крон.

Какое совпадение. Ровно десять золотых я нашел у покойника. Белек-то оказался не так прост. Сплел паутинку… Не доверял он своим карбонариям, что ли? Или доверял – но проверял и, как водится у умных людей, подготовил запасной аэродром – такой, какой было в его силах подготовить.

– Да, эту сумму я готов заплатить.

– И ты – нездешний.

– Я нездешний.

– И тебя зовут…

– Зови меня Аран.

– Черт!

– Это настоящее мое имя.

Она засмеялась – чистым звонким смехом, закрывая при этом рот пальцами.

– Ладно.

Она не поверила, хотя мои слова были правдой – ровно на

пятьдесят процентов.

– И ты покажешь мне Санкструм и расскажешь об обычаях Санкструма, если я попрошу.

– Это будет очень просто, милый господин. Куда проще, чем добраться до Норатора в срок.

Угу. Следует понимать, что в стране неспокойно, а значит, на дорогах небезопасно. Но это я уже понял, и к этому я готов. Мне нужно увидеть, понять, ощутить плоть страны, прочувствовать на своей шкуре, с чем придется работать. Не слушать доклады, сидя в теплом кресле архканцлера, а самому понять, как обстоят дела. Частично я уже понял, спасибо информации Белека и монахам с их «чудом». Но – лишь частично. Ты поможешь мне увидеть остальное, Амара. И когда я стану архканцлером, за мной не заржавеет. В смысле – благодарность от меня будет, и не только устная.

В трактир шумно ввалились несколько человек. Я рефлекторно схватился за шпагу, но пришли не по мою душу. Пятеро в грубой одежде, длинных полотняных плащах и шляпах с широкими полями, судя по приветственным возгласам, адресованным трактирщику, были завсегдатаями, рабочим людом. Они заняли стол неподалеку от нас, громогласно требуя пива и обильной закуски. Кто-то пошутил о том, что на дождь у него ломает суставы, другой ответил, что его геморрой снова кровавит, будто из задницы льется молодое вино. Местные остроты были тяжеловаты.

Две недели пути по местам, лишенным бытовых и прочих удобств… Тут не только геморрой заработаешь и больные суставы… Когда я драпал из комнаты, где случилось мое вселение, я не зацикливался на бытовых мелочах. Страх подгонял меня. И самоуверенность играла. А теперь, получив передышку, я мог подумать спокойно, и постепенно картина трудностей грядущего пути вставала перед глазами…

Когда мы читаем книги о разнообразных исторических приключениях, бытовые и всякие прочие мелочи долгого путешествия мало интересуют автора. Герои садятся на коней и скачут, скачут… Неделю скачут, месяц скачут. Или идут себе и идут – неделю идут, месяц идут. И все время бодрые, живчики. В реальности все немножко иначе: нужно есть, пить, мыться, бегать в кусты и отдыхать – много отдыхать, чтобы восстанавливать силы. И лично мне интересно прибыть в Норатор без сопутствующих болезней вроде геморроя, стертых ног или острого бронхита, который может случиться, если промерзнешь под дождем, без насекомых в одежде, без пищевых отравлений, с чисто выбритым подбородком, ну и так далее.

Да-да, мужик – ненавижу это слово, ведь мужик, по старым понятиям, по сути раб, крепостной – так вот, мужик должен терпеть, молчать и терпеть снова, особенно перед женщиной, только тогда он называется мужиком. По нашему культурному коду полагается так. Только я не мужик, а мужчина, и у меня другой культурный код, свой собственный. И он говорит: если твое терпение ведет тебя к болезни – плюнь на него и постарайся болезни избежать или, по крайней мере, минимизируй потери.

Помню одну даму, которая хвасталась своим парнем, что он – истинный мужик, с грыжей позвоночного диска (а это больно, очень больно), таскал по базару ее тяжеленные сумки. А она указывала ему, что купить – во-он захвати мне еще, пожалуйста, арбуз, да побольше, а он молча тащил и терпел, скрипя больной поясницей, – вот это мужик! Я бы в этом случае послал ее далеко и надолго. Но обстоятельства не пошлешь – к ним можно только приноровиться. И пока, по воле обстоятельств и моей собственной оборотистости, у меня есть шарабан с навесом от дождя, и это уже хорошо. Потом, может быть, удастся раздобыть что-то более серьезное – например, дорожный рыдван типа того, что я видел на Сером тракте, и добраться до Норатора с известными удобствами.

Амара Тани со вздохом отодвинула гуляш.

– Я поела, теперь твоя очередь. Там осталась половинка.

Ох… Они еще и моются в одной воде небось, как японцы. «Я помылся – теперь ты мойся».

– Я не голоден, доешь.

Она вновь взялась за ложку:

– Твое дело.

Компания работяг, заполучив пиво, разглагольствовала о событиях в Пятигорье. Я услышал вдруг, что: «…а еще приехали какие-то, на конях хороших, много, ищут кого-то…» – и понял, что время мое истекло; встал и сграбастал шпагу, затем отложил, чтобы порыться в кошельке и заплатить за ужин.

Амара Тани тоже не пропустила слова работяг мимо ушей. Она заработала ложкой втрое быстрее, как заправский солдат, подняв другую руку с вытянутым указательным пальцем. Я понял – она простит подождать, пока доест. Она прожевала последнюю порцию, проглотила, запила вином и взглянула на меня. В ее ресницах путались багровые отсветы очага.

– Я решила, милый господин. Ты мне нужен. Как тебя зовут по правде?

– Аран. Аран Торнхелл.

– Тогда, Аран Торнхелл, собирайся как можно быстрей.

– Я уже готов. Собирайся ты.

– Это будет очень быстро. Я принесу свои вещи.

Она улыбнулась вдруг широко, и я увидел то, что еще не видел, – у нее отсутствовали верхние передние зубы.

Амара собралась в путь очень быстро: не прошло и пяти минут, как она вышла в общий зал с полотняным мешком за спиной и шляпой на голове. А еще я услышал сквозь запахи дыма и кухни, что моя проводница, побывав в своей комнате, успела обзавестись легчайшим цветочным ароматом. Надеюсь, она душилась не для меня.

– В Нораторе отдашь мне еще три золотые кроны, милый господин, столько я задолжала хозяину, пока ждала тут тебя. Отдашь, а? – И она вновь широко мне улыбнулась, однако я заметил, что улыбаются только губы – глаза хранили настороженное выражение. – Я заплатила ему из последних своих запасов и теперь совершенно пуста. Теперь ты – мой кошелек.

Она прошла вперед, и я увидел, что к мешку приторочено свернутое шерстяное одеяло и объемистая, обтянутая потрескавшейся кожей фляга.

– Я купила еще еды за твой счет, на первое время хватит. Пошли взглянем на твоих лошадок, только сначала рассчитайся с хозяином. Так, говоришь, в Норатор – за две недели?.. Черт, ты все-таки смешной увалень!

Она была мне по плечо – значительный рост для местных женщин, если сравнивать с низкорослыми служанками трактира. Я же вымахал будь здоров, и на увальня совсем не походил. По местным меркам я очень высок, выше большинства – ну, как олигарх Прохоров. Такой себе Прохоров-без-денег. И, судя по тому, как обстоят дела в государстве, я, даже если стану архканцлером, все равно буду Прохоровым-без-денег, если не удастся решить проблему долгов. Но на этот счет кое-какие мысли у меня уже появились.

Глава 13

Поездка по ночному весеннему лесу под дождем, рядом с женщиной, лицо которой обезображено оспой, а передние зубы отсутствуют, – то еще удовольствие. Во-первых, я клевал носом, во-вторых, замерз как цуцик. Навес, в который я упирался затылком, и моя шляпа кое-как защищали от дождя, но руки, сжимавшие вожжи, все равно были мокрые. Лошадям, я уверен, тоже не особенно нравилось. Весенняя ночная свежесть, сдобренная бесконечной моросью, пролезла во все части тела; примерно через час пути у меня возникло ощущение, что я сунул за пазуху пару килограммов льда. Я поднял ворот куртки, натянул шляпу как можно глубже, дышал на пальцы, кое-как прикрытые перчатками-митенками… и все равно зуб на зуб не попадал. И меня бесило, что женщина рядом со мной и вполовину не испытывает таких же трудностей, а я – слабак, дрожу, и она это видит. И трижды я проклял самонадеянное желание путешествовать по Санкструму в одиночку.

А еще – и это в-третьих – Амара Тани доставала меня вопросами.

Легкий туман стелился по обочинам, тускло блестели камни Серого тракта. Если бы не луна, светящая сквозь завесу туч, ехали бы мы в кромешной темноте. Так, в общем, изредка и случалось, когда особенно плотная туча прикрывала волчье солнце. Мы ехали по лесной галерее, высокой, торжественной и совершенно неприветливой к чужакам.

Моя проводница спокойно восседала на козлах. Первое время я вертел головой, рассматривал мокро лоснящиеся стволы деревьев, густые кустарники, слушал, как шелестит ветер в кронах, и думал, не занесло ли меня, случаем, в мир, где за каждым кустом прячутся монстры, как в «Ведьмаке». Но все было тихо. Я постепенно склонялся к мысли, что мир, в котором оказался, конечно, богат монстрами, однако большая часть этих монстров – люди.

– Они тебя ищут, – начала Амара разговор, произнеся это как утверждение и выдохнув облачко пара.

Я ответил, что да, ищут.

– Ты должен им денег?

Я ответил, что нет, ищут бесплатно, от широты душевной.

– Значит, ты кого-то прирезал?

Я покачал головой.

– Дай угадаю – ты убил кого-то на честной дуэли?

Я ответил, что нет, я не при делах и вообще невинная душа.

Ну, почти невинная – про нечестный отъем повозки у монахов я, конечно, не сказал. Ну и еще, конечно, стоило бы добавить, что настоящий Аран Торнхелл был исторгнут из тела и душа его исчезла – и тому виной был я.

– Поимел и бросил девчонку? Она понесла, тебя принуждали жениться, а ты сбежал?

– Нет, я такими делами не занимаюсь.

Ее глаза вспыхнули отраженным лунным светом, как у охотящейся пантеры.

– Просто бежишь от какой-то бабенки?

– Нет.

– Черт! Может быть, ты, милый господин, вообще не любишь женщин?

– Нет. Послушай, я люблю женщин, когда это взаимно и без лжи.

Она фыркнула, как кошка, намочившая лапы.

– То есть ты любишь женщин святых и непорочных.

– Я бы так не сказал.

– Загадками говоришь.

Я мог бы сказать, что люблю женщин, но не таких, как она. По меркам прошлых веков Амара – старая дева. Тридцать лет – уже старость, замуж никто не возьмет, а если принять во внимание оспу и зубы… Средневековье – это не двадцать первый век, здесь зубы теряют навсегда, а о пластических операциях не стоит и говорить.

– Значит, ты даже не знаешь, от кого бежишь? – Она смешно шепелявила, а иногда, когда говорила быстро, речь вообще становилась плохо различимой.

Я сказал, что нет, не знаю.

– А Белек знает?

Я соврал, что да, знает, хотя был уверен – старое чудушко не смогло бы сказать наверняка, что за партия пустилась за мной в погоню. Белек, как и я, действовал на инстинктах. Подготовил запасной аэродром, чуя некий – неявный! – подвох.

Амара кивнула:

– Старик всегда помогал людям бесплатно и часто – тем, кому и не стоило бы помогать. – Она помедлила, и я понял, что слова насчет тех, кому не стоило помогать, адресованы мне. – Потому и нажил столько врагов. Нельзя делать добро просто так. Нельзя делать добро, если тебя не просят. Но он наивен во многих вопросах… Жизнь для него поделена на белое и черное…

О, так ты думаешь, я мог окрутить старого мага, наивного простака? И почему же я уверен, что это именно он меня окрутил? Он сделал так, что я, оказавшись в теле Торнхелла,

сбежал и нашел тебя, и теперь вояжирую в твоей не слишком приятной компании.

Амара вдруг запрокинула голову и звонко расхохоталась. С момента, как она приняла решение меня сопровождать, ее щербатая улыбка возникала по поводу и без, тогда как ранее она, смеясь, прикрывала рот рукой. Теперь же она словно провоцировала меня, лыбилась с вызовом, подчеркивая дефекты внешности, кои многие на Земле, включая и меня, считали бы уродством. Однако я успел отметить, что остальные ее зубы в полном порядке – ими орехи можно дробить. Значит, передние у нее не вырваны, скорее – выбиты в драке. Даже я, дитя двадцать первого века, успел пару раз поучаствовать в драках по молодости лет и знаю, что при сильном точном ударе зуб выскакивает из десны, как пробка из бутылки с шампанским.

– Странный ты все-таки, милый господин. Когда Белек сказал, чтобы я ждала увальня и не очень удивлялась его поведению, я думала, он шутил. Но ты и правда очень странный. Мне даже кажется, ты совсем ничего не умеешь – как младенчик. Пеленать-то тебя не надо, а? – И она снова мне улыбнулась. – Так, ладно – теперь правь ты, а я погрею свои руки. Не бойся, не в твоих карманах, милый господин, ха!

Она бы еще назвала меня своей прелестью… Я вновь проклял желание путешествовать самостоятельно. Я – белая ворона, и это слабо сказано. Я оставляю следы даже тогда, когда не хочу этого – просто потому, что не понимаю законов, по которым живет этот мир, и, конечно, ничего или очень мало умею в глазах местных жителей.

Вдалеке гулко закричал филин. Видимо, он, как и я, материл дождь и все происходящее вокруг.

Лошади мерно постукивали копытами. Я правил, радуясь, что не могу уснуть на посту, так как этому здорово мешал холод. Хорош бы я был, если бы уснул, можно сказать, за рулем, когда рядом сидит пусть и уродливая, но женщина. Тоска по земной жизни навалилась, взяла в клещи. Может, не стоило мне заводиться с архканцлерством? Сдох бы себе на Земле, и забыли бы обо мне навсегда. Что я сделал такого, чтобы обо мне помнили? Да ничего, работал, пытался жить в свое удовольствие. Как все… А здесь придется не просто работать, о нет, здесь мне придется пахать по-черному, и хотя я люблю трудности, не окажется ли их слишком много? Если суммировать все, что я видел и слышал, могу сказать – на посту архканцлера меня ждет что-то невообразимое, беспросветное и унылое.

– Дерьмо собачье! – Холодные пальцы Амары перехватили вожжи, она потянула на себя, останавливая повозку.

Поперек дороги объемистым чревом вверх лежал труп. Я судорожно сглотнул. Во дела… Все-таки тут водятся чудовища. Амара соскользнула на тракт, подбежала к трупу и склонилась над ним.

– Помоги мне, Аран Торнхелл, Феликс Круль или как там тебя. Не люблю, когда кости хрустят под колесами, а если колеса башку размозжат, это будет грязновато. Давай-давай – ты за одну руку, я за другую. Для меня одной он тяжеловат.

– Разбойники? – спросил я, через силу делая несколько шагов вперед.

– А? – Она взглянула на меня как на блаженного. – Ну какие тут разбойники… Разбойники промышляют там, где есть что взять. А здесь к тому же часто останавливаются брай, тут одно из их капищ… Лес чистый. Бедный и чистый. А этот старик… просто умер.

«Просто умер»?

Я ухватился за рукав плаща покойника. Лет ему было около шестидесяти, грузный, бородатый, лицо застыло в гримасе страдания. Открытые глаза неподвижно смотрят ввысь, и на них, как на маленькие стеклышки, падают дождевые капли.

Просто умер. Шел, сердце прихватило или давление скакнуло – инсульт, все дела. И тут без разницы, где случился приступ – на лесной дороге или посреди людной улицы. «Скорой помощи» здесь нет. Занеможется тебе – ложись и помирай. При удачном стечении обстоятельств – оклемаешься. Может, если дело происходит в городе и у тебя есть деньги, лекарь поспеет к тебе раньше, пустит кровь, что известно тут как панацея от всех хворей, после чего можно уже не волноваться о выздоровлении.

– А может, черный мор, но не похоже – лицо чистое… Да и потом, умри он от мора, его не стали бы обирать.

– А его уже…

Глаза пантеры взглянули на меня с усмешкой.

– Конечно, я же проверила его карманы.

И мы продолжили путь. Я молчал. Амара посматривала на меня, но больше не стремилась к разговору. Минут через десять она натянула вожжи и привстала на козлах.

– Тш-ш…

– Что?

– Цыть, милый господин! – Она спрыгнула на тракт, стянула шляпу и припала ухом к камням. У нее было исключительно гибкое тело. – Едут, и много. Больше десятка коней. Это по твою душу, Аран Торнхелл. Так, говоришь, ты никого не бесчестил? Ни мужчин, ни женщин?

Сквозь вспышку страха пробилась ярость.

– Нет, и если ты еще раз об этом заикнешься, я надаю тебе по голой заднице ножнами вот этой шпаги, а потом… потом я тебя обесчещу, даю слово, да так, что навсегда запомнишь!

Ее глаза распахнулись, крылья точеного носа расширились, тело превратилось в пружину, готовую распрямиться в смертельном прыжке. Пальцы нервно стиснули рукоять кинжала.

А затем – с неуловимым для глаза переходом – она расслабилась и снова одарила меня щербатой улыбкой.

– О Ашар! Да ты не рохля, милый господин.

– Ничуть. Странный – может быть. Не знающий ваших обычаев – наверняка. Испуганный – да. Я взялся за дела, в которых пока мало что смыслю, и это бесит меня все больше. А ты взялась помогать мне, и при этом не бесплатно. А раз взялась – помогай, и желательно без лишнего трепа. Как далеко мои враги?

Вместо ответа Амара вспрыгнула на место рядом со мной, отобрала вожжи и легко стегнула лошадей.

– Нам нужно найти прогалину и спрятать повозку. Смотри направо, а я – налево. Как заметишь – скажешь. Нужно убраться с дороги как можно дальше. К счастью, у них нет собак, иначе пропали бы наши головы. Надеюсь, и мага тоже нет, иначе наши головы таки пропадут.

Я содрогнулся. Насчет мага я не подумал: как-то забыл, что раз в этом мире есть Белек, то должны существовать и другие чародеи.

Прошло минут пять, время утекало меж пальцев, и я чувствовал, что наши шансы на спасение становятся все призрачнее. Как назло, нормальной прогалины не попадалось.

– Черт, вон там!

Амара резко развернула шарабан, соскочила на землю и ухватила коней под уздцы.

– Спрыгни, пожалуйста, дорогой господин! Двигай же своей прекрасной задницей, твою мать!

О, она успела оценить красоту моей задницы?

Я спрыгнул, и Амара повела шарабан в прогал между деревьями.

Теперь уже не нужно было прикладывать ухо к тракту, чтобы услышать нарастающий грохот копыт.

По мою душу – несомненно по мою! – пустился в погоню целый эскадрон. Почему-то вспомнилось прочитанное о том, как молодой Наполеон, потерпев на родной Корсике свое первое политическое поражение, три дня драпал оврагами и перелесками, будто вспугнутый заяц, обдирая о сучья свой тощий зад, а за ним гналась ватага корсиканцев от победившей партии.

Корсиканцы, замечу, это классический тип горцев, которые могут прирезать за кривой взгляд. Бедняга Наполеон не жрал, не пил, не спал, поскольку его в любой момент могли настигнуть и взять за живое. В конце концов, его все же поймали, и, кажется, даже не один раз, и собирались вроде бы казнить, но он, ловкий, как и все пройдохи, сумел ускользнуть, сбежать в Париж, навсегда расставшись с детским пониманием политики. Я не Наполеон, конечно, но ситуация схожая. Сумею ли добраться до Нораторa целым и невредимым?

Полная луна просвечивала сквозь набрякшие влагой листья: зеленоватая, похожая на сыр с плесенью. На Земле у меня не было времени поднять голову и как следует ее рассмотреть, так что я понятия не имел – похожа местная луна на земную или нет. Я несся по жизни, как скоростной поезд, некогда было не то что посмотреть вверх, а вообще оглянуться по сторонам.

Мы остановились среди густого кустарника. Лошади начали волноваться, фыркать, легонько ржать. Амара поочередно обхватила за морду каждую, что-то прошептала, и – чудо! – животные успокоились.

– Держи их за нагрудные ремни, Аран, я сбегаю гляну, что да как. О Свет Ашара… ну ты младенчик: вот эти ремни, вот! – Ее руки показали мне нагрудные ремни упряжи. – Держи их крепко! Не бойся, лошади не будут кусаться! – И она исчезла среди кустов быстрее, чем я успел моргнуть.

Стук и грохот копыт приближались. Мы отошли от дороги, наверное, метров на двадцать. Я, затаив дыхание, высвободил одну руку и стянул шляпу, зажал ее под мышкой и нервно начал сглатывать дождевую воду, обильно текшую с веток. Пальцы судорожно сжимали нагрудные ремни лошадей. Те вели себя спокойно, в полутьме блестели умные глаза.

Грохот копыт достиг крещендо и постепенно затих. Буквально через минуту из тьмы соткалась Амара.

– В Нораторе отдашь мне еще десять золотых, благородный господин… Простое путешествие? Так Белек говорил? По-моему, совсем не простое. Их там целый отряд, они злые как черти, скачут по мокрым камням, рискуя поскользнуться и угробить лошадей. Нет, ты все-таки сотворил нечто ужасное!.. Они на ежей похожи – столько у них мечей и кинжалов. Ты и правда не знаешь, кто они такие? От них воняет паленым. Они сожгли недавно что-то… или кого-то, потому что я слышу запах паленой плоти, черт тебя дери! Так что ты сотворил?

Я покачал головой. Я мог бы ей сказать, что отряд этот сжег гостиницу, где я воплотился, устроив Белеку импровизированные «похороны викинга», но это было все, что я знал. Патриоты они

или злодеи – мне уже было без разницы. Главное – они хотели, чтобы моя душа рассталась с телом. И мне действительно фиолетово – патриоты они или злыдни. По-факту – они мои враги.

– Мне ничего не известно об этих людях, даю тебе слово дворянина.

Она горько хмыкнула. Слово дворянина, очевидно, не котировалось в ее понимании совсем.

– Не употребляй таких выражений в приличном обществе, иначе одни засмеют тебя, а другие сделают больно. На их клинках – яд. Не спрашивай, откуда я знаю – просто *знаю*. Это «Серебро змеи», чтобы уж наверняка спровадить кое-кого к праотцам. И не смотри на меня так, на мне нет ведьминого знака, если не считать вот этих украшений, – она с горькой иронией коснулась рытвин на лице, – я просто умею… чуять.

Я перевел дух: погоня пронеслась мимо, можно расслабиться… если получится, конечно.

– Мне все равно, ведьма ты или нет. Даже если ты ведьма – я буду тебе благодарен за то, что ты делаешь для меня.

Ее лицо на неуловимый миг застыло, превратилось в ужасную, усыпанную рытвинами маску, затем разгладилось, глаза взглянули на меня испытующе.

– Ведьмовство в Санкструме под запретом. Ведьм сжигают и топят. Особенно когда наступает черный мор. Странно, что ты этого не знаешь.

Теперь-то знаю. Как знакомо: под шумок обвинить в бедствии неугодную партию и уничтожить ее, или порядочно ослабить, или просто перелить гнев народа на неугодных, на удобного козла отпущения.

– Значит, придется это прекратить.

– Что прекратить? – Серые глаза, почти черные сейчас, смотрели на меня с внезапной растерянностью и злостью.

Снова облажался, дорогой Аран, поздравляю. Язык твой – враг твой. Нет чтобы молчать и слушать, мотая на ус, – трындишь, как та баба. Но я это прекращу. Я пришел в Санкструм не для того, чтобы карать.

– Я имею в виду – рано или поздно это прекратится.

– Что прекратится?

– Ведьм перестанут сжигать, Амара.

Она расхохоталась, запрокинув голову.

– Торнхелл, ты определенно чудак!

Наверное, да, пока не наберусь знаний о твоем мире. Но интересно. Значит, легальные маги – скажем так, лицензированные работники – тут в чести, а ведьмы, как те

бомбилы на машинах, работают без лицензии, на свой страх и риск, и в случае, если их ловят, – жестоко получают по полной. Я сделал заметку на будущее: окончательно решить вопрос ведьм. Скоро понадобится блокнот, чтобы не забыть, удержать все заметки.

Амара оглянулась.

– Они уехали. Очень торопились за твоей головой, видимо. Они проедут еще много, думая, что удастся тебя нагнать, но не исключено – конечно, не исключено, милый ты мой господин! – что они оставят на Сером тракте в лесу засаду как минимум до утра. Нам желательно где-то переночевать, а поутру мы двинемся очень осторожно и совсем не по тракту. Тут неподалеку есть капище брай, я думаю, нам стоит остановиться там. Да, кстати, ты не говорил, что украл эту повозку и лошадей в храме Ашара.

Вот глазастая… Как же ей удалось определить? И когда? На лошадях клейма или на шарабане какие-то знаки? Или она просто… ну, просто видит истинное положение вещей?

– И шарабан, и лошадок я выиграл в кости у монахов.

Правая бровь взметнулась в ироничном изломе.

– О…

– Я правда их выиграл.

– О…

– Да я серьезно тебе говорю!

– О…

– Ладно, думай что хочешь.

– Спасибо.

Но почему-то я не мог больше на нее злиться. Мы вывели шарабан на тракт и осторожно двинулись вперед. Булыжники тракта влажно мерцали, то и дело подергиваясь тенями облаков. Мы проехали еще около получаса с превеликой осторожностью, затем Амара свернула в сторону, на неприметную лесную дорогу. Не знаю, как она ориентировалась в ночном лесу, наверное, инстинкт и опыт вели ее безошибочно. Не прошло и двадцати минут, как среди деревьев замелькали оранжевые огни, потянуло дымом и запахом пищи. Бренчали какие-то музыкальные инструменты, слышался смех – беззаботный детский, звонкий женский и сдержанный мужской.

– Это брай, – сказала моя проводница.

Глава 14

Тут же из темноты выдвинулись две тени, в глаза блеснуло железом.

Охрана!

Я ухватился за шпажный эфес, но Амара сильно сдавила мое запястье.

– Цыть!

Она что-то кратко бросила теням на непонятном мне языке, и тени отступили, растаяли между деревьями. Что-то подсказывало мне: если бы не Амара, я не успел бы даже выхватить шпагу. Герой чертов… Любитель экстрима. Просто дурак.

– Подожди здесь, Торнхелл, – сказала мне Амара. – Постереги коней и повозку. Я схожу осмотрюсь. Не заводи лошадей на поляну, пока я не приду, ладно?

Я молча кивнул, она спрыгнула на землю, я последовал за ней, но остановился возле шарабана, рукой заслонив глаза от яркого света костров. Наши кони заржали, на поляне им ответили многоголосым ржанием. Смех, музыка ни на секунду не прервались. Брай занимались своими делами, не обращая внимания на пришельцев.

Но не все.

Я привыкал к свету, чувствуя, что невидимые охранники не отрывают от меня взгляда. Я был чужаком, с которым могли разделаться за мгновение. Кинжал сбоку в шею – и поминай как звали.

Играть роль ведомого, конечно, невесело, но пока я действительно был чужаком в этом мире, а значит – мне нужно молчать и мотать на ус. И слушать Амару. И мысленно говорить Белеку спасибо за то, что он дал мне ее в сопровождение.

Наконец глаза мои адаптировались, и я, проморгавшись и согнав слезы, начал осматриваться. Поляна впереди была весьма обширна. По периметру ее окружали фургоны, крытые пестрыми, словно бы из разных лоскутов сшитыми тентами, меж которыми бродили стреноженные лошади. В центре поляны дымил главный костер, вокруг которого на колодах расселись десятка три мужчин, защищенных от дождя широкими шляпами. Еще несколько костров поменьше дымили там и сям – над ними висели закопченные казаны, вокруг которых хлопотали женщины и дети. Под фургонами дремали облезлые, но при этом весьма крупные собаки. Слышалось сонное квохтание кур – они сидели в деревянных клетках-домиках, привязанных к бортам фургонов.

Цыганский табор, вот что это было такое!

Мужчины вокруг главного костра смеялись и весело гомонили. По кругу ходил глиняный кувшин с чем-то явно небезгрешным. Я нашел взглядом Амару – она, склонившись, о чем-то говорила с огромным, заросшим сивым волосом мужиком в длинной кожаной куртке, к подолу которой были привязаны – как и у всех мужчин-брай – тонкие разноцветные ленточки. Он кивал, повернув в сторону Амары лицо с массивным носом и косматой седой бородищей, слушал ее внимательно – так слушают человека, с которым хорошо и давно знакомы. Затем бородач тяжело привстал, оглянулся в мою сторону, что-то сказал. Амара удовлетворенно кивнула и направилась ко мне.

– Я переговорила с баклером. Он разрешил нам остаться. Мы можем переночевать, и еще нас накормят. Среди брай мы в безопасности. Отряд, что искал тебя, Торнхелл, – она понизила голос до шепота, – отряд проехал здесь не так давно, пытался осмотреть капище, но брай пригрозили насилием, и твои загонщики испугались схватки и уехали. Они дешевые дворянчики, привыкли вдесятером на одного, брай им не по зубам. Они не вернутся. Мы в безопасности. Брай уйдут поутру. Ешь. Спи. И не вздумай обнажать свою шпагу в становище!

Ее глаза странно поблескивали. Я поймал себя на мысли, что она обращается со мной как с несмышленым ребенком. И заботится, как о ребенке. Своих детей у нее, очевидно, нет.

Прямо мамочка, блин! Нет, я не допущу, чтобы мне меняли подгузник! Но пока… мне придется усмирить свою гордыню. Эта женщина делает то, зачем ее наняли – защищает меня и помогает преодолеть путь до Норатора.

Ладно, по мере накопления знаний я буду проявлять больше самостоятельности, а пока – слушать и слушаться, хотя это и претит мне как матерому мужскому шовинисту.

А баклер – это, очевидно, местный цыганский барон. Я сделал зарубку в памяти.

Амара показала рукой в сторону одного из малых костров:

– Иди туда, Торнхелл. Садись, тебя накормят. Ничего не спрашивай и не особенно глазей по сторонам: брай еще не справили все свои ритуалы. Я присоединюсь позже.

Не хочется быть марионеткой, аж коробит, но приходится…

Я прошел к указанному месту, на меня особенно не глазели. Пока шел, успел зыркнуть в сторону главного костра. Мужчины брай сидели вокруг большого очага, обложенного грубым почерневшим камнем. С двух сторон очага стояли бронзовые, судя по зеленоватому цвету металла, треноги с чашами-курильницами; из обеих вился дымок. Сам очаг был украшен

какими-то цветными, кажется, глиняными бусами и статуэтками людей и коней, раскрашенными весьма примитивно. Ну, капище есть капище, главное, чтобы людей в жертву не приносили.

Вдруг мне бросилось в глаза, что все брай светловолосы. И голубоглазы; по крайней мере те, чьи взгляды я смог поймать. Это было племя, больше похожее на шельта, или пэйви – то есть ирландских цыган, которые на самом деле никакого отношения к ромам не имели.

Однако в остальном это были цыгане. Не смуглые, светлые. Но цыгане. Такие… средневековые цыгане. У каждого, даже у женщин, был длинный кинжал на боку. Даже в покое, на стоянке, они не расставались с оружием. Брай обоих полов курили глиняные трубки – над поляной стлался сладко пахнущий дым. Не табак и не марихуана, что-то местное, с запахом чабреца. Интересно, конечно, что.

Узнаю со временем.

Один из фургонов внезапно огласился воплем настолько диким, что меня подбросило. Но никто из брай не повел и бровью. Хм. Пожалуй, последую их примеру. Уважаем чужие культурные особенности, так сказать.

Я присел на влажную колоду у костра, стянул шляпу, затем снова надел, заметив, что все брай – даже женщины – сидят в шляпах. Рядом со мной сидели несколько женщин в кожаных куртках, под которыми виднелись пестрые платья. Однако не успел я присесть, как они освободили все места, и я остался у костра в гордом одиночестве.

Оставалось гадать – это форма уважения такая или я как чужак нахожусь на правах парии?

У соседнего костра вихрастый паренек наигрывал на инструменте, похожем на лютню – ту самую предтечу гитары, что изображал на своих картинах Рубенс. Напротив меня под фургоном дремала кудлатая черная псяка с тяжелой мордой. Лапы у нее были пошире волчьих, с мощными когтями.

Внезапно нахлынула усталость, резкая и до того сильная, что мне потребовалась вся воля, чтобы не уснуть. Хотя минут десять я провел в полузабытьи, свесив голову на грудь и то и дело смежая веки. Очнулся от хлопка по плечу. Под нос мне сунули деревянную миску с чем-то пряным, ароматным. Я схватил ее не глядя и принялся уписывать мясное рагу, не сразу сообразив, что перцу там больше, чем в тайском том-яме. К счастью, острое я люблю, да и организм Торнхелла не сопротивлялся. Я смолотил рагу, не глазея по сторонам и едва ли не урча, выскреб до последней крошки и выпил остатки соуса.

Перец в земном Средневековье был крайне дорогой

роскошью, а тут, видимо, все наоборот – это бросовая пряность.

Протяжный, страшный вопль боли повторился, однако и на сей раз никто не подал виду – даже звенящий над капищем смех не прервался. Что за…

Я не успел опомниться, как чьи-то сильные пальцы вырвали миску из моих рук. Раздалось гортанное восклицание – кажется, одобрительное – и я решил, что сейчас получу по голове, однако мне всучили точно такую же миску с точно таким же рагу.

Ох, это уже чересчур…

Но пришлось есть – не обижать же хозяев… Половина миски ушла влегкую, вторую я ел уже через силу, а выскребал остатки – на последнем издыхании. Во рту моем бушевал вулкан. Наконец я закончил, перевернул миску, и… ее вырвали из моих рук, а взамен всучили точно такую же – наваленную по самые обгрызенные борта. Да что за!.. Третью порцию я просто не осилю! Брай решили закормить меня до смерти?

– Торнхелл, черт! Ты что, бездонная бочка?

Амара плюхнулась рядом, наподдав мне крутым бедром.

– Я…

– Я поняла, ты не знаешь обычаев брай. Нельзя доедать и переворачивать миску, это значит – ты еще голоден и просишь добавки. Когда ты ешь у брай, всегда нужно оставлять что-то на дне!

С этими словами она отобрала миску и начала есть – жадно, но так, чтобы ни капельки не пролилось. Уважаю людей, которые даже при самом сильном приступе голода едят опрятно. Это многое говорит о человеке.

Насчет обычаев – мне осталось только смущенно промолчать. Да уж, самоуверенный Торнхелл в гостинице и нынешний – это два разных человека. Чем больше я открывал для себя этот мир, тем отчетливее понимал, что мне предстоит учиться – и отнюдь не спустя рукава.

Раздалось возмущенное кудахтанье. Я оглянулся – один из мужчин-брай доставал рыжую курицу из деревянной клетки. Схватив за лапы, он опрокинул ее головой вниз и понес к капищу. Прочие мужчины поднялись с мест, в руке баклера блеснул нож. Трепыхающуюся курицу внесли в круг. Она что-то хекнула и смолкла, и тут же все мужчины-брай затянули какой-то гортанный напев.

Я выругался в рукав. Псина под фургоном лениво приоткрыла огненно-желтый глаз.

Амара Тани поставила миску на колени.

– Торнхелл, это всего лишь курица.

– Я понимаю. А собак они в жертву не приносят?

– Нет. И людей тоже.

Я покачал головой. Женщина-брай принесла мне кувшин с водой, и я припал к нему, укусив за шершавый край горлышка, и выпил не менее половины.

– Ты мягкий, Торнхелл, – сказала Амара, впрочем, без осуждения. Она, так ей казалось, констатировала факт.

– Я просто чужак.

Снова раздался вопль – было такое ощущение, что из горла несчастного, клокоча, извергается фонтан крови. Гортанный напев мужчин-брай при этом ни на миг не прервался.

Амара бросила на меня косой взгляд.

– Не подавай виду.

Помимо воли, меня пробрал холод.

– Что это?

– Младший сын баклера недавно вздумал поиграть с лисицей. Она тяпнула его за руку. Он заболел и умирает. – Она чуть заметно кивнула на фургон, из которого снова донесся крик.

Бешенство… Смерть от него мучительна и страшна. Тут, конечно, нет вакцины, и магия, видимо, от бешенства не помогает.

Псяка под фургоном смотрела на меня уже двумя глазами – с живейшим любопытством.

Я показал взглядом на брай – и на мужчин, и на женщин, продолжавших хлопотать вокруг костров.

– Почему они так спокойны?

– Они верят в судьбу. Они не печалятся. Это их философия. Они будут смеяться даже под пытками и под топором палача… – Амара помедлила. – Кроме того, у баклера еще пятеро детей.

Она отобрала у меня кувшин с водой и надолго к нему припала.

– Я переговорила с баклером, узнала последние новости. Они убираются из Санкструма подальше. Говорят, Коронный совет выбрал нового архканцлера – зверь, а не человек. Ждут крови и репрессий… Ты знаешь, что такое репрессии, Торнхелл?

Я кивнул. И подумал: а что будет, если Амара узнает, что новый архканцлер, который «зверь, а не человек», – сидит перед нею? Имени архканцлера, брай, видимо, не знали.

– И Степь волнуется… И крестьяне бунтуют в окрестных землях… Скоро, Торнхелл, разбушуется в Санкструме ураган, и начнется он с Норатора, а мы как раз туда и едем… Через земли Ренквиста ехать опасно, его серые снова в деле, но это ближайший путь к Норатору, иначе мы завязнем. У Ренквиста, по крайней мере, ровные дороги и мало-мальский порядок, хотя он и чертов безумец… Попробуем там проскочить. Дворянчики, что

тебя ищут, туда точно не сунутся.

Любопытная собака выбралась из-под днища и, остановившись у костра, внимательно смотрела на меня. Я не боюсь собак, напротив, люблю, но что было в голове у этой псины – об этом оставалось только догадываться. Ну хоть не рычит, и на том спасибо.

– Кто он такой, этот Ренквист?

Амара взглянула на меня с прищуром:

– Ты и правда… чужеземец.

– Ответь на вопрос.

Она тряхнула головой, окончательно, видимо, убедившись, что я несмышленыш и ничего не знаю о мире, в который меня занесло. Говоря по правде, так оно и было.

– Сбрендивший царек. На самом деле он барон, плюющий на власть императорской фамилии. Богатый, очень богатый. Земли обширные, частью отобранные у других. Серые – его личная гвардия. Ловят больных и калек, и брай заодно ловят. Хоггов он пока терпит, но не особенно любит.

Я сделал пометку: узнать, кто такие хогги. Но потом.

– Зачем? Имею в виду, зачем он ловит людей?

– Барон сгоняет их в лагеря. Он не хочет, чтобы на его землях были больные и увечные. И свободные, брай же свободны всегда…

Угу, это как цыгане в нашем мире. Они всегда создают свое государство в государстве, со своими правилами и законами, потому любая власть, пусть даже самая демократическая из возможных, их не любит и не может с ними ужиться. А если за дело берется какой-то свихнутый диктатор типа Гитлера, получаются концлагеря и геноцид.

– Он просто безумец, Торнхелл. Но, говорят, избранный арканцлер еще хуже. Потому все брай уходят из Санкструма.

Вновь раздался крик – вознесся к темным тучам и оборвался хрипом, словно в горло кричащему всадили кинжал.

Амара привстала.

– Сын баклера умер.

Миг тишины… и снова полился смех, и музыкальные переборы огласили поляну. Баклер запрокинул голову, стянул шляпу и что-то весело прокричал в небо. За ним стянули шляпы и послали в небо крики остальные мужчины.

Моя проводница улыбнулась чуть заметно:

– Они желают ему счастливой дороги за порог.

Псина продолжала изучать меня взглядом. Очень любопытный был у нее взгляд, почти человеческий.

Амара наконец заметила пса и протянула руку, чтобы потрепать за холку – жест абсолютно уверенной в себе

женщины, – но тот попятился и снова занял позицию мордой ко мне.

Смотрит… И чего он смотрит? Не ел же я из его миски, как в том анекдоте…

К нам приблизилась морщинистая женщина – лет, наверное, семидесяти, с гордой осанкой эльфийской принцессы, пронзительно голубоглазая. Странный контраст с точеной фигурой представляли руки – большие, жилистые, с выпуклыми суставами. Брай что-то спросила Амару. Та взглянула на меня.

– Тебе нужно вырвать зубы?

Господи, это-то тут при чем?

– Э-э…

– Эта женщина врачует зубы. И рвет совсем больные. Так нужно или нет?

Я покачал головой: этот интернациональный жест тут, к счастью, был известен.

– А спину вправить тебе не нужно?

Так вот почему у нее такие руки – она костоправ и массажист со стажем.

– Она и спину вправляет? Передай, я полностью здоров, мне ничего не нужно. Я благодарен за заботу.

Но женщина не уходила. Он вдруг наклонилась, сухие мощнейшие пальцы ухватили меня за подбородок и задрали голову. Я подумал, что сейчас она, как всякий уважающий себя врач, прикажет: «А теперь скажите: «А-а-а…» – и едва не распахнул рот, но врачиха уставилась мне в глаза, практически впилась взглядом, гипнотическим, страшным. К счастью, изучала она меня всего секунд пять. Затем что-то бросила Амаре и ушла к капищу, где продолжали камлать мужчины.

Амара взволнованно привстала.

– Торнхелл, ты – крейн!

Хорошо что кретином не обозвала.

Я почуял неладное и тоже встал. Женщина что-то взволнованно говорила баклеру. «Собака-наблюдака» начала чуть слышно поскуливать. Весь табор брай замер, застыл. Все смотрели на меня, и взгляды были не слишком приятны.

Адреналин, впрыснутый в жилы предсмертным криком сына баклера и уже почти рассосавшийся, снова принялся за свое: сердце начало колотиться, прогоняя сытую усталость.

«Собака-наблюдака» завыла, глядя прямо на меня. Прошло меньше минуты, и к ее вою присоединились все псы табора. Они выбрались из-под фургонов, смотрели на меня и выли. Выли с тоской, без злобы, как по покойнику, зажав пушистые хвосты между лапами. Даже я, дитя двадцать первого века, знал – если

собака смотрит на тебя и воет, жди беды.

Баклер поспешил к нам, двигаясь удивительно резво для человека его комплекции. Ростом он не уступал мне, но весил примерно втрое больше. По дороге он гаркнул на собак, крикнул им что-то такое, отчего они разом смолкли и уползли под фургоны. Я помимо воли отступил на шаг.

Цыганский барон ухватил меня за подбородок и так же, как женщина-врач, впился вампирьим взглядом. Затем отпустил, разразился длинной речью, адресованной Амаре, и ушел обратно к капищу. Медленно-медленно табор вновь ожил – раздались смех, бренчание, веселые голоса, однако уже без прежнего задора. Время от времени я ощущал на себе любопытные – впрочем, неагрессивные – вгляды.

– Амара?

Она смотрела в пустоту.

– Амара?

Моя проводница покачала головой.

– Что сказал баклер?

Она бросила на меня взгляд, в котором сквозила печаль.

– Он сказал, что над тобой вьется проклятие и тебя скоро убьют, и даже если ты останешься жив, прольется немало крови. Он посоветовал мне тебя оставить, если я хочу жить. Да, и он подтвердил – ты крейн.

– Что такое «крейн», Амара?

– Человек с лишней душой.

Глава 15

Нас уложили спать под фургон, постелив на траву какой-то ветоши и выдав лоскутное одеяло, набитое, судя по шороху, чем-то вроде сена. Я думал уйти спать в шарабан, но Амара резонно сказала, что там не вытянешь ног, а значит, наутро коленкам будет невесело. Я ей поверил, у нее был опыт. Бок мой грела та самая любопытная псяка; после окрика баклера она совершенно успокоилась и даже преисполнилась некой ко мне симпатии. Ну, я ее понимал: она видела мою скорую смерть или несчастья и сочувствовала – она могла бы даже поделиться своими блохами, но вот беда – собачьи блохи не приживаются на человеке. Это я знал точно, потому лежал спокойно и не дергался, когда псина остервенело чесалась, кажется, всеми четырьмя лапами. С другой стороны меня поджимала Амара Тани – и тело ее было горячим даже сквозь одежды, которые мы, естественно, не стали снимать.

Нехорошо мне было после всех мрачных предзнаменований. Хреново. Было бы чуть лучше, поясни Амара насчет крейна, но она отказалась это делать на ночь глядя. Над головой скрипели доски – обитатели фургона укладывались спать. Я думал, что проворочаюсь до утра, но уснул быстро, несмотря на все бугры и ямки, которые с непривычки ощущал телом. К счастью, Торнхелл был обучен спать на жестком. Я уснул, еще успев подумать, что сейчас весна и в лесу нет мух, комаров, мошек и прочих летающих гадов.

Мне приснился покойный дед Слава, отец матери. Он был чем-то недоволен и без конца выговаривал мне, тряся узловатым пальцем.

«Не отступай, не отступай!» – кричал он. Я недоуменно пятился, а он шел на меня и обвинял в трусости, будто я по меньшей мере из-за этой самой трусости собирался предать Родину. Потом видение поблекло, я узрел институт, свои молодые годы и неудавшийся брак с Наташей. Мы скандалили по семь-восемь раз на дню, и это была классическая иллюстрация полного несовпадения характеров, желаний и интеллекта. К счастью, у обоих хватило ума не обзаводиться детьми, а затем и развестись. Неведомая сила проволокла меня сквозь воспоминания, затем выдернула на улицу и вознесла, аки святого, ввысь, но, когда я задрал голову, в небе распахнулась черная дымная воронка, и меня засосало туда, в гудящую, орущую на тысячу голосов черноту, и закрутило там, замотыляло, а голоса слились в общий хор, и выкрикивали они хрипло и страстно одну только фразу:

«Отдай душу! Отдай душу! Отдай душу!»

На этой замечательной ноте меня разбудил истошный женский взвизг.

Я попытался вскочить, однако оказалось, что кто-то – ха, я могу угадать с первого раза, кто – заботливо подоткнул одеяло вокруг моей благородной персоны со всех сторон. С одеялом пришлось бороться несколько долгих секунд, в течение которых я окончательно проснулся и увидел над головой синее небо с кудрями облаков.

Рядом лежали шпага, шляпа и моя торба. Никаких следов брай, кроме отпечатков колес и черных проплешин от костров. Словно и не было никого. Ах да – одеяло и подстилку они нам оставили.

Амары нет – как и ее вещей. Брай забрали ее с собой, что ли? Похитили? Только зачем им рябая и беззубая девка?

Откуда донесся крик? Я прислушался. Тишина. Покрутил головой, увидел наш шарабан, рядом – стреноженных монастырских лошадок у дороги, по которой мы вчера прибыли.

Крик. Я ведь явственно слышал крик. Откуда? Ну не из сновидения же? Он точно был. Я напряг слух: давай, еще разок, ну же! И вновь – тишина.

– Амара? – Нет ответа. Я набрал воздуха в грудь и крикнул уже что было сил: – Амара!

О'кей, Гугл, что делать? Да ладно, чертово изобретение Брина, молчи, я знаю, ты ничем не поможешь.

Я прислушался снова. Откуда-то доносился сапожнически грубый мат. Причем в женском исполнении. Различить слова было трудно, но это совершенно точно мат, вот с этим ошибки никак быть не может. Женский голос выкрикивает самые грубые ругательства. Само по себе уже настораживает.

Я оголил клинок шпаги и начал двигаться в ту сторону, откуда доносилась брань. Вломился в подлесок, в кусты шиповника, злые, колючие, как кошачьи когти, оцарапал щеку, руки, сгоряча рубанул шпагой ветви. Кромка лезвия была заточена как бритва. Потом увидел, что сбоку вьется малоприметная тропка, которую не заметил спросонья, и прорубился к ней. Во рту ощущался ужасный привкус. Полкоролевства… то есть пол-империи – за зубную щетку. А вторую половину я отдам за чашку горячего крепкого кофе, лучше всего – капучино.

Ладонь вспотела на эфесе. Я двигался по тропке, больше не издавая призывных кличей. Инстинкты подсказали – лучше себя не выдавать.

Впереди наметился просвет, брызнули в глаза солнечные

искры. Я замер у края прогалины, на высоком речном берегу, заслоняясь ладонью от солнца. Река была довольно широкая, другой – низкий – ее берег был покрыт кустарником и лесом, и тянулся этот лес, подернутый утренней дымкой, насколько хватало глаз.

Действие на берегу было в самом разгаре. Группа оборвышей взяла женщину в круг и, глумясь, перебрасывала ее друг другу, как манекен. За пару секунд наблюдения я отметил, что женщина абсолютно нага – такой вот факт! На мраморнобелой, не знавшей загара коже играли солнечные лучики. И еще она была блондинка, ну этого я не заметить никак не мог, блондинка как сверху, так и снизу, причем я успел отметить, что блондинка натуральная, цвет ее волос имел глубину и даже небольшой охристый оттенок, но это уже детали.

Амара!

Она выглядела разъяренной, не растерянной – разъяренной. Это из ее уст вылетали грубейшие ругательства. Она не владела ситуацией и знала, что сейчас произойдет, но именно изнасилование и глумеж ее не пугали – пугало и злило ее то, что она не может противостоять уродам – она была как манекен, брыкающийся, матерящийся манекен, с которым могли сделать что угодно.

Я придержал порыв выметнуться из кустов борзым кабанчиком. Оценил ситуацию. Сердце колотилось. Оборванцы разбросали свое оружие – вилы и топоры, и в целом у меня были хорошие шансы, если я нападу внезапно. Но что делать? Убивать? Но я никогда не убивал человека!

Их семеро. Ё-моё…

Потеха закончилась: Амару завалили на спину и окружили плотной толпой.

Помылась, называется, утречком…

Я выскочил, в два прыжка преодолел расстояние до толпы. Примерился и вмазал одному рукояткой эфеса по затылку. «Тяжкие телесные», если выживет. Сотрясение мозга, и, кажется, проломленный череп. Он повалился вперед, на Амару. Меня заметили, раздались крики. Я хлестнул еще одного по заднице клинком, третьему врезал по щеке, стараясь не поворачивать клинок острой кромкой – увидел, как, лопнув, щека полыхнула багряным. Однако прочие были не лыком шиты. Они разбежались и принялись собирать свое оружие. Не удалось их разогнать ухарством.

Я застыл, растерялся – мне полагалось колоть и рубить, то есть убивать, а я не мог себя заставить, просто не мог. А они уже подбирали оружие… Бородатые, рябые, заросшие, они скалились

в беззубых улыбках, они уже видали такое, что мне и не снилось, и уже делали такое, от чего волосы на моей голове могли враз поседеть. И они плевали на страх, на какого-то чудака со шпагой, который не порубил их в фарш, а просто попытался избить.

По книгам я знал, что, если в руках профессионала – хорошо заточенная шпага, он может в считаные секунды нарезать бефстроганов из бездоспешных. Почему четыреста конкистадоров в свое время покорили сотню тысяч ацтеков? Они не боялись убивать и были профессионалами именно в этом деле. Они резали и кромсали несчастных индейцев. А деревянные щиты и просоленные рубашки ацтеков для толедской стали выглядели просто насмешкой.

Но я не мог заставить себя убивать.

Тут из-за берегового откоса выбрался еще один человек. Голый по пояс, брюхатый; вода блестела на шерсти, густо покрывающей грудь. На лбу его виднелось лиловое, похожее на заостренный кошачий зрачок клеймо: наверняка беглый каторжник. А к поясу с толстой медной бляхой был пристегнут меч.

Человек ухватил картину целиком, все понял, злобно крякнул, выхватил оружие и побежал на меня, что-то крича своим. Это был огромный боров. Меч в его руке отсвечивал золотым и багряным.

Он надвинулся, ударил мечом. Я неумело подставил шпагу под удар, железо лязгнуло о железо. Выродки что-то закричали. Боров ударил еще раз, размашисто, я парировал неумело, и шпага сотряслась мелкой дрожью, болезненно отдавшейся в руку.

Человек рассмеялся жирными губами. В его пасти тоже недоставало нескольких зубов, а те, что были, являли собой ночной кошмар стоматолога.

Я зашаркал по росистой траве, рука немела от ударов.

Человек заржал, наморщив лоб, отчего клеймо-зрачок собралось в гармошку. Фехтовал он ужасно, но я-то был еще хуже. Увы, но Белек не подарил мне навыков Торнхелла касательно боя холодным оружием. Пока только превосходящая длина моего клинка и рук спасали от смерти.

Краем глаза я увидел, что прочие члены банды, собрав оружие, начали приближаться ко мне.

Только этого не хватало…

Клейменый мордоворот ухмыльнулся и что-то крикнул своим. Не знаю, что случилось затем… вернее, как это случилось; возможно, отчаяние придало мне сил, но я, увидев, что меч на какую-то секунду опустился, сделал шаг навстречу и ударил шпагой в брюхо каторжника.

Мерзкие ощущения. Я извлек шпагу. Клеймо на лбу каторжника разгладилось. Он выдохнул и снова попытался атаковать, находясь в шоковом состоянии, но я с силой отбил удар, а потом еще раз ударил по мечу, выбив его из кургузых пальцев.

На лице громилы наконец проявилась гримаса боли, колени подломились, он упал на траву и принялся громко орать, перемежая вопли с ругательствами.

Но его крики перебил громкий сапожнический мат.

Я поднял голову и обомлел. Я увидел, на что способна истинная фурия. Амара носилась по обрывистому берегу, придерживая полные груди левой рукой. В правой у нее был кинжал. Я даже не знаю, с чем сравнить это зрелище… сверкающей убийственной наготы. Алебастрово-белая кожа в капельках росы мерцала на солнце. Груди вздрагивали, ягодицы – прекрасной формы! – подпрыгивали. Мелькало рыжеватое пятно там, где его носили все женщины до годов, пожалуй, девяностых, пока сексуальная мода окончательно не двинулась в сторону эпиляции. Амара металась по берегу, истошно ругалась и убивала. Убивала без жалости. Убивала мастерски. Настолько мастерски, что я… я залюбовался процессом. Вилы и топоры – это было не то оружие, что способно остановить смертельный полет длинного кинжала.

Неудалые насильники пытались сопротивляться, но она не принимала и даже словно не видела сопротивления. Она убивала.

Последнего она настигла на краю обрыва, он пытался спрыгнуть в реку, но Амара догнала прыжком, с силой всадила кинжал куда-то в область левой почки. А затем, не удержав равновесия, карающая Немезида кувырком полетела с обрыва вместе со своей жертвой.

Наваждение спало.

И тут же я услышал крики. Нет, панические вопли о помощи.

О боже мой, да она, кажется, вознамерилась утонуть?..

Я бросил шпагу на траву и подбежал к обрыву. Так и есть – болтается на глубоком месте у обрыва, бьет алебастровыми руками по воде, хлебает воду и… тонет!

– Торнхелл! Торнх… фр-р… хелл!

Она ушла под воду, затем появилась, открывая рот. Глаза стали пустыми – верный признак паники, которая охватывает любого, кто начинает тонуть.

Я сбросил обувь и кинулся в реку не раздеваясь. Подплыл парой мощных гребков. Сильные женские руки тут же обвили и, надавив, увлекли меня под воду.

Разум ее отключился, работали только инстинкты –

уцепиться хоть за что-то, и плевать, что, цепляясь таким образом, ты топишь спасителя!

Силой Амара Тани не уступала мужчине. Такая в момент собственного оргазма легко переломит мужчине спину ногами.

Я собрался с силами и всплыл, хлебнув ледяной водицы. Увидел лицо Амары перед собой и наградил ее размашистой затрещиной.

Не помогло…

Я собрал остатки сил и врезал кулаком в ее лицо. В воде сложно размахнуться, вложить силы в кулак, вода делает нас легкими, но я, на пределе отчаяния, нанес хороший удар. Глаза ее закрылись, она начала погружаться. Я схватил ее за волосы, затем перевернул на спину и, обхватив под тяжелой и даже в воде горячей грудью, отбуксировал на берег, а затем, по прибрежной траве, по откосу, выволок на обрыв, вспоминая все выражения, которыми она потчевала каторжников. К счастью, делать искусственное дыхание не пришлось – Амара Тани быстро пришла в себя. Она села, моргнула, сплюнула воду и сказала:

– Ты совсем не умеешь владеть шпагой, Торнхелл.

Меня мутило от вида крови и колотило от холода, я смог только промычать что-то утвердительное. Врать не имело смысла – Амара, очевидно, краем глаза успела оценить мои потуги фехтовальщика.

– А ты не умеешь плавать.

– Совсем не умею и боюсь глубины. Ты меня научишь.

– Научу. Если ты научишь меня владеть шпагой.

Она засмеялась.

Я потер шею – локтевой захват у нее был будь здоров.

– Ты разбил мне нос.

Я угукнул, стягивая мокрую одежду. Не могу сказать, что утреннее солнце было слишком теплым.

– Иначе ты утопила бы нас обоих.

Она кивнула совершенно серьезно, она понимала.

– Я скажу тебе спасибо, ты ведь спас мне жизнь. Спасибо, милый господин. Искреннее спасибо!

Мордоворот – единственный живой из всей банды! – стонал и ползал по кругу, слепо загребая руками. Это только в кино про мушкетеров все враги умирают красиво и быстро от укола в брюхо. На самом деле такая смерть мучительная, долгая и может тянуться несколько суток.

Амара смерила его взглядом и цокнула языком.

– Ты что, никогда никого не убивал, Торнхелл?

Я не стал врать:

– Не пришлось.

Она разыскала в траве мою шпагу и, примерившись, всадила острие в горло мордоворота.

– Ну, всегда бывает первый раз.

И с этими словами она принялась обирать трупы, наклоняясь и приседая. Я, хоть и трясся от холода, поймал себя на том, что пристально слежу за этим процессом, причем, когда она наклоняется, мой взгляд направлен точнехонько туда… ну, в общем, не важно. Тело у нее было великолепное, оспа, будто в насмешку, поразила только лицо и немного – плечи.

Она ощутила, что я смотрю, выпрямилась с охапкой вещей в левой руке.

– Черт, Торнхелл!.. Только не говори мне, что ты вдобавок еще и девственник!

Глава 16

Мы выехали из леса в новый яркий, солнечный день и свернули на узкую проселочную дорогу, пиявкой присосавшуюся к Серому тракту. Я забрался под навес, развесив снаружи мокрую одежду, и кутался в одеяло, которое любезно оставили нам брай. Шпага в ножнах чувствовала себя теплее, чем я. К счастью, кости и суставы не болели после ночевки на жестком – как я уже говорил, Торнхелл был приучен ночевать в спартанских условиях. Но внутри тела прятался слабак или по крайней мере человек городской, мягкий – нюня, одним словом, у которого перед глазами то и дело вставала картина бойни на береговой круче. Я грыз хлеб с колбасой и мечтал о термосе с кофе, и наконец понял, что моя дрожь не от холода вовсе – это нервы. Амара восседала на облучке, и мне казалось, что ее затылок, прикрытый пышной короной волос, взирает на меня с насмешливой иронией. Безвременно утопший кинжал был заменен ею на меч каторжника. Купание же в ледяной воде никак не сказалось на самочувствии моей проводницы.

Я спросил, кто на нее напал. Ответ был краток и беззлобен:

– Крестьяне.

– Крестьяне? То есть это не разбойники?

– Сейчас многие крестьяне… шумят. Деревни разоряются, горят, крестьян закабаляют дворяне. Смута. Народ бежит из Санкструма.

– Я дрался с мужчиной, у него на лбу было…

– Клеймо. Да, он каторжник. Собрал вокруг себя банду. Хорошо, что ты прирезал главаря, – они растерялись, мне удалось расправиться с ними. Жаль несчастных.

Я не поверил ушам – ее ведь хотели изнасиловать, а затем, как это бывает среди банд, скорее всего, убили бы, предварительно изуродовав!

– Несчастных?

– Они бараны, глупцы. Пошли за вожаком. У них семьи в окрестных селах. Мне жаль их всех.

– Семьи? То есть… ты хочешь сказать, что убила обычных крестьян, у которых есть жены и дети?

– Да, конечно.

– И ты их… – Я имел в виду «оставила семьи без кормильцев», но вовремя заткнулся.

Она оглянулась на меня резко, крылья носа дрогнули.

– Есть некоторые вещи, милый господин, которые я никак не могу простить. Ну вот просто – никак!

Я промолчал. Мысли метались в разных направлениях. Она резала их как… как баранов, что рискнули поиграть с волком… с волчицей, точнее. Только волки шуток не понимают.

– Ты говорила, что разбойников… ну, и прочих злодеев рядом с капищем брай быть не может?

Амара покосилась на меня с кривой усмешкой:

– Брай ночью ушли. И это не разбойники, это несчастное тупое дурачье, которое шло промышлять на Серый тракт посреди леса.

Дурачье? Шпана? Как же тогда выглядят настоящие разбойники? Но эту тему я не стал развивать. Очевидно, это укоренившийся стереотип – мол, разбойник выглядит как заросший диким волосом оборвыш. На самом деле, конечно, разбойник профессиональный – это хорошо вооруженный, следящий за собой и своим конем мерзавец. Скорее всего – в доспехах. И, наверное, с самострелом или луком. Будь у крестьян что-то стреляющее – над нами с Амарой уже бы мухи жужжали.

– Да, кстати. Брай оставили тебе подарки. – Она протянула мне черный кожаный шнурок, к которому был привязан невзрачный глиняный шарик. На шарике красками был изображен любопытный и совсем нечеловеческий глаз – продольный зрачок навевал мысль об Оке Саурона, только был он небесно-голубого цвета и окружен весьма реалистичными кровяными прожилками.

– Это?..

– Это дала Огма. Та, что разглядела в тебе крейна. Повесь на шею.

Амулет от зубной боли, что ли?

– Она сказала, что это защитит тебя от *них* и от ночных кошмаров. Более-менее защитит.

Ядовитая хохма про зубную боль застряла у меня во рту. Откуда брай узнала, что Торнхелла преследуют кошмары? И ведь был кошмар, да только я не думал, что он будет повторяться.

Я молча повесил «ловца снов» на шею. В моем мире подобные вещи – это игрушки для дураков, имеющие эффект плацебо – ну то есть, если ты веришь, то оно и работает, а нет – так не работает. Но здесь, в новом мире, магия, очевидно, и в самом деле функционирует, значит, и амулет этот – никакое не плацебо.

Амара одобрительно кивнула:

– Огма сказала, что *они* не смогут тебя извлечь, пока амулет на шее. По крайней мере, не смогут некоторое время.

«Отдай душу! Отдай душу! Отдай душу!»

Я содрогнулся. Кто это – *они*? И зачем требуют мою душу? Жаль, брай уехали, и я не могу поговорить с ними и узнать… Впрочем, может, еще один табор встретится нам по пути? Моя

душа – мое богатство, я ее никому не отдам. Возможно, Белек, как индийский программист, что-то напутал с магическим кодом, когда исторгал душу Торнхелла и вселял на ее место мою? И теперь баги кода постепенно вылезают, и так будет, пока количество критических ошибок не вызовет глобальный сбой программы? Не значит ли это, что мою душу, если я сниму амулет, рано или поздно заберут? И куда ее поместят, хотелось бы знать? Переместят обратно на Землю? Но там-то я давно мертв… Значит, меня исторгнут в пространство, в небытие, скорее всего, то есть окончательно умертвят, а в тело вновь вернут душу Торнхелла – если такое, конечно, возможно по неизвестным мне вселенским законам. Удружил же мне Белек, старый склерозный хрыч!

Ладно. Сразу после того, как обживусь на месте архканцлера, я найду сведущего мага и наведу справки о душах и межмирье. Узнаю, что и как делать, чтобы уберечь себя от гибели.

Но вообще… Как бы количество проблем на моем пути не начало расти, словно снежный ком. Хотя что я говорю? Взяв мандат архканцлера, я как раз и буду… разгребать этот ком. Ну или чистить авгиевы конюшни.

Нервная дрожь, слегка угасшая было, снова поднялась в теле.

– Второй подарок тебе от баклера.

Цыганский барон решил меня порадовать?

– О…

– Держи, сунь в карман штанов и всегда носи с собой. Так он сказал.

На ладони Амары лежал видавший виды железный кастет.

Я икнул.

– Ну бери, бери! Баклер сказал – эта штука пригодится тебе больше, чем шпага. С которой ты управляешься, милый господин, хуже, чем крестьянин с вилами. Тебе и поросенка пока не заколоть.

Еще бы – я никогда не колол поросят!

Но убил человека.

Картина убийства снова встала перед глазами.

Я стряхнул ее усилием воли, взял кастет и, как заправский модник, примерил. Был он слегка великоват – у баклера лапища была пошире моей, – но сидел удобно, я бы даже сказал – дружелюбно сидел, хоть сейчас используй в дело. Жаль, что он не был со мной на речном берегу. Уж с его помощью я бы разобрался с толпой куда ловчее, чем со шпагой.

И, возможно, тогда они остались бы живы…

Ах да, их предводитель, каторжник, все равно заставил бы меня взяться за шпагу.

– Амара, а брай говорят… на общем языке?

Она покосилась на меня через плечо.

– Конечно, милый господин. Я понимаю, тебя удивило, что на капище они говорили по-своему. Это традиция. Чужаки пропускаются внутрь, только если знают язык брай. Ну, для тебя сделали исключение – я попросила.

Хм, вот как. Ты знаешь их язык, ты богата талантами. И кроме того, ты же, кажется, немного умеешь колдовать и, скорее всего, имеешь касательство к ведьмам…

– А чем брай… зарабатывают на жизнь?

Она уже не удивлялась моим вопросам: поняла, что я все-таки девственник в этом мире, фигурально выражаясь.

– Они свободны. Они странствуют по странам, собирают новости и делятся ими с людьми, лечат зубы, кости, исполняют песни…

– И воруют лошадей.

– Что? Нет, они уважают чужую собственность. Странно, что ты это спросил.

Да я автоматически, Амара. Переношу реалии своего мира на мир этот. Но интересно – выходит, брай исполняют в этом мире роль странствующего агентства новостей, эдакое CNN на выезде, только без журналистской предвзятости, без информационного обслуживания власти. Интересно и необычно. Когда я стану архканцлером, брай необходимо будет вернуть в Санкструм, более того – я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться. Превращу их в моих новостных агентов – буду распространять информацию о своей деятельности и сам буду получать новости от них. Взаимовыгодное сотрудничество. Давить на них, очевидно, не получится, да я и не буду этим заниматься. Полагаю, через брай я буду распространять правду. Ну, почти правду. Иногда правду можно немного приукрасить. Да, во мне заговорил политик, мать его за ногу, а политик не может всегда говорить правду.

– Что еще брай сказали про меня?

Моя проводница ответила после небольшой паузы:

– Ты неплохой человек. Некровожадный. Достойный, я бы сказала. Со светлой душой. Но в тебе есть скрытая жестокость. Это черта, что может вскоре открыться.

О, блин… Ну, брай увидели, каким я могу стать на посту архканцлера. Надеюсь, они не экстраполировали это свое видение в далекое будущее и не узрели, что я купаюсь в крови… Нет-нет, жестоким правителем я не хочу становиться – я прекрасно знаю, как власть отравляет разум.

– А что есть крейн? Что значит «человек с лишней душой»?

Она вздрогнула, чуть натянула вожжи – монастырские лошадки тут же сбились с мерного шага, но Амара стегнула их по крупам.

– Кто-то с некой целью вселил в это вот тело – в твое тело, Торнхелл – чужую душу из этого мира или из соседнего. Это старый и жуткий ритуал черной магии, после которого сам маг умирает в муках и, так говорят, обрекает себя на посмертное мучение. Теперь вселённая душа руководит телом, а исторгнутая душа должна быть вселена магом в то тело, из которого пришла первая душа.

Вот оно что!

– А если первое тело умерло?

– Значит, нарушен закон равновесия, и исторгнутая душа будет стремиться вернуться в тело.

Я поежился. Перспективы не радовали. Сон и амулет теперь обрели совершенно ясное значение. И еще – Белек несомненно знал, что выселенная душа Торнхелла будет стремиться вернуться. Но однако рискнул. Но мне он сказал иное – он сказал, что просто подцепил мою душу, а душа Торнхелла, дескать, будет теперь странствовать в межмирье.

Соврал, старый хрен. Соврал, лишь бы я взялся за работу. Он знал, что у меня будет некое время, скорее всего, те самые два года, за которые *они* не успеют вытащить мою душу из чужого тела.

Ах да, я вспомнил, кто такие *они*. Белек называл их Стражами. Некие сущности, возможно, межмировые, надзирающие за вселенским порядком. Все радостнее и радостнее. Но пока на мне амулет брай, я надеюсь, Стражи не наложат на мою душу свои загребущие руки. Но в Нораторе придется консультироваться с магами. Впрочем, это дело отдаленного будущего.

Мы помолчали, наконец Амара, вздохнув, сказала едва слышно:

– Значит, Белек мертв…

Я вспомнил Белека, умирающего в кресле. Вот почему он повторял, что скоро уйдет! Он знал, что обрекает себя на смерть. Он шел на это ради страны.

– Я этого не говорил.

– Брось, милый господин. Я разумею, что это он провел обряд. Он один из немногих в Санкструме, у кого хватило бы сил. Имперские маги – чертовы слабаки, а половина из них – жулики, что присосались к фамилии Растара. Провести обряд – значит умереть. Таков откат от заклятия, сколь бы сильным магом ты ни был. Поэтому крейны – редкость. Обычно ими подменяют

личности правителей – с политическими конечно же целями. Ты – правитель, милый господин?

До чего она умна. Выложить ей правду прямо сейчас? Пока не буду. Она ведь знает от брай, что в Нораторе Коронный совет выбрал архканцлера-«зверя». А архканцлер – это я. Ну, почти я – осталось только взять мандат в храме Ашара. Амара – человек тертый и знает, что люди могут скрывать свои намерения о-о-очень глубоко, могут подделываться, искусно изображая невинных овечек. Вдруг я – актер, изображающий паиньку, а брай не сумели разглядеть мою кровожадность на дне души, сказали – мол, он жесткий, но не сильно, а на деле – таки стану тем кровожадным зверем, которым пугают?

– Нет, – ответил ей, – я не правитель. – И чуть не добавил: «… пока».

– Но Белек пожертвовал своей жизнью, чтобы создать крейна. Значит, у него были серьезные мотивы. Ты знаешь его мотивы, Торнхелл?

Я сказал – да.

– Ты не хочешь говорить о них.

Я сказал – нет.

– Белек запретил?

– Я скажу в Нораторе.

Она фыркнула, достала из своей дорожной торбы курительную трубку и накрошила туда что-то из кисета, шитого выгоревшей позолоченной нитью. Затем высекла искры огнивом – на это ей потребовалось секунд десять – и задымила.

– Все-то у тебя тайны, милый господин!

– Никаких тайн. Я расскажу все, когда прибудем в Норатор.

Амара оглянулась и пустила клуб дыма внутрь шарабана.

– Брай оставили немного эльфийского листа. Очень хороший, такого сейчас и не достать.

Эльфийский лист пах сладковато и, в общем, приятно, он не драл нос, как табачный дым. Это было то самое курево, что стлалось над становищем брай вечером.

Моя проводница расхохоталась.

– Ты так принюхиваешься, словно никогда не пробовал эльфийский лист.

Пуаро в юбке! Вернее, в штанах. Но смысла таиться больше нет. Я признался:

– Нет, ни разу.

– Ну тогда затянись.

Я взял трубку из ее рук и втянул пряный сладкий дым. Эльфийский лист бодрил, успокаивал нервы. По телу разлилось приятное тепло, но голова осталась светлой, не то что от «чуда».

Амара сказала, выпустив дым через ноздри:

– Твое первое тело, милый господин, очевидно, мертво. Именно поэтому по тебе выли псы. Твою душу выдернут… рано или поздно, чтобы вернуть настоящего Торнхелла в родное тело. Амулеты брай, конечно, сила, но их не хватит надолго. Насколько я знаю, жить тебе осталось в этом теле около двух лет.

Мысленно я послал ее, и Белека, и весь Санкструм к черту. А потом, смирившись, криво улыбнулся.

Амара смотрела на меня, и во взгляде ее жалость смешивалась с теплом.

– Как тебя зовут-то по правде, милый господин?

– Зови меня Аран. Аран Торнхелл. – «…будущий архканцлер», – мысленно прибавил я.

Два года? Ну нет. Это мы еще посмотрим. В этом мире есть магия, а у меня будут деньги и рычаги влияния. Я сделаю так, что два года моей жизни превратятся в двадцать, а может, во все пятьдесят лет.

Значит, директива такая. Мне придется спасать не только Санкструм, но и самого себя.

Но я спасу.

Я знаю это.

Я смогу.

Глава 17

Мы продолжали неспешный путь. Амара выбирала глухие проселки, ориентируясь на местности, как заправский индеец. Вообще, женщин бог наградил топографическим кретинизмом до той степени, что они могут заблудиться среди трех сосен – в буквальном смысле, но Амару при награждении он, видимо, обошел. Она знала, куда править. Почва под колесами шарабана, к счастью, не успела еще сильно раскиснуть, и копыта лошадей не увязали в дорожной грязи, что бывает, если распутица длится несколько дней подряд. Короче говоря, ехать было можно. Солнце, словно решив отыграться за вчерашнее, уже начинало припекать, от дороги поднимался пар. К полудню я, не утерпев, с гримасой отвращения натянул на себя влажную одежду и выбрался из повозки, дабы размять ноги. Амара покосилась на меня, но ничего не сказала.

Холмы, перелески, поля… Кругом ни души. Будто тебя перенесло в мир, где ты наедине с женщиной… любимой, разумеется, и все в этом мире для вас двоих…

Иллюзия, разумеется. Особенно в том, что касается любви.

Я шел рядом с женщиной, которая могла выиграть конкурс на самое уродливое лицо на свете, шел и бомбардировал ее вопросами о новом мире:

– Амара, кто такие хогги?

Она задрала брови на середину лба: ну несмышленыш, что с него взять – младенец самый настоящий!

– Они живут среди нас… среди людей, очень давно. Их племя немногочисленно. В горах у них золотые прииски.

– Они… они не люди?

– Проснись, Торнхелл – конечно нет! У них золотые прииски и банки по всему Санкструму. Они дают деньги в рост, они безумно богаты. Их правящая верхушка – это дюки, владельцы несметных сокровищ. Чем богаче дюк, тем он толще – считается, что деньги приходят только к тем, кто много ест, поэтому они едят, жрут в три горла и рано умирают. Но остановиться не могут – им надо жрать и богатеть, в этом философия жизни дюков.

Я вспомнил жирного уродца, обмотанного золотыми цепями, на улице Выселок. Значит, хогг. Больше похож на гнома… во, точно – гномами и буду их называть… иногда.

Я достал бумагу, оставленную мне Белеком, и прочел еще раз:

«*Долги Санкструма основные*:

Анира Най – Гильдия. Опасна как рысь. Безжалостна есть. Долги?

Баккарал Бай – дюк. Банкир. Деньги – фетиш его. Долги официальные многотрудные.

Посол Сакран – долги?

Посол Армад – долги?»

Вот Баккарал Бай, очевидно, главный дюк хоггов. Банковская система, надо полагать, полностью или частично в руках гномов, поскольку они занимаются ростовщичеством и имеют доступ к золоту. Ну ладно. Разберемся на месте. Договоримся. Найдем рычаги влияния. Не стоит забывать, что госдолг Санкструма держат еще три человека. Хм, человека ли?

– Амара, а в Санкструме живут эльфы?

Меня вновь накормили взглядом терпеливой медсестры из желтого дома.

– Торнхелл, я не спрашивала, ибо уважаю твои переживания, но, черт тебя дери, из какой преисподней ты прибыл? Ладно, не надо, не отвечай. Я скажу. Избранные бессмертные давно вымерли.

– Бессмертные – вымерли?.. – Тут бы мне следовало сказать: «Ха!»

– Да, эльфы все передохли больше трехсот лет назад. Никто не знает, что произошло в точности. Они подцепили какую-то мерзкую хворь. Да, смешно – бессмертные передохли. – Она горько рассмеялась. – Говорят, они гнили заживо, там, в лесах… Страшно кричали в мучениях. Вот предание… Согласно ему, эльф согрешил с человеческой женщиной, что строжайше запрещено эльфийским законом… И закон этот исполнялся, пока… Всегда есть слабые и любопытные. И похотливые. И такие, кто не может сдержать свою похоть, будь ты даже трижды эльф. Женщина была больна черным мором, но не знала об этом… Бывает так, что человек носит в себе хворь, а сам не болеет.

– Тифозная Мэри!

– Что-что?..

– Это из моего мира. Нарицательное имя женщины, которая травила людей своей болезнью, отрицая, что больна. Она и правда была скорбна на голову и не понимала, что занимается убийством.

– О! Надеюсь, ее удавили, а труп бросили собакам.

– Нет, она дожила до старости под арестом, но ее вскрыли после смерти и нашли… – Как же ей сказать про тифозные бактерии, которые нашли в желчном пузыре Мэри Мэллоун? Не

поймет ведь… – Нашли болезнь внутри.

Амара кивнула:

– Я тебя поняла. Эта женщина была чем-то подобным… Эльф заразился от нее и перенес болезнь в леса, заразив остальных. Говорят, даже обычное его касание приносило болезнь любому эльфу… Черный мор странно повел себя. У людей он проявляется почти сразу, но с эльфами получилось иначе… Мор словно затаился и передавался от эльфа к эльфу без видимых последствий… Но прошло несколько лет, может, даже десяток или два, и вдруг – в один момент – заболели все и скончались очень быстро в страшных муках. Все леса эльфов превратились в кладбища.

Угу: попав в организм, отличный от человеческого, вирус непредсказуемо мутировал.

– Теперь эльфийские леса называются Лесами Костей. Они прокляты. Там нет животных и птиц, только непогребенные кости. И снег. И, возможно, призраки. Смельчаки, бывает, лезут туда за оружием и сокровищами, но назад мало кто возвращается. Леса травят окрестные земли – весной и летом из них выползает ядовитый зеленый туман, от которого полегает и чернеет пшеница, домашняя скотина болеет, а люди – дети и старики – могут умереть.

– А вырубить эти леса не пытались?

Она взглянула на меня с изумлением:

– Торнхелл… Черт, нет, их боятся трогать. Проклятые места. Даже лес на подъезде к Норатору, в двадцати милях от столицы, стоит нетронутый.

Я сделал очередную пометку в глубинах разума: вырубить эльфийские леса к чертовой бабушке, не получится – сжечь, и плевать на культурное наследие, которое скрыто под сенью волшебных листьев.

– Все, что осталось от эльфов, это их оружие и эльфийский лист. Его культивируют люди в южных областях Санкструма. Но без эльфийского ухода лист начал хиреть. За триста лет кусты, что были высотой с человека, стали ему по пояс. Говорят, дело в какой-то особой эльфийской магии.

Селекцией вы не умеете заниматься, ребята, селекцией. Это даже подросток из моего мира знает. Отбирайте более жизнестойкие виды, экспериментируйте с подкормкой, и будет вам большое эльфийское счастье.

Еще одна пометка в глубинах разума: разобраться с эльфийским листом. По вкусу он был намного приятнее табака. Что-то вроде фруктовой курительной смеси для вайпа, только куда естественнее по ощущениям, без привкуса химикалий. Одно

из немногих удовольствий нового мира…

Амара вдруг привстала, оглянулась. Я оглянулся следом – на гряды холмов, прикрытые легкой дымкой испарений.

– Видишь их, Торнехелл?

Я резко оглянулся, напряг глаза:

– Кого «их»?

– Черт, они уже скрылись в ложбине. Отряд, около десяти человек. Не нравится мне это. Они явно по твою душу. С такой скоростью – часа через три нагонят. Придется ехать через лес. Да-да – сейчас мы пересечем реку, и в лес. Садись в шарабан, я буду гнать быстро!

Без разговоров я запрыгнул в повозку, Амара гикнула, вожжи звонко щелкнули по лоснящимся крупам монастырских лошадок.

Я снова развернул послание Белека.

«*Коронный совет*:

Трастилл Маорай – глава фракции Умеренных. Выбрали Торнхелла подло.

Дремлин Крау – глава фракции Великих. Выбрали Торнхелла подло.

Таренкс Аджи – глава фракции Простых. Воздержались от выбора Торнхелла благородно.

Правительство:

Жеррад Утре – покойный архканцлер несчастный…»

Несчастный, вот-вот. Это и про меня сказать можно. Кто из фракций отправил Жеррада Утре на тот свет? А ведь отправил, к гадалке не ходи – его убили. И кто из фракций сейчас гонится за мной? Умеренные, Великие или Простые, к чьему лидеру Таренксу Аджи рекомендовал обратиться Белек в Нораторе? Впрочем, плевать, патриоты это, желающие не допустить до власти зверя Торнхелла, или уроды, которые узнали, что внутри Торнхелла – напротив, не зверь, а добренький вселенец, и именно поэтому решившие его устранить. Все равно они скачут, чтобы отобрать мою жизнь, это ясно. Нет, конечно, возможно, это карбонарии Белека, но что-то подсказывает мне, что их порубил в капусту отряд, прибывший в Выселки.

Дорога пошла вверх, с холма открылся вид на сожженную деревню, лежащую на пологом склоне. Дома напоминали частокол черных гнилых зубов в пасти великана. В центре высилась постройка с закопченными, некогда белыми стенами, увенчанная высокой башней, ныне похожей на головешку. Очевидно, храм Ашара. Далеко впереди виднелись лента реки и почерневшие остатки моста.

Амара потянула носом:

– Это случилось недавно.

– Что?

– Деревню сожгли недавно. Малые… Малые Родники, да-да, это Малые Родники. Кому же они помешали?

Хаос распространялся по Санкструму. Зримый, страшный хаос. Хватит ли у меня времени и сил, чтобы его остановить?

– Мост сожжен, Амара.

Она кивнула:

– Я знаю, где брод.

Мы проехали мимо деревни, и тут я своим новым обонянием учуял смрад пепелища. К горьким запахам примешивался чуть заметный сладкий – это значило, что в деревне сгорело несколько человек. Около моста высился столб с перекошенной обгоревшей табличкой, кто-то выцарапал на копоти одно слово – «Грешники!».

Грешники? В чем же и как согрешили обитатели деревни?

Брод отыскался ниже по течению. Мы пересекли его, и тут Амара сбавила скорость.

– Они вряд ли отыщут брод скоро. Можно двигаться потише.

К сумеркам выехали на большак, пустой и тоскливый. Далеко впереди виднелся лес. Солнце убиралось с помрачневшего неба – тусклый бильярдный шар, скатывающийся в лузу из грозовых облаков. С большака Амара свернула на лесную дорогу, стиснутую мрачным лесом, словно корсетом. Я сидел рядом с проводницей, вдыхал терпкий смолистый аромат деревьев и молодой листвы и запах ее волос.

Лесную дорогу медленно заволакивал туман – густой, кисельный, тяжелый, пахнущий болотом. Амара пустила коней шагом.

– Скоро заночуем, Торнхелл. И лошадям нужен роздых. Пока же будь начеку. Если начнется – сразу выхватывай свою шпагу. Колоть не надо. Руби. Не бей по бокам, плечам, ногам – там одежда, пока ты ее вспорешь – тебя могут порешить. Бей по головам, по лицам. Так проще. Старайся задеть глаза. Ударил кромкой наотмашь – не смотри, насколько сильно попал – руби следующего. Руби. Именно руби, ты понял? Сверху по голове не бей – можешь сломать шпагу, там крепкая кость. Просто кромкой по лицу, ушам, затылку. Можно вспороть шею. Когда вспарывают шею – сильно хлещет, это хорошо – тот уже не жилец. Ты понял?

Да уж, урок средневековой философии выживания. Амара могла дать сто очков вперед современному сурвайверу.

Я сказал, что да, понял. И спросил проводницу, нападения кого она ждет. Рябая девушка пожала плечами:

– Просто ощущаю. Тут скверно. Зря я увязалась с тобой,

милый господин. Ладно, до Прядки недалеко. Там заночуем.

Однако в ее словах было деланое сожаление. Она почему-то ощущала себя счастливой рядом со мной.

Заночевать я был не против. Несмотря на то что провел почти весь день пути сидя, я чувствовал усталость. Сейчас бы поспать часов так восемь-десять, а потом – кофе… да только нет тут кофе. И чая в нашем понимании нет. Для утренней бодрости можно покурить эльфийский лист.

Сколько тут длятся сутки? По моим внутренним часам – сутки примерно равны земным. А вдруг в этом мире нарушены вселенские законы и солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот? А местная Земля – вдруг она все-таки плоская и накрыта хрустальной сферой, к которой железными гвоздями прибит свод небес? Ну ладно, это шутки. Но физика и климат местного мира еще ждут моего пристального изучения в Нораторе. Придется возрождать университеты, о закрытии коих вещал брат Сеговий, средневековые, конечно, но все же – университеты, аккумуляторы знаний об окружающем мире. Не только политикой, любовью, верой и золотом жив человек. В нас на инстинктивном уровне «прошита» жажда познания, и только у самых тупых индивидов она спит, замененная бутылкой пива и телевизором, по которому идет футбол.

Туман поднялся до ступиц колес. К счастью, это был обычный, а не проклятый туман, да и ехали мы, очевидно, по обычному лесу. Интересно, насколько я «улучшу» Санкструм, когда прикажу сжечь дотла Леса Костей? Но прочь сомнения: если леса-погосты травят земли и людей – их необходимо уничтожить. Тут нет свихнутых защитников природы, которые отстаивают право на существование каждой былинки, каждой тифозной вши, нет и идейных вегетарианцев, которые желают смерти человечеству, чтобы коровки мирно паслись на лугах и пони по радуге порхали. В этом – несомненный плюс и мое преимущество. Делай что хочешь, только аккуратно, чтобы не наломать дров.

Дорога вывела на пустошь, кругом поднимались низкие, сглаженные временем курганы, покрытые деревьями едва-едва, как голова плешивого человека – редкими волосами. Тут и там на курганах виднелись какие-то развалины, похожие на остатки башен. Может, похоронные башни, как в Армении? Древние артефакты былой цивилизации?

Далее местность повышалась, впереди вновь стеной поднимался лес. Нам, как понимаю, туда.

Далеко справа сверкали зарницы. Гроза близилась.

Амара вдруг схватила меня за плечо, прошептала сдавленно:

– Слышишь, там… там, впереди!..

– Что?

– Впереди! Прямо перед тобой!..

Я привстал. Туман на дороге вздымался уже клубящейся стеной – высотой метра в два, желтушного ядовитого оттенка, который сообщали ему последние лучи заходящего солнца. Видимость в нем была примерно на семь-восемь шагов, дальше все было размыто. Он устилал подножие курганов густым ватным одеялом. Что именно происходило в тумане, я затруднялся определить: там навстречу нам двигались какие-то странные формы, похожие то ли на демонов, то ли на ангелов – во всяком случае, я явственно видел крылья и, конечно, обмер, испугался.

Лошади начали всхрапывать. Амара резко натянула вожжи.

Из тумана донеслись какие-то омерзительные звуки, будто по оголенным нервам царапала кошка. Не сразу я понял, что это музыка. Совершенно нечеловеческая, потусторонняя, некая психоделика вроде той, что звучала из граммофонов, когда аборигены приветствовали экипаж звездолета «Астра» на отравленной Дессе.

– Ч-черт, дэйрдрины… Прячемся, быстро!

Амара отыскала неглубокий, скрытый бурьянами и колючими зарослями овраг у обочины и свела туда лошадей и шарабан. Что-то шепнула лошадям, поочередно каждой на ухо – что-то вроде цыганских заговоров, чтобы скакуны не выдали своим ржанием, как и тогда, в лесу.

Музыку сопровождал негромкий хоровой напев, ритмичный, повторяющийся, от которого мурашки разбегались по телу.

– Хочешь посмотреть, Торнхелл? Нишкни. Молчи. Не высовывайся. Двигай за мной и делай, как я.

Разгоняя туман, она забралась по откосу оврага и поманила меня. Я забрался следом, царапаясь о репьи, сердце колотилось о ребра. Что там, в тумане?

Амара раздвинула ветви, образовав крохотное окошко с видом на дорогу.

– Тшшш…

Существа начали выступать из желтого сумрака, и я помимо воли вздрогнул. Демоны с лицами-черепами! Хотя нет, постой – это же люди! В черных балахонах с длинными, провисающими едва ли не на метр рукавами, с бритыми головами и лицами, обильно покрытыми белилами, с зачерненным пространством вокруг лихорадочно блестящих глаз, отчего лица действительно напоминали черепа. Дэйрдрины шествовали колонной по пятеро. Впереди двое пожилых, с усохшими лицами, со штандартами в руках. На штандартах нарисовано солнце, до трех четвертей перекрытое луной. Затмение, видимо… По сторонам колонны

двигались крутоплечие мужчины средних лет, опоясанные мечами. В середине процессии – невооруженные юноши и девушки, на щеках которых под белилами – а они очень сильно высвечивают текстуру кожи – можно угадать прыщи молодости.

Дэйрдрины выходили из тумана чинно, ступали легко, едва касаясь дороги. За стариками шли двое худощавых парней с неким подобием арф, сделанных, кажется, из хребтовых костей каких-то животных, а может, и людей. Анемичные пальцы терзали струны, невидимые в полумраке. К жуткой, потусторонней, гипнотизирующей мелодии прибавлялся рефрен, который тихо и глухо скандировала вся колонна:

– Язва – голод, язва – голод, язва – голод!

Сердце сжалось, пропустило удар, затем снова застучало ритмично и быстро, разгоняя по телу густой адреналин в крови.

– Язва – голод, язва – голод, язва – голод!

Гнусная мелодия и рефрен словно бы подхватили меня в горячую ладонь, закрутили, понесли… Голова пошла кругом.

Это было что-то вроде одуряющей сознание мантры, исполненной мрачного содержания. Язвой в древние времена называли любую болезнь, ведущую к смерти.

– Язва – голод, яз…

Амара жарко задышала мне в ухо, затем без затей прикусила мочку уцелевшими клыками.

Я вздрогнул от резкой боли, наваждение спало.

– Тшшш, милый господин, не дрыгайся, они сейчас уйдут, и мы продолжим… путь.

Замыкал шествие плечистый увалень, опоясанный мечом. Он начал отставать от колонны, затем остановился на противоположной от нас стороне дороги и задрал балахон. Раздалось журчание. Колонна к этому времени почти растаяла в тумане.

Одна из монастырских лошадок все-таки не выдержала и всхрапнула. Увалень вздрогнул, однако довел мочеиспускание до конца, затем деловито опустил балахон и направился к кустам на склоне оврага метрах в двух сбоку от меня. Я не успел заметить, куда делась Амара. Она двигалась удивительно проворно.

Увалень сунулся меж кустов. Глаза на лице-черепе удивленно блеснули, когда заметил шарабан и лошадок. Рот приоткрылся. Затем он увидел меня, и его ладонь прыгнула к оружию.

Амара возникла сзади – как тень, умело и сильно черканула дэйрдрина по горлу мечом, перерезая трахею. Затем пихнула его вниз, и он покатился по склону, тихо и сдавленно хрипя, не способный крикнуть, и упал возле задка шарабана. Амара прыгнула следом. Меч взметнулся только один раз, упал с

хряском.

– Все. Скажи спасибо, что это не дети.

– Дети?

Она взглянула на меня с внезапной яростью:

– Да, дети! Там, откуда ты прибыл, верно, не слыхали про дэйрдринов… Они шли на ночное моление. Бывает, в колонне на ночное моление идут дети. У них чуткий слух, и… ребенка… нет, ребенка убить я бы не смогла.

Я покосился на темную груду, некогда бывшую человеком.

– Кто они, Амара? Ты права: в моем краю о них не знают.

– Дэйрдрины… – Моя проводница пнула труп без всякого почтения. – Они распространились по Санкструму за последние пять лет. Новая религия… Сначала их было немного, потом все больше. Откуда пошло учение – неизвестно. Их высшие… черт, иерархи – они распространяют учение, что-то делают с головой простого человека настолько ловко, что разум помрачается, человек становится как больной черным мором, и он несет этот мор другим…

Она вдруг опустилась на корточки, покачала головой.

– Ф-фух, погоди, передохну… Что-то сердце ходит… Пожалуйста, Торнхелл, выбери мне репьи из волос.

Я присел рядом с нею, запустил руки в густые волосы и осторожно, один за другим, начал выбирать репьи. Солнце к этому времени скрылось за тучами, вокруг разлилась темнота, особенно густая благодаря туману.

– А нашему императору Растару плевать на то, что страна сгнивает на корню… Дэйрдрины – это вера в смерть, отвергающая Ашара. Вера нищих. Дэйрдрины отдают все имущество иерархам и начинают готовиться к концу света, закаляя плоть и душу, упражняясь с боевым оружием, учатся воевать, убивать… Как у них там внутри, насчет постулатов и ритуалов, – я не знаю, но только дэйрдрины верят, что спасутся и обретут вечную жизнь, а прочие передóхнут… А к обычным людям они начинают относиться как к недочеловекам, грешникам, недостойным сочувствия… Возможно, это они сожгли Малые Родники. Сейчас под их властью Китрана, второй по величине город в Санкструме. А теперь поехали отсюда, эту падаль рано или поздно хватятся, да и дождь скоро будет.

Секта. В нормальных странах деструктивные секты вычисляют и фиксят, как баг программы, чтобы общество могло нормально функционировать, но если император – пьяная свинья, которой все равно… Такую страну можно брать голыми руками. И – нет, Амара, дэйрдрины не простые психи. Они – законсервированная армия. Кто-то подготовил армию

зомбированных, тупых и безжалостных фанатиков, Амара, целую армию внутри страны. И она лишь ждет сигнала… И я не знаю, успею ли я даже взять власть в свои руки, прежде чем неизвестный манипулятор отдаст дэйрдринам приказ прирезать Растара, а потом, возможно, и меня…

Я утер пот, внезапно выступивший на лбу. Мне только армии сумасшедших фанатиков не хватало до кучи. Наверху любых сообществ фанатиков всегда стоят умные и безнравственные манипуляторы… Да вот можно взять из земной истории примеры – скажем, Поля Барраса, одного из лидеров первой французской революции. Паренек пробился в начальники, яро гильотинировал аристократов во славу народа, параллельно набивая себе карманы богатствами этих самых аристократов, а потом совершил переворот, прихлопнул фанатичных революционеров, лично пленив Робеспьера, и начал проживать огромные богатства, ради которых, собственно, и полез в революцию. И таких примеров – масса. Но смогу ли я вообще узнать, кто стоит за дэйрдринами? Ну, прежде чем меня убьют?

А вообще, у меня возникла одна мыслишка, и звучала она так:

«Да полноте, господа хорошие, есть ли в этом мире вообще чудовища… кроме людей?»

Глава 18

Тучи закрыли три четверти горизонта, надвигаясь клубящейся приливной волной с карминовыми прожилками молний. Скоро грянет обильный ливень. Завтра дороги – за исключением мощеных, а тут из таковых, видимо, только Серый тракт – превратятся в месиво. Две недели до Норатора, Ашар его сожри. Успею ли? Теперь уже не уверен. Когда я ухарски думал, что тьфу, плюну и разотру, но успею в срок, я мыслил категориями человека двадцать первого века, привыкшего пусть к разбитым, но все-таки асфальтированным дорогам. Ну а здесь… Добро пожаловать в реальность дорог, мощенных непролазной грязью, чужак. Остудись. Обломай крылышки.

Скудное сияние луны было поглощено тучами, и мы ехали в туманных и душных сумерках медленным шагом, чтобы лошади, чего доброго, не угодили копытами в рытвины и не переломали ноги. Смутно белеющая лента дороги была ориентиром. Наконец Амара, глухо выругавшись, спрыгнула на землю и повела лошадей в поводу.

Я думал о дэйрдринах и Санкструме. Правящая династия в стране, несомненно, выродилась, но попытка заменить монархию другим строем не прокатит – у людей Средневековья весьма… своеобразная психология. Если выйти на площадь и крикнуть, аки Степан Разин: «Я пришел дать вам волю», – они ведь не поймут, взбунтуются, вздернут на вилы. Но как иначе повернуть страну, если монархия состоит из выродков? Задачка еще та, и мне предстоит ее решить в кратчайшие сроки.

Я вдруг почувствовал себя доном Руматой, которому развязали руки. Сначала, конечно, отобрали все гаджеты, включая полевой синтезатор «Мидас», клепавший золото из опилок. И умение фехтовать тоже отобрали. Ну ничего, зато умище остался. Займусь прогрессорством в промышленных масштабах. Согласно Стругацким, любое прогрессорство – зло, но позволю с ними не согласиться категорически. Умеренное прогрессорство пойдет на пользу средневековому обществу. Попробуем лавировать, направлять, договариваться, действовать под ковром, как те бульдоги. И только в исключительных случаях – как вот с «чудом» или дэйрдринами – резать.

Ломать хребет через колено? Рубить человеческий лес и кричать о том, что летят щепки? Ищите костоломов и дровосеков в другом месте. Я хмурая сволочь с плохим чувством юмора, но я не исповедую принцип малого зла ради большого добра.

Чумные, подкрашенные кармином сумерки огласились вдруг

басовитым ритмичным мычанием. Но это не корова мычала, слишком… гулкий, нутряной, потусторонний, совершенно инфернальный звук издавала чья-то пасть.

Я привстал на облучке, слепо нашарил эфес. Почему-то снова вспомнился «Ведьмак», пройденный вдоль и поперек, и весь его бестиарий, тварей в котором так реалистично изобразили художники. Что это – гарпия, сирена, эриния или кикимора?

Звуки гулко пульсировали, поднимая в моей душе первобытный ужас.

– Амара? Ты слышишь?

Женская тень меж остроухих лошадиных голов качнулась, мелькнул огонек трубки.

– Что, Торнхелл?

– Ты слышишь этот вой? Что это за тварь?

Рябая проводница сердито цокнула языком.

– Это водяной бык. Выпь. Птица размером с уточку. Рядом озера. Самец воет, призывая самку. У него ночь любви, а у нас – ночь под дождем. Торнхелл – ты р-ребенок!

Прядка лежала на холмах, возвышалась над туманом как великанский многомачтовый корабль. Вокруг города спешно ладили кирпичную стену. Сооружали ее сразу со всех сторон, поэтому пока что она была кривая, косая, похожая на произведение ребенка, впервые пробующего «Майнкрафт», сходство было поразительное. Хотя перед ливнем все работы прекратили, и с лесов ушли рабочие, было ясно, что работали и ночью – факелы и лампы на щербатых стенах все еще горели. Когда проезжали мимо, я увидел, что каменщики укрывают дерюгами подводы с плохо обожженным, растрескавшимся кирпичом.

Тучи уже нависли над городом, молнии бросали кровавые отсветы. Гром бабахал, как канонада.

Я спрыгнул и пошел рядом с Амарой. Она повела шарабан к воротной башне – ее соорудили одной из первых и даже успели побелить.

Амара взглянула на меня:

– Прядка, последний город в этом краю на пути к землям Ренквиста. Еще недавно стены не было. Горожане боятся дэйрдринов, очевидно… Или самого Ренквиста. Или Сандера, который скоро придет.

– Кто это – Сандер? Я уже, кажется, слышал это имя.

– Степь, Торнхелл. Сандер – это Алая Степь. Степь всегда приходит, когда наступает время перемен. Знаешь, почему ее называют Алой? Потому что там, где проходят пришельцы из

Степи, начинают течь кровавые реки.

Образно. И зловеще. И емко поясняет, почему Степи нужно вовремя платить дань. Кто из местных психологов придумал добавить к названию – «Алая»? Я буду долго смеяться, если узнаю, что это провернули сами степняки. Деморализовать врага таким вот названием – уже половина победы. Хитрецы. А чтобы убрать эту зловещую коннотацию в сознании жителей Санкструма, потребуется не один десяток лет. Или пара громких побед над Степью. Хотя какие могут быть победы, если страна на ладан дышит и даже сбор и выплата дани под вопросом?

– Прядка принадлежит Санкструму?

– Пока да.

Пока – хо! Вот это самое «пока» – суть теперешней Империи. Пока держится. Пока стоит. Пока не падает. Но скоро рухнет. Если я не успею подставить плечо.

Ворота были распахнуты. В портальной арке пахло плесенью, свежей побелкой и чадом от горящих масляных ламп. Привратник оказался ушастым мужчиком лет пятидесяти, в тканевом плаще с облезлым меховым воротником; он сидел за маленьким столиком, а рядом топтались двое простецкого вида парней, вооруженных чем-то вроде алебард. Дружинники, очевидно, городская милиция.

– Здравы будьте и стойте! А вы идите! – буркнул мужичок, кивнул проходящим в город каменщиками. – Вижу, что не дэйрдрины вы, путники. Товары везете? У нас все забито, плюнуть негде… – Он сунулся в шарабан, разочарованно хмыкнул, вынырнул и, не глядя, открыл амбарную книгу, прикованную к столику ржавой цепью, наклонил голову с плешью, прикрытой начесом сальных волос.

– Значит, двое пришлых да две лошадки монастырские… Да шарабан еще…

Я не поверил ушам – привратник был вторым, кто по осмотру определил, что лошади принадлежат монастырю Ашара. Может, он еще и запах «чуда» унюхал?

– Эй, Барагилло!

Амара не слишком любезно хлопнула мужичка по плеши.

Он вскинулся, оскорбленный, сощурился близоруко, открыв рот, чтобы накричать или скомандовать нас задержать. Однако узнал Амару и… сник, опустился на скрипучий табурет.

– Барагилло, – звонко сказала моя проводница, – а я твоей жене кое-что сегодня расскажу!

Не знаю, что она собиралась рассказать, но привратник вскочил и замахал на нас руками, распространяя острый запах чеснока:

– Ой, да проваливайте вы уже без денег! Я добрый сегодня. Вот это можешь ей рассказать.

Мы миновали портальную арку, не заплатив за проезд в город ни кроны.

– Кто это? – спросил я.

Амара насмешливо пожала плечами:

– Это? Знакомец из прошлой жизни. Обыкновенный му… му… В общем, нет у него морального стержня.

К нам бросился рябой пацаненок, кутающийся в дерюгу:

– Слышали последние новости? Расскажу за грошик! За грошик!

– Дай ему грошик, Торнхелл.

Я вздохнул – никогда не думал, что буду так тяжело расставаться с деньгами.

– Наш бургомистр, пусть Ашар пошлет ему здоровья, снова радостный. Пятый день поросятый ходит! А Маленья, жена Римпа, спит с соседом Тарторо! Пиво в «Гусе» не берите, в нем трактирщик ноги моет – озверел! А южная стена снова обвалилась, говорят, кирпичи сырые, так подрядчики сбежали! А еще у нас по лесам дэйрдрины ходят и скоро всех прирежут! Всем смерть настанет! Ха-ха-ха! – Парнишка заржал совершенно безумно и стремглав помчался по скудно освещенной улице.

Безумец.

– К чему давать ему деньги?

– Он несчастный сирота, сошедший с ума после смерти родителей. Он собирает новости и городские сплетни и с этого живет уж несколько лет.

Бургомистр ушел в запой: это, конечно, очень интересно. Ну и про адюльтер, собственно. Добрая ты, Амара, и внутри намного мягче меня.

– Опасные новости… для пацаненка. Странно, что он еще жив.

– Грех блаженного трогать.

Ну да, все время забываю – юродивых опасались трогать во все времена, однако могли и прирезать кого, если начинал особенно сильно доставать.

– Только в «Гуся» меня не веди.

Она покачала головой:

– Я иду в другой трактир.

Отлично! Впрочем, я подозреваю, что вкус любого пива в этом мире таков, словно в нем свинью купали.

Несмотря на достаточно скромные размеры, Прядка могла обеспечить уличной грязью Нью-Йорк, Мадрид и Токио. Центральная улица, конечно, была мощеной, однако количество

мусора, коровьего и лошадиного дерьма превышало все разумные пределы.

Амара привела меня к трехэтажному кирпичному дому, сияющему огнями, как новогодняя елка. Он был обнесен частоколом, широкий двор уставлен подводами и фургонами.

– Черт, город пригласил каменщиков со всей округи. Комнат, наверное, нет. И в баню очередь… Однако я твердо решила сегодня помыться! Торнхелл, нам, видимо, придется ночевать в повозке.

Мы оставили шарабан и лошадей на попечение служки и поднялись по трем стертым деревянным ступеням.

Я увидел зал с низким потолком, низкими же столами и скамьями, с полом, щедро посыпанным соломой, чтобы впитывала разнообразную грязь, в том числе и кровь, – кому-то недавно разбили нос или голову, и этот кто-то подранком промчался по всему залу, оставив кровавую дорожку. Деревянные колонны украшены низками чеснока и сушеного красного перца.

Зал был полон дыма и растленных душ. Множество неопрятных типов вкушали пиво и ели что-то из глиняных мисок, постукивая деревянными ложками. Пахло тушеной капустой, жареным несвежим мясом и чесноком. Слышался гогот, наплывал аромат эльфийского листа. Атмосфера… специфическая. Я все еще не мог привыкнуть к ней, к этому миру, хотя и принял его, не мог смотреть равнодушно на грязь, чавканье, немытые рожи. Дитя чистого, умытого, белозубого века!

Служка, зыркая на мою шпагу и меч Амары, повел нас к свободному столу. Тени светильников колыхались в чаду.

– Эй, милашка!

Подвыпивший мужчина облапил выдающиеся бедра Амары. Я решил – сейчас начнется смертоубийство. Но Амара молча оглянулась и подарила охальнику улыбку – такую… обворожительную, с обещанием ночи безумной любви. Руки приставалы сами собой убрались с бедер проводницы. Та мазнула по мне взглядом – горьким, как полынь.

Из затянутого паром кухонного проема то и дело появлялись девицы с деревянными подносами, уставленными снедью, бутылками, глиняными кружками и кувшинами. Их явление приветствовали криками, уханьем, гуканьем и свистом.

За нашим столом храпел плечистый коротышка, уснувший в буквальном смысле мордой в глиняной миске. Оттопыренное ухо было огромным и красным, и в нем виднелась маленькая крупинка золотой серьги. Голову покрывали черные кудри с невычесанными соломинками. Рядом с парнем лежала потертая лютня, возвышались три бутылки темного стекла – очевидно,

пустые, в луже валялись обломки глиняной кружки. Спал он в миске с мочеными яблоками, от которых шел аромат уксуса. В миске же прохлаждался сдохший таракан размером с тыквенное семечко.

Приятного, как говорится, аппетита.

Лютня заинтересовала меня, я потянулся взять ее в руки, но тут коротышка, не раскрывая глаз, совершенно внятно сказал:

– Тронешь – убью! – и снова захрапел.

Красноватая кожа и рост ясно давали понять – это не человек. Он напоминал уменьшенную модель того хогга, которого я встретил на улице Выселок. Намного моложе, и худее примерно в десять раз, ну и, по-моему, если делать выводы по той части лица, что виднеется из тарелки, – совсем не уродливый.

В мутные оконца с частыми свинцовыми переплетами сыпанул дождь.

Сразу же принесли пиво в высоких глиняных кружках с обгрызенными кромками и отбитыми ручками. Я попробовал: ну да, пиво тут все одного сорта – «Дерьмовое особое», густое, как если бы в нем хлебный мякиш размешали, но в нем есть спирт, а значит – нет дизентерии и прочих болячек.

Соседний столик, где сидел обидчик Амары, занимали приезжие купцы с охраной, это я понял по разговорам. Они общались меж собой на повышенных тонах, но прочие посетители трактира шумели еще громче.

Кто-то прокричал на весь зал:

– Я рыгал вчера семь раз!

Его поддержали одобрительным смехом.

– Много людей приезжает сюда напиваться из земель Ренквиста, – сказала Амара, быстро прикончив свою кружку. – Он пока еще смотрит на это сквозь пальцы… Ждет, когда настанет время взять Прядку под свое крыло.

– У него сухой закон?

– Что? – Она не поняла земного выражения.

– У Ренквиста запрещена выпивка?

– Да. Штрафы для тех, у кого найдут выпивку, огромны. Можно угодить и под топор палача. Поэтому люди приезжают сюда с торговыми делами и пьют страшно по несколько дней – пьют про запас.

Однако. Нет, брат Ренквист, это мы уже проходили. Никакие кары не спасут твой край от выпивки. Рано или поздно обитатели земель вокруг твоих владений начнут промышлять бутлегерством, то есть контрабандой спиртного. Лишать человека законного права выпить – это одно из серьезнейших преступлений против человечности. Другое дело, что

контролировать спиртное, чтобы люди не превращались в скотов, – это гораздо сложнее, чем издать закон о полном запрете.

Оконца задребезжали от грома, фитили светильников закачались, бросая на лица пляшущие тени.

Хогг пьяно приподнял голову и уставился на Амару. Явственно содрогнулся в ужасе, сказал: «О господи, привидится же…» – и снова плюхнулся физиономией в яблоки. Амара не подала виду: боль осознания собственного уродства ей приходилось переживать почти каждый день.

– Я пойду узнаю насчет бани. Мне это нужно. И тебе тоже, Торнхелл. И побриться тебе не мешает. Ты уже начал зарастать.

Женщины! Все бы им мыться по десять раз на дню. И заботиться о мужчине… ставя его в жесткие рамки. Не пей, не гуляй, брейся каждый день, надевай чистое, не ешь острое, на других женщин не глазей, тебе нельзя с твоим давлением… и так далее. Женщина, с которой живешь, опутывает тебя настолько крепкими, хотя и невидимыми путами ежедневной заботы, что и не вырвешься. Это хорошо, если у вас любовь, но когда о тебе заботится твоя телохранительница… Похоже – только похоже! – я ей здорово симпатичен, и это плохо. Потому что я не хочу причинять боль ее душе и превратиться в очередного мужчину, который укажет на ее… уродство.

Но, честно говоря, я и сам не отказался бы освежиться, да и щетина уже скрипела под пальцами, и волосы пропитались дорожной пылью. Надо будет найти брадобрея – думаю, при бане он есть, побриться и оболваниться максимально коротко, ибо длинные, по средневековой моде, волосы только мешают.

Подвыпившие купцы и их охрана шумно спорили, по какому пути лучше ехать в Норатор, спорили так яро, что опрокинули кувшин с пивом и две кружки. Им сноровисто заменили битую посуду, а купцы, не обращая внимания на суетящихся прислужников, продолжали дискуссию. Я навострил уши.

– К Ренквисту соваться – себе дороже. Оберет, убьет, как узнает, что едем в Норатор и Растару служим.

– А вокруг ехать – еще хуже… Дэйрдрины объявились, большая банда.

– С ними можно сладить… откупиться. Поедем быстро, понадеемся на Свет Ашара и государя нашего Растара!

– Поедем через бароновы земли, врут, поди, что Ренквист так лютует.

– Сандер в Степи подчиняет племена одно за другим! Какой смысл торопиться в Норатор? Скоро хлынут, скоро! Как бы не случилось так, что Норатор будет под Степью, когда мы туда приедем. Крепости-то, говорят, на границе со Степью уже пустые,

солдатики разбежались кто куда… Лимес пуст!

Сандер. Интуиция подсказывала – с ним придется столкнуться, и раньше, чем я предполагаю. Кто он, интересно, этот неведомый вождь, что подчинил все степные племена, аки Чингиз? Лимес – это, если я не ошибаюсь, укрепленный фронтир, так его называли в Древнем Риме… За лимесом начинались враждебные земли. На самом деле на местном языке это прозвучало как «огроман», но мой разум проанализировал местное слово и сразу же подобрал ему земной аналог.

Я сидел и чувствовал, как потеют мои ладони. У меня очень мало времени повернуть страну к свету. Времени просто нет. Если солдаты начали разбегаться из лимеса, это значит, что счет жизни Империи идет на месяцы. И это в лучшем случае.

Хогг в тарелке завозился, чмокнул губами моченое яблоко и сказал сладко и певуче:

– Ох, моя маленькая Люсибенда, сосцы твои как вишни спелы, ланиты как заря горят… Как дальше-то? Как дальше, твою мать, она же сбежит?.. – И снова захрапел.

С грохотом распахнулась входная дверь, в проеме возник здоровенный растрепанный мужчина лет шестидесяти, в серой блузе. Намокшие волосы седыми космами опускались на плечи. Под мышкой у него был немалый бочонок с просмоленными боками.

– Кардал, трактирщик подлый, владелец сей вонючей берлоги, что называется – тьфу! – трактир «Счастье». Выходи, негодяй! – Мужчина гневно потряс бочонком. – Выходи!

Из кухонного проема выскочил владелец «Счастья» – маленький и юркий толстяк, по лицу которого легко было определить, что счастье у него одно – деньги.

– Чего тебе надо, Арат?

Арат притопнул:

– Кардал, это ты заплатил Юргену-безумцу! Ты дал ему денег, чтобы он говорил всем приезжим, что я мою в пиве свои ноги! Отвадил всех от моего трактира, сам вздул цены и наживаешься!

– Ерунда! Все знают, что устами Юргена вещает сам Ашар!

– Ой ли! Это не Ашар разводил блудни! Это твои грязные деньги отверзли уста Юргену! Будь проклята твоя жадность! Ведь в городе сейчас людей хватает для всех трактиров!

– Только для чистых трактиров, Арат, – парировал Кардал.

– Тьфу! Мой трактир – чище твоего! – С этим словами Арат схватился за деревянный чипок – затычку для бочки – и с силой ее выдернул. Брызнула пенная струя. – Вот, пробуйте все! Пробуйте! Сегодня день чистого пива!

Кардал избоченился и выпалил:

– Правильно, потому что в другие дни пиво в твоем «Гусе» – нечистое! Черное, чумазое, в дерьме моченное!

Однако к Арату уже тянулись с кружками за дармовым угощением.

Он щедро оросил кружки, поднесенные по нескольку раз, швырнул пустой бочонок на пол и взревел:

– Да чертовню ты наговариваешь! Все в мой трактир! Всем, кто придет со мной, – по три кружки бесплатно! Сидите хоть до утра, и можно рыгать на пол! Сам бургомистр ко мне ходит!

Тут Кардал понял, что проиграл раунд, и заорал благим матом:

– Пошел вон! И забери свою вонючую бочку! А всех, кто за ним уйдет, – я запомню! Ко мне больше не ходите! Слыхали? Зато у меня гаер поет! Сейчас споет! Прямо сейчас повеселит честной народ!

Однако маневр Арата удался: несмотря на проливной дождь, посетители – около трети – повалили за ним из «Счастья».

М-да, вот тебе и юродивый, устами которого… Какой интересный черный пиар в средневековом стиле. Запомню на будущее – может быть, пригодится.

Хогг содрогнулся всем телом, протяжно рыгнул и, посмотрев на меня, сообщил:

– Я – Шутейник! Гаер-глумотвор! А ты мне не нравишься. М-морда волчья! Набью теб-бя! Фанфурик пусть принесут с зеленым вином… – Икнул и упал в миску снова.

Кардал подбежал к нашему столу, поднял голову хогга за вихры и смазал по его лицу ладонью.

– Опять упился, зараза. Пой, вставай! Пой, я сказал. Смеши народ! Вот пьянючая морда!

Затем он дернул его за ворот потертой куртки малинового бархата так, что голова хогга мотнулась назад, и с силой всадил в рот гаера недоеденное яблоко.

– На, жри! Жри и пой!

Гаер… он же фигляр, по-нашему, по-новому – клоун. Старая, очень серьезная, но не менее страшная своей опасностью профессия. Плюньте тому в глаза, кто говорит, что клоун – это низкое ремесло. Средневековый клоун выступал гласом народа, гласом рассудка, за что клоуну частенько доставалось. Шутов и актеров хоронили за оградой кладбища не потому, что они играли бога или занимались глупостями, недостойными солидного человека, а потому, что они зачастую говорили людям правду о любой власти, чего не могла стерпеть никакая власть, никакая церковь, и потому профессию клоуна необходимо было всячески опускать, порочить. И до сих пор тянется этот шлейф,

разум наш слишком подвержен стереотипам; если сотни лет нам твердила власть – как духовная, так и светская, что клоун – это низко, мы продолжаем следовать стереотипу, а встать, выпрямиться, поднять голову, подумать самому – сложно.

Гаер пьяно икнул, дожевал яблоко. В его желтоватых глазах – слишком крупных для человека – появилось осмысленное выражение. Он сграбастал лютню и встал, отстранив Кардала царским жестом. Был он ростом невеличка, но в плечах – весьма широк, голова крупная, а шея выглядела жилистой и мускулистой, как у быка. Хогг вышел в проход меж столов, загребая солому красными сапожками с подкрученными носами, и ударил по струнам. Плохо настроенная лютня задребезжала.

Я пою о том, что вижу.
А кругом – навозная жижа.
А в ней царь-квакушка,
Навозная лягушка.

Господи, он средневековый рэп читает какой-то… И так же, как рэп, его стихи звучат дерьмово.

Громовержец на троне,
Как шут в короне,
Вина в утробу влил –
Ветры с громом пустил!

Заржали все посетители трактира кроме тех, кто сидел за столом неподалеку от меня. Купцы, видимо, не слишком разделяли критику действующей власти. Если судить по упоминанию Растара, они были идейные монархисты. Обожаю идейных монархистов: после них по интеллекту – только дубовые табуретки.

Император красное дудлит,
От чего его страшно пудлит.
Сменял страну на бутылку,
Вырыл Санкструму могилку!

Из-за купеческого стола поднялся дюжий молодец в красной рубахе:

– Эй, хогг! Требуем уважения к нашему монарху Растару! От имени товарищей по партии Умеренных говорю – или закупоришь

ты свой гнилой рот, или мы сами тебе его заткнем чипком от бочки. А второй вобъем тебе в задницу, чтоб ни охнуть ни вздохнуть не мог до скончания века!

Тонкие натуры, высокие нравы.

Трактир неодобрительно загудел, но купцы, уверенные в силе своей охраны, не испугались.

Партия Умеренных, что «выбрала Торнхелла подло». Хм. Не нравитесь вы мне, ребята. Вот нисколечко.

Интересно, а хогг – кто? Коньюнктурщик, подстраивающийся под политический момент, или же действительно поет то, о чем душа болит? Стишата, конечно, крайне хреновые, даже я могу лучше. С другой стороны, тут ценны не сами стихи, а посыл. То, что Растар – вонючий деградировавший алкаш, знают все, но нелишне об этом напомнить. Критика правительства, так сказать, снизу.

Вся страна пошла под нож
Где чей труп – не разберешь!
Йохо-хо да ах-ха-ха!
Больше нету Санкструм-м-ма!

– Заткнись, короткий!

Не указать ли Ренквисту дорожку –
Прямо в задницу ведет.
Пусть бредет впотьмах, несчастный,
Дни и ночи напролет.

Прямо в голову гаера от купеческого стола прилетела глиняная кружка, с грохотом лопнула, осколки рассекли певцу правое надбровье.

Я невольно оглянулся в поисках Амары, чувствуя, что сейчас будет.

Стряхнув кровь с лица, хогг стал в горделивую позу и шаркнул ножкой. Несмотря на глухое опьянение и удар, гаер был удивительно ловок в движениях. Он взметнул лютню над головой, опустил ее и ударил по струнам, декламируя и глядя в упор на обидчика:

Я короткий, да умен,
А ты – длинный чудозвон!
Поищи у себя в штанах,
У тебя там маленький ах!

Не знаю, почему намек на короткий член так бесит большинство мужчин. Видимо, потому, что намек зачастую попадает в цель, а длина детородного органа – это куда более важная величина, нежели достоинство монарха, которому служишь.

На поэта ринулись от стола сразу трое, повалили с ног и начали охаживать, пыхтя и отдуваясь; он свернулся калачиком, уберегая лютню от ударов.

Трактир заволновался, маленького хогга тут явно знали и ценили.

К гаеру кинулся еще один купец, вооруженный табуреткой.

– Разобью ему башку! Пусть мозг вытечет, чтобы не смел сочинять дрянные стишата!

А ведь разобьет. Я уже понимал, что слова в этом мире не расходятся с делом. То есть хоггу реально проломят голову, размозжат череп – убьют, другими словами.

Я сдвинулся на край лавки и выставил ногу. Тип упал, зарывшись носом в солому. Тут же подхватился с ревом, размазывая по харе кровяную похлебку. Болевой порог у него, видимо, отсутствовал.

Я вскочил и нашарил кастет баклера дрожащей рукой. Ну, цыганский барон был прав – его дар мне понадобился, и очень скоро.

Тип надвинулся, и я с ходу выписал ему кастетом в зубы, а сволочной мозг в это время подсчитывал количество купцов и охраны. Выходило – около двенадцати человек. Многовато, если все кинутся на меня.

– Наших бьют! – заорал я изо всех сил.

– Отбивайте Шутейника, – визгливо крикнул хозяин «Счастья», – он мне денег должен!

А как же я?

Шум в зале нарастал. Я различил сочувственные крики. Кто-то прыгнул мне на спину, повалил на пол. Я вдохнул обрезки соломы и закашлялся. Не успел опомниться, как меня начали потчевать сапогами по ребрам. Я слепо потянулся, ухватил за чье-то голенище, дернул на себя. Раздался грохот падающего тела.

Кто-то гаркнул:

– И этого убить во славу Растара!

Я ухитрился вскочить и увидел, что гаер стоит рядом со мной, в руке на струнах висят осколки лютни. Какое-то время мы держали круговую оборону, затем нам пособили посетители трактира. Драка стала всеобщей. После – не знаю, сколько

прошло времени: десять секунд, минута или целая вечность – я пропустил удар в голову, меня на кулаках донесли до ближайшей стены, уперли в нее и начали бить чем-то грубым.

– Без ножей! Без ножей! – истошно вопил Кардал.

Мелькнуло рябое и озлобленное лицо Амары. В руках ее был то ли черенок, то ли скалка. Она пыталась пробиться ко мне.

Тут в ушах моих раздался хрустальный звон, на лицо хлынул винный дождь.

Сознание померкло.

Глава 19

К счастью, местное бутылочное стекло достаточно хрупкое, иначе не отделаться мне легким сотрясением мозга. Очнулся я быстро, хотя находился в сумеречном состоянии. Смутно помню, как купцов и их шнырей выбрасывали из «Счастья» – выносили, взяв за руки, как поднимался в освободившуюся от неугодных постояльцев комнату, волоча ненужную и такую громоздкую шпагу, и злая как фурия Амара держала меня под руку, а с другой стороны под руку держал меня давешний хогг, бормотавший:

– Слабаки пошли дворяне, голова хрустальная… ик!.. Ик!.. По башке – и сразу отбрыкнулся. Меня камнями били, череп свернули, дырка была такая, что носом дохну – из башки пар валит по зимнему времени, и ничего, существовал как-то…

С этими живыми костылями я кое-как добрался до кровати, и уже там усталость, пиво и последствия побоев взяли меня в оборот до утра.

Разбудили меня стихи, декламируемые хриплым похмельным голосом. Я перевел взгляд с черных просевших досок потолка на источник звука. Давешний хогг устроился на другой кровати, поджав ноги по-турецки, и аккомпанировал себе, похлопывая по донцу пустого медного кувшина:

Я буду долго говорить тебе – прощай,
Пока не скажешь мне – постой, не уезжай.

На нем были простая рубаха и исподние штаны цвета бедра испуганной нимфы, все в каких-то бурых – несомненно винных – пятнах, откуда торчали не по росту огромные босые ноги с дивно волосатыми лодыжками.

Я пью не потому, что хочу пить,
Я пью, чтобы глаза твои забыть.

– Проснулись, мастер Волк. Любо.

Левое его надбровье на живую сметали грубой нитью, стянув рану частыми стежками. На вытянутом лице с красноватой кожей ни следа отеков, какие могли бы быть у человека от трех литровых бутылок вина; правда, видны небольшие синяки на скулах от побоев. Я решил, что метаболизм у хоггов все-таки получше человеческого, организм быстрее залечивает раны и

последствия попоек.

В приоткрытое оконце заглядывал любопытный солнечный луч и, честно скажу, лучше бы он этого не делал, поскольку высвечивал обилие пыли и мусора на полу.

В голове – в такт ударам сердца – гудели набатом колокола.

Вино или кровь – мне все равно:
Пью я то и другое давно.
Кружкой вино, а кровь – мечом,
Сегодня я буду твоим палачом.

Я вдруг понял, что он занимается импровизацией, оттачивая мастерство рифмованными строками. Нельзя сказать, что хогг декламировал шедевры, но это было гораздо лучше вчерашних политических стишат.

Я потянулся и сел на кровати. Спал я одетым. Ну и отлично. Хотя бы тут у Амары хватило соображалки не слишком со мною сюсюкаться. Правда, одежда постепенно пропитывается грязью. Ее надо выстирать, и самому не мешает помыться. Но на это нужно время. Похоже, в Норатор я заявлюсь еще той немытой вонючкой.

Я свесил ноги с кровати и тут же согнулся от навалившейся дурноты. Продышался, снова сел. Комната медленно вращалась перед глазами. Есть не хотелось, а вот пить – очень. На затылке всплыла знатная гуля. «Ловец снов» болтался на шее. Возможно, это благодаря ему я не видел сегодня кошмаров? А может, удар по голове содействовал? Не хотелось бы избавляться от кошмаров подобным образом каждый раз перед сном.

– Ты неплохой поэт, Шутейник. Но в зале вчера твои стихи были… полное дерьмо.

Гаер одобрительно усмехнулся.

– Отрадно встретить *человека*, – он сделал акцент именно на этом слове, – что знает толк в стихах от века. Простым людям, мастер Волк, простое. Простейшим – простейшее. Иначе они не понимают.

– Почему называешь меня Волком?

– Ты похож. Матерый. Но без стаи. Хотя стая у тебя будет. Не против быть Волком?

– Мне все равно.

Вспомнились драка, лютый пофигизм посетителей насчет оскорбления его величества Растара, и даже одобрение, и то, как купцы из Умеренных отчаянно цеплялись за отжившую, выродившуюся династию. Это, кстати, объяснялось просто – людям, что бредут через топкое болото жизни и подсознательно понимают, что вот-вот провалятся и привычный уклад скоро

рухнет, свойственно фанатично цепляться за любые авторитетные, пусть и безмерно пустые идеи. Вот и цепляются – кто за секту, кто за Ашара, кто за императора… за сомнительные ценности цепляются, забывая о человеке, и забывая в себе человека.

С визгом и скрипом распахнулась дверь, вошла Амара. На щеке – три параллельные царапины, следы вчерашней драки. Хлестнула по мне взглядом, такой же огненной плетью наградила и хогга. «Навязались на мою голову» – вот что говорили ее глаза.

– Баня готова. Кардал оставил за нами комнату до полудня, а уже одиннадцатый час. Оба – убирайтесь мыться. Я не хочу ехать с вонючками.

Я попытался вопросительно задрать брови, но скривился от набата, что настырно колотил в виски. Хогг, однако, понял, вскочил с кровати и снова – как вчера в трактире – сделал волосатой ножкой па.

– Я подладился ехать с вами до Норатора, мастер Волк, у меня там родичи вельми богатые. Все же по моей вине вы оказались в субстанции решительно скверной. Я повинюсь перед родичами… за свои проделки, и расплачусь с вами щедро. Вчера вы мне помогли, и это я запомнил навсегда. Мне могли выбить мозги, а без мозгов сочинять ну просто невозможно. Затменное время в стране… Весь Санкструм в дерьме… Но я считаю – мы успеем до того, как Сандер нагрянет.

Что-то в хогге было от большой умной совы. Лицо вроде бы человеческое, а вроде бы и нет: вытянутое, с огромными желтыми глазами. А вот Люсибенда, к которой гаер подбивал свои совиные крылья, скорее всего, была человеческой женщиной.

Амара взглянула на меня гневно:

– Я отдала все твои деньги, Торнхелл. Отдала Кардалу за вчерашний погром и за долги хогга, иначе он грозил упрятать нас в долговую тюрьму. Ты как ребенок без присмотра. Я оставила тебя на полчаса – и вот теперь мы вынуждены ехать в Норатор без гроша в кармане. Это – учти, милый господин, – обойдется тебе в Нораторе еще в лишние десять золотых!

– Я заплачу больше.

– Посмотрим. И хогг заплатит. Это из-за его трепа началась драка! Это ведь он все учинил.

– Я изрекал правду!

– Нишкни! Ты начал, я узнавала. Ты задирал сторонников Растара.

– Я говорил правду, миледи.

– И чего ты добился? Тебе расколотили лютню, и теперь ты не сможешь исполнять свои песни, а значит, лишен заработка. Тебе

хотели проломить череп. Если бы этот… – она мотнула на меня головой, пшеничные волосы красиво колыхнулись, – большой ребенок не спас тебя, остолопа!.. Цыть! Оба – мыться.

Хогг повозил ногой по полу.

– Я не люблю показывать публично то, за что меня любят женщины.

– Иди уже, там будете только вы вдвоем. Можете потереть друг другу спинку.

Я медленно выпрямился. Вздохнул. Головокружение по чуть-чуть проходило, а вот набат все еще шумел. На скуле, судя по прикосновениям, приличный синяк, и ребра болят, но просто болят, а не на вдохе: даже я, не медик, знаю: если болит на вдохе, значит, ребро сломано.

Купальня располагалась в отдельном срубе на задах трактира и была выложена старыми досками. Видимо, ее использовали без перерыва, круглосуточно – во всяком случае, пар в ней стоял стеной, а доски размокли. В одной бадье было полужидкое мыло серого цвета, которое пахло хуже, чем наше хозяйственное, во второй – ветошь. Это вместо мочалок. Банщик, брюхатый тип скверного вида, выдал мне бритву – полуметровую наваху, только что правленную им на кожаном ремне.

– Зеркало внутри, – буркнул. – Воду подношу. Спину тру за два гроша. Зад – за три.

К счастью, у меня не было денег.

Хогг оказался словоохотлив и волосат: то и другое – чрезмерно. Пока мы мылись, он почем зря трындел в своем углу, пересказывая драку и этапы своего большого пути от Норатора до Прядки. Хотел увидеть мир и показать миру себя, а еще – донести до мира правду, за что имел уже неприятности в Нораторе. Вот же… правдоискатель. Я тер побитое тело Торнхелла и мрачно молчал. Затем отыскал зеркало размером с ладонь, висящее на стене в круглой латунной раме, и начал бриться. Психоделические ощущения, должен сказать – бриться в чужом теле… Крайне… странные. Тебя как будто вынесло из собственного тела, ты смотришь в зеркало – и не узнаешь себя.

– Так вы в Норатор по делу? – снова отозвался Шутейник, превратив себя в белую мыльную груду.

– По делу.

– А…

– По серьезному делу.

– А! Мой дядя владеет печатней и газетой в Нораторе. Я займу у него денег и отплачу вам сполна, даю слово!

Я насторожился и едва не перечеркнул себе горло навахой. Газета? Это уже интересно.

– А что печатает газета твоего дяди?

Хогг фыркнул и опрокинул на голову бадью с горячей водой.

– Сплетни, новости, что придется… прочую чушь.

– А реклама? – Этого слова не было в местном словаре, и я автоматически проговорил его как «reklama», а увидев, как непонимающе раскрылись желтые совиные глаза, сказал: – Объявления от людей и хоггов, за деньги. Ну… «продам коня», «куплю жену», понимаешь?

Он снова не понял. Я подсек прядь своих волос, и перепиливая их бритвой, терпеливо пояснил:

– Скажем, аптекарь хочет продать свою удивительную настойку против лишая и геморроя, хочет продать как можно больше флаконов, и вот он платит твоему дяде, и дядя помещает объявление в своей газете рядом со сплетней: «Продается чудесная настойка «Лишай, прочь! Изыди, геморрой!», покупать у аптекаря с Северной улицы», – и набирает его очень крупным шрифтом, чтобы все, кто взял газету, увидели его в первую очередь.

– А, это бывает, но редко.

Так-так… рекламу, в отличие от древних римлян, у которых в ходу были почти все приемы современных маркетологов, вы еще пока не особенно освоили. Намотаем на ус.

Я безжалостно корнал свои патлы. Пусть будут по уши, не больше.

– А портреты… печатаете?

– Ага. У дядюшки есть гравер, он же и художник, мой дальний родственник… Я ему должен. Хм, я всем родственникам должен, но я перезайму и все вам отдам!

– А большой у газеты tiraj?

Снова непонимающий взгляд из-под новой мыльной шапки.

– Сколько штук газеты печатает твой дядя?

Гаер подумал.

– А… Дядюшка Бантруо Рейл обычно печатает около пятисот штук. Бывает, что и тысячу, если что-то стряслось, о чем гудит весь город. Если, скажем, убили знатного господина, или покалечили изрядно, или же дом богатый обнесли.

Ясно. Желтая пресса Средних веков: кто с кем спит, кто куда ездит и так далее. Интерес к подобным сплетням неистребим.

– Как часто выходит газета?

– Раз в два-три дня, как накопятся сплетни. Зачем благородный господин вроде вас, мастер Волк, интересуется такой ерундой?

– Я люблю читать.

– Ладушки-воробушки! Да я верю, верю!

Я его удивил.

Газета… мощнейшее информационное оружие. Пятьсот экземпляров – это очень много, если учитывать, что газету читают вслух в семейном кругу, в трактире, в общем, везде, грамотные читают безграмотным, а иногда и грамотные покупают вскладчину один экземпляр, ибо газета – дорогое удовольствие, но все же доступное, не то что средневековая книга. Газета – интереснейший актив, и мне придется наложить на него лапу. Это – важно. Это – нужно. Это – необходимо.

Мы выехали из Прядки к полудню и долго следовали по полям, вдоль раскисшего тракта. Гаер нянчил обломки лютни, будто их еще можно было склеить. Имущества у него было – кот наплакал: дорожная сума через плечо, лишняя пара сапог да железная кружка с затейливой монограммой. За короткими халявами сапог – тех, что Шутейник напялил на ноги – виднелись костяные рукояти ножей.

Я сидел в шарабане напротив хогга и чувствовал себя отвратительно. Отбитые места ныли и жаловались на жизнь, голова все еще кружилась, будто я всю ночь отплясывал латинские танцы. Супермен, блин. Две недели к Норатору – самостоятельно. Смешно, прошла всего пара суток – а я уже переоценил и свою личность, и окружающий мир, вкусив его прелестей по самые не балуйся. Теперь я понимаю: чтобы вжиться в этот мир относительно – хотя бы относительно безболезненно – мне придется учиться. Учиться всему – даже такой мелочи, как разложить костер и вскипятить на нем воду в кружке.

Амара ехала не быстро, старательно объезжая деревни и часто привставая, чтобы бросить взгляд за спину. Делала она это столь явно, что хогг наконец крякнул, посмотрел сперва на меня, затем на мою проводницу и сказал:

– Гонится за вами кто-то, что ли?

– Не твое дело, – отозвалась Амара. – А если даже так – бойся. Вон кусты – прыгай туда.

– Ну уж! Я не боюсь драки. Вы, наверное, денежек кому-то задолжали. Я вот тоже много кому должен…

Я подумал, что драки, скорее всего, не будет. Если нас нагонит десяток вооруженных дворян – никакое воинское умение Амары не спасет. Нас нашинкуют на тонкие ломтики ветчины, как бы мы ни сопротивлялись.

– Значит, вы едете к Ренквисту. Ну и правильно – через его земли если ехать, можно сократить путь в Норатор значительно… Давно я был в его краях. Странный он тип… Но не хуже других владетельных баранов… ох, что я говорю – баронов, конечно же

баронов! – Гаер покопался в суме и выудил две серебряные вилки красивой работы. – Тут, кстати, вот… Взял я у Кардала за неделю беспробудной… беспримерной работы. Хорошие! Для дорогих гостей держит в своем серванте… Расплатиться за обед в трактире хватит для всех троих, и еще останется. Запомнит Кардал, как кормил меня мочеными яблочками…

Когда хогг пьян, он, очевидно, соображает не хуже трезвого. И обиды запоминает. Отомстил за свое унижение.

Навстречу попадались крестьянские телеги, однажды мы простояли несколько минут, пока мимо чинно шествовало стадо пеструх – таких же неприкаянных, ободранных, усеянных слепнями, мычащих, со слезящимися грустными глазами, как и в моем далеком детстве, в далекой и невозвратной теперь земной деревне.

– Медленно как идут, – сказал хогг. – Спорим, я успею поднырнуть под одну и молока кружечку сдоить?

Через час одна из монастырских лошадок начала прихрамывать, и нам пришлось остановиться в перелеске на поляне, среди каких-то пахучих кустов.

– Подкова треснула, – сообщила Амара, осмотрев копыто лошади. – Черт. Держи копыто, Торнхелл. Да-да, вот так – зажми и держи. Я буду выдирать гвозди. – Она взяла меч и начала поддевать гвозди кромкой. – Скоро земли Ренквиста, там придется перековать лошадей, если мы хотим доехать на них до Норатора. Но у меня последние гроши… Их придется отдать за переправу… Да держи ты лучше! – прикрикнула она, ибо монастырская лошадка начала дергаться. Я зажал шершавую ногу лошади меж колен и молился про себя, чтобы она не откусила мне ухо. – Хогг, нам придется отдать кузнецу твои вилки, и то, боюсь, не хватит. Не знаю, на что мы купим поесть, разве что отдадимся к тебе в подмастерья – ты будешь петь, а мы – плясать, изображая шутов.

Гаер звонко рассмеялся. Его, по-моему, ничуть не заботила нищета.

– Я научу вас мне подпевать.

Затем мы перекусили всухомятку, после чего Амара, убрав волосы под цветную косынку, показала мне приемы обращения со шпагой. Почти час мы учились фехтовать под саркастичные восклицания Шутейника. Он сидел на задке шарабана, болтая ногами в красных сапожках, и подначивал Амару в этот солнечный день наколоть меня на вертел.

Заодно он безудержно болтал обо всем, сыпал новостями, рассказами, трындел почем зря, однако его речи и подначки не особенно напрягали, он обладал талантом рассказчика,

способного преподнести даже обыденную новость в интересном ключе.

– А еще… знаете, что говорят? – Он сделал такую значительную паузу, что я, оглянувшись, пропустил обидный шлепок мечом в плечо.

Амара опустила клинок, тяжело дыша. Румянец окрасил ее щеки – должен сказать, это выглядело симпатично. Не каждая женщина обладает талантом краснеть привлекательно, пусть даже эта женщина – обладатель самого уродливого лица, что я видел.

– Что еще, горевестник?

– Слышали, что происходит с Лесом Костей под Норатором? Нет, не слышали? А я – слышал!

Тут он снова подпустил театральную паузу, дождался, пока я не рыкнул: «Ну-у?!» – и затараторил без умолку:

– Он начал расползаться. Эльфийский лес начал расползаться. Помаленечку, полегонечку. Ну, не сам лес, нет, а… Лес Костей под Норатором по началу весны аккурат начал выпускать такие плети… что-то вроде побегов белых стелющихся, вроде корешков подземных, что вдруг выглянули наружу. Они ползут по землице, врастают, отпускают еще побеги боковые и как панцирем сковывают землю. И там, где они прижились, земля сереет, трава мертвеет, деревья усыхают, и более ничего там не родится. Плеши их называют, а еще – Эльфийская тоска. Ползет со всех сторон, расползается, но сильнее всего к Норатору ползет, как пиявка на кровь. – Хогг сделал большие глаза и пробарабанил по донцу кружки. – Не знаю, как там с другими Лесами, но смекаю, что и с ними вскоре будет похожее, если уже не началось… И таким образом Леса Костей, если с ними не справятся, сомкнут постепенно мертвящие объятия над всеми странами. И такова будет эльфийская месть за погубленное людьми племя… И это, господа, последние новости о пределах Норатора, что я слышал. Я не был там уже два года, но новости и сплетни искусно собираю… Мой народ любит собирать новости, мы почти как брай, только оседлые… Это лишь я отщепенец, скандалист и неприкаянный гений. – Он расхохотался, и, аккомпанируя костяшками пальцев о донце кружки, пропел:

На солнце
Пятна
Бывают,
И часто.
Но разве
От этого

Солнце
Не ясно?
Ясно, конечно,
И пятнышки эти
Не затмят его света,
Не остановят лета!
Лучики теплые
В глазах твоих пляшут…
Бабочки дивные в…

Он запнулся, ибо Амара невидимым кошачьим шагом сократила расстояние и нелюбезно шлепнула хогга по темным кудрям мечом – плашмя, разумеется, в противном случае развалила бы она его голову как арбуз.

– Еще раз споешь такое – я проломлю тебе голову. А если услышу про бабочек в животе вообще когда-нибудь – проколю тебе брюхо.

Она не дура. Поняла, о чем, а вернее – о ком поет Шутейник.

Амара развернулась ко мне:

– А ты… Торнхелл… как фехтовальщик ты безнадежен!

Признаться, и я это уже понял. Дав мне великолепное тело фехтовальщика, Белек не позаботился снабдить меня нужными талантами. Баклер недаром одарил меня кастетом – цыганский барон каким-то образом заглянул мне в душу и понял, какое оружие будет мне нужней.

С другой стороны, понадобится ли кастет архканцлеру, а?

И снова в путь. Все ближе и ближе к землям Ренквиста.

Амара торопилась, оглядывалась, вытягивая шею. Но лошади, одна из которых, лишившись подковы, прихрамывала, не могли идти быстро.

Вдруг Амара вытянулась в струнку, поднялась и испустила глухое восклицание:

– Черт! Гости…

Я соскочил с шарабана и уставился на холмистый горизонт. Воздух был свеж и прозрачен, но среди перелесков я не заметил точек, которые отмечали бы конников. Стадо коров – да, заметил. И, кажется, стадо овец.

И сам я… в этом мире – тот еще баран, не способный увидеть скрытое.

– Садись обратно, Торнхелл. Быстрее! И молись, чтобы паром оказался на нашей стороне!

Мы покатили. Шарабан подбрасывало на кочках. Я сунулся вперед, занял место рядом с Амарой. Тут же меж нами

вклинилась вихрастая голова Шутейника.

– Так за вами и правда погоня? Ла-а-апочки мои. Что ж вы такое натворили-то, а?

Амара локтем затолкала голову хогга в шарабан. Тот обиженно пискнул.

– Убирайся, прыгай, спасайся!

В шарабане настал миг тишины. Затем хогг совершенно серьезно сказал:

– Не люблю… прыгать… на ходу. Я лучше с вами.

Пологий склон холма вел в речную долину. Река была широкая, ярко блестела излучина. Квадратная громадина парома как раз подваливала к нашему берегу, подрагивал, рисуя на воде тени, натянутый меж берегами канат.

Мы обогнали две подводы, чей груз был заботливо укутан дерюгами, подъехали к приземистому строению из почерневших бревен. Фундамент его был стар и состоял из обомшелых глыб. Рядом виднелся дощатый навес, там сидел у простого стола немолодой лысый человек в сером мундире без украшений и всяческих излишеств. Он записывал что-то в огромную амбарную книгу, гоняя с плеши мух измочаленным гусиным пером. Неподалеку несли службу трое солдат – в серых же камзолах, с алебардами. Позади них на лавках расселась сменная команда паромщиков – босоногих и крепких мужчин средних лет. Подле них дымил большой закопченный казан, куда на моих глазах бросили нарезанные куски какой-то рыбы.

– Люди Ренквиста, – шепнула Амара, кивнув на навес. – Молчи, я сама все решу. Хогг, к тебе это тоже относится! Закрой клюв и не щебечи!

– Тиу! – тут же донеслось из повозки.

Мне пришла на ум мысль, от которой я похолодел.

– А если те, кто едут за нами, – тоже люди Ренквиста, Амара?

Уродливая проводница взглянула на меня серьезно. Крылья носа расширились.

– Ты скрывал от меня, что досадил Ренквисту? И потому тебя ищут?

– Нет. Я не имею касательства к Ренквисту. Просто предположил.

– Если это не его люди – они не поедут за нами. Ренквист не любит на своих землях вооруженных дворян. Очень не любит. А преследуют нас, милый господин, несомненно, дворяне, которым ты чем-то насолил.

Ага, еще и соусом табаско им задницы наперчил. Но я не хочу говорить тебе, Амара, про свое архканцлерство. Пока – не хочу.

Человек в сером мундире встретил нас любезно – поднялся и

осмотрел шарабан лично, едва в сумки не заглянул. Спросил, по какому делу направляемся в земли владетельного барона. Амара ответила – проездом, назвала выдуманные имена, сказала, что хотим заодно посмотреть, как цветет благословенный край под руководством великого человека. У меня уши чуть не завяли. Однако серый господин принял слова абсолютно серьезно, выписал пошлину на въезд и за переезд, и велел заводить лошадок и шарабан на паром.

Затем сверился с какими-то записями в амбарной книге, для чего долго ее листал, мельком глянул на нас, подозвал одного из солдат и что-то сказал. Солдат кивнул, уложил алебарду на плечо и перешел на паром.

Я был как на иголках, время от времени оглядывался, сдерживая силой воли нервную дрожь.

Однако человек в сером мундире терпеливо дождался, пока на паром не заедут две подводы, которые мы обогнали, и только затем дал приказ отправляться.

Паром со скрипом отвалил от дощатого причала. Мускулистые руки паромщиков тянули просмоленный канат.

На вершине холма начали появляться черные точки – одна, две, три… десять! Поедут вниз? Или…

Они не поехали.

Зато мы отправились прямиком в ад.

Глава 20

Знал бы, чем все обернется, – ни за что не сунулся бы к Ренквисту, о нет, предпочел бы остаться на том берегу и вступить в обреченную схватку с головорезами из дворянского сословия. Ну нет в этом мире чудовищ, кроме людей, – да только от этого не легче; вот право, какое дело человеку, кто спровадит его на тот свет: стозевное чудище или головорез благородных кровей? Конец-то один.

С самого начала я говорил Белеку, что не боюсь трудностей и заряжаюсь от них. Не врал. Однако я не боюсь тех трудностей, на которые могу повлиять, которые могу исправить. Попади я в кресло архканцлера и получи рычаги власти – чувствовал бы себя как рыба в воде. Но сейчас я был все же марионеткой, которую дергали за веревочки, да еще норовили пришпилить где-то в области сердца, а я… а что я? Я отдался на волю судьбы и никак – ну просто никак не мог повлиять на обстоятельства.

Над головой изломанными тенями проносились чайки. Давно я не слышал их клекота. Солнце парило, скатываясь к горизонту раскаленной монетой. Я прижал шпагу к боку и, облокотившись о перила, вдыхал речной воздух.

Амара взглянула на таможенную контору, подняла голову, оглядывая всхолмье. Точки уже исчезли.

– Они объедут земли Ренквиста и попытаются перехватить нас с другой стороны границы. Мы должны успеть раньше, мы успеем раньше – тут, – она показала рукой вперед, – владения Ренквиста простираются всего на двадцать миль, надеюсь, проедем их и чертову его столицу без приключений и значительно сократим путь до Норатора. Дерьмо собачье, Торнхелл, мне легче таскать каштаны из огня, чем вошкаться с тобою!

Однако я уже понял – она будет со мной до конца.

По многим причинам.

Паром тянули к деревянным пристаням. Там покачивались многочисленные лодчонки и несколько баркасов с мачтами, на которых серели скатанные паруса. Один баркас недавно прибыл – из него по мосткам сносили в плетеных корзинах рыбу, серебряно блестела чешуя. На покатом, укрепленном тесаным камнем берегу громоздились деревянные сараи с глухими окнами. Меж сараев дымили костры, сушились сети. Резко пахло рыбьими потрохами.

Мы вывели шарабан на хорошо мощенную, ровную, без бугров и ям дорогу, полого поднимавшуюся от берега. Парнишка

в салатовой робе, стоя окарачь, выпалывал железным штырем сорняки, росшие на обочине. Завидев нас, поднялся и отвесил поклон:

– Здравы будьте, милостивые государи!

Амара не ответила, Шутейник хмыкнул, а я промолчал, хотя и удивился. Мы поднялись на скат и увидели, что мощеная дорога продолжается – уводит вглубь владений Ренквиста, теряясь меж застроенных сельскими домами холмов. Выглядела она несколько у́же Серого тракта и, судя по камням, которые еще не стерты сапогами и башмаками, копытами и колесами, проложена была не слишком давно.

Не является ли Ренквист одним из Спасителей Санкструма, к сообществу коих относил себя Белек? Получился бы интересный сюрприз.

На речном берегу располагался небольшой рыбный промысел – дома-сараи, коптильни, разделочные цеха.

Хогг покрутил головой, потянул рыбный воздух носом-картошкой и сказал:

– Хочу сыра.

Амара сумрачно на него посмотрела:

– Могу предложить только тумаки. Дай, кстати, свои вилки. Пойду поищу кузнеца. Ждите здесь и ни с кем не говорите.

Она удалилась в сторону деревни. Я уставился на промысел: работники – все в салатовых робах – чистили, резали, потрошили рыбу, другие развешивали ее над кострами для копчения, третьи раскладывали на досках потроха для сушки, четвертые – бросали уже высушенные потроха и чешую в дымящиеся котлы – вероятно, варили клей. Насколько помню из истории, рыбий клей использовали во многих областях, включая… поклейку боевых луков. За работниками присматривали двое солдат в сером.

К нам подбежал пес – маленький рыжик с мордой кирпичом, похожий на терьера. В зубах он держал удавленную крысу. Он осторожно положил крысу на камни дороги и тявкнул, словно хвастаясь. Ошейник на нем был кожаный, с блестящими клепками.

Гаер прищурился:

– Спасибо, дорогой, но я хочу сыра.

По дороге проскакал давешний солдат. Он оставил где-то свою алебарду. Подковы поджарой лошади выбивали искры из камней.

Шутейник проводил его взглядом и чуть слышно хмыкнул.

Мимо прошли двое работников в салатовом. На ходу раскланялись со словами:

– Здравы будьте, господа проезжающие!

– Ну и вам – никакой дизентерии, – откликнулся я.

Вернулась Амара – злая донельзя.

– Кузнец уехал в столицу, сегодня там большой праздник Корчевания, а подмастерья не берутся за работу для проезжающих… боятся без начальника связываться с иностранцами. Чертово дерьмо собачьего дерьма! – Она бросила меч в шарабан. – Торнхелл, положи туда же свою ковырялку. Шутейник, не смей доставать свои ножи в пределах земель Ренквиста. Видели, таможенник отправил нарочного? По всему пути за нами будут следить.

Я отстегнул шпагу – и в самом деле ненужную для меня ковырялку, и уложил в шарабан.

– Ренквист что, параноик? Следит за каждым приезжим?

Амара пожала плечами:

– Это его земля, его правила. Здесь нельзя целоваться на улицах, пить вино, открыто произносить бранные слова… твою мать. Прелюбодеяние здесь карается смертью, впрочем, это к нам не относится. Хогг, выбрось обломки лютни. Музыку здесь могут исполнять только местные.

Совиные глаза Шутейника мигнули.

– Хотя я бывал тут давно, но все это мне известно, госпожа Тани. Да-да, на меня ты можешь положиться. Но свою разбитую девочку я оставлю – пусть поспит в шарабане.

Я бросил зло:

– Я могу помочиться у обочины?

Амара подумала и сказала серьезно:

– Тебе следует найти для этого кусты. – Оглядев рыжего пса, сидящего подле крысиного трупа, она рявкнула: – Пошел вон, я не голодна!

Проехав деревеньку, Амара направила нашу повозку по обочине, чтобы неподкованная лошадь не сбила копыто о камни. Я было попытался перехватить вожжи, но рябая проводница сказала, что через земли барона проведет нас сама, мол, ничего не трогай. Я отстал и сел на козлы рядом. Под глазами Амары залегли тени глубокой усталости, и мне это не нравилось.

По дороге шло оживленное движение в обе стороны – конники в серых мундирах, салатовых и фиолетовых робах, подводы, груженные разными товарами, шарабаны, фургоны. Видно было, что край Ренквиста живет активной жизнью, во всяком случае в том, что касается производства и перевозки товаров.

Солнце уже клонилось к закату. Мы миновали несколько деревень и повсюду видели занятых работой людей – взрослых и детей – в салатовых робах. Замечая нас, они останавливали свои

дела и рассыпались в поклонах. Кузнецов, однако, нигде не было – все более-менее значимые люди деревень уехали в город на празднество. Местность выглядела несомненно процветающей – тучные стада коров, овец и свиней, множество кур и гусей, великолепные ухоженные сады с яблонями, вишнями, сливами и густыми смородиновыми кустами. Отнюдь не похоже на картинки из «Страдающего Средневековья»: ярко, богато, но… из земель Ренквиста будто вытравили жизнь, веселье, радость. И все из-за этих чертовых людей в салатовых робах, которые без улыбок, с одинаково спокойным выражением лиц раскланивались с нами, как роботы, следующие одной программе.

И всюду, где мы проезжали, я чувствовал изучающие взгляды. За нами следили. Нас сопровождали, нас передавали от соглядатая к соглядатаю.

Везде в селах надзирали за крестьянами солдаты в сером. Я вспомнил слова о том, что Ренквист забирает куда-то больных и инвалидов, и начал приглядываться; разумеется, никаких кашлюнов или увечных на костылях не нашел. Интересно, а беззубых он тоже числит по разряду калек? Система у него, конечно… Он ввел цветовые коды одежды, прямо как в древнем Китае, и добавил от себя разнообразные новации, ни одна из которых мне не нравится.

У нас еще оставалась пища, свежей водой удалось наполнить фляги у общественного колодца в деревеньке, причем местный люд дал нам подъехать без очереди.

Хогг со своими большими глазами, странными, асимметричными чертами лица и непослушными вихрами походил на персонажа аниме. Он шел сбоку от нас, наблюдал за жизнью деревень, через которые мы проезжали, вертел головой, впитывал детали, чтобы сплавить все воедино, оценить и пропеть затем в своих куплетах.

– Чистенько, умильно, лучше, чем раньше. Ренквист здорово вышколил своих крестьян, – говорил он, но в тоне его слышалась лишь горькая насмешка.

– Он давно отбился от рук? – спросил я.

Брови Амары непонимающе изломились. Однако Шутейник первым понял, что я имею в виду.

– Где-то лет с десяток назад, когда Растар окончательно впал в маразм, и каждый из баронов начал выплясывать свой танец, Ренквист создал империю в империи. Нет, вся эта ерунда, – он повел рукой перед собой, – она не сразу началась, нет-нет, мастер Волк, все делалось постепенно. Но зато каков результат – красота, благость, богатый край цветущий, отнюдь не отстающий. Голода здесь нет – учтите! И даже среди ночи тут можно ходить в самых

глухих местах – и тебя не ограбят, и головушку камнем не проломят, и не изобьют до кровавой юшки. Армия сильная, край богатый, а радости тут больше, чем в штанах после молока с огурцами. Нет, что ни говори – порядок тут отменный. Помусорил на улице в первый раз – получишь штраф. Помусоришь вторично – ну там, скажем, в переулочке, коли невтерпеж, по большой нужде сходишь – в батоги. За третий раз – попадешь в черную робу на год. А дальше – как свезет… Тут, знаете, дышать трудненько все же: все друг на друга доносят… Но зато ве-се-ло-о!

– Заткнись, хогг, – устало сказала Амара, – столица близко.

– Лирна, – кивнул гаер. – Некогда столица баронства Лирна. Но фамилии Лирна уже не существует. Ренквист есть. Он сделал Лирну своей столицей еще пять лет назад. Мы никак не можем ее объехать?

Амара покачала головой.

– Мы честные путники. Если будем объезжать, это вызовет подозрения и дознание.

На дороге показалась застава – бревенчатый дом-караулка с дымящей трубой, коновязь с лошадьми, и солдаты в серых мундирах – было их куда больше десятка. К нам подбежал начальник – я уже научился их различать по белому шеврону на плече – чисто выбритый, моложавый, с огоньком в глазах.

– Нельзя ехать по обочине, госпожа приезжая!

– Но у нас лошадь не подкована.

– Надо перековать и не ехать по обочине! Нужно ехать по дороге! Эта прекрасная дорога построена по велению нашего господина специально для езды!

О господи, ну и логика…

– Но лошадь у нас не подкована, – терпеливо повторила Амара. – Мы подкуем лошадь в столице. Вы разрешаете нам так сделать?

Командир замешкался. Он отбежал в караулку и долго совещался с младшими по званию – видимо, не хотел брать на себя ответственность. Затем все же пропустил нас – после длительных колебаний. Однако отправил перед нами нарочного – еще одного, черт бы его подрал!

Мы проехали участок дороги, который мостила группа работников в угольно-черных робах. Каждый был снабжен стальным ошейником с приклепанным кольцом, подбородок и голова – начисто выбриты. Они тоже оставили свой труд и кланялись нам, а охрана в серых мундирах просто смотрела. Вскоре гужевого транспорта стало больше, мы ехали по обочине под недоуменными взглядами местных.

Однако не все взгляды были таковыми, нет. Были и изучающие.

За нами следили.

Местность менялась. Вокруг поднимались холмы с каменистыми верхушками. На горизонте показались башни города. Он был расположен на каменистом высоком плато, как и полагается укрепленной средневековой столице.

В сумерках мы въехали в предместья Лирны и двинулись вдоль работного квартала, поднимаясь все выше по дороге. По обе стороны я видел скопление добротных кирпичных фабрик с дымящими трубами. В воздухе витал запах краски, раскаленного железа, свежеструганого дерева. Блестели огни, сыпались искры. Слышался звон кузнечных молотов, и бряцанье железа, и обычный стук, и металлическое дребезжание. Скрипели огромные деревянные колеса, в которых мелко перебирали ногами каторжники в черных робах – даже я, дурак, знал, что так качают огромные кузнечные мехи или гонят воду для охлаждения литого металла. Крытые фургоны и подводы въезжали и выезжали в ворота фабрик. Дело у Ренквиста спорилось; похоже, местный люд работал в две смены.

Затем сбоку открылось что-то вроде стадиона – во всяком случае, деревянные многоярусные трибуны, охватывавшие мощенное камнем поле с одной стороны, делали это самое поле ужасно похожим на стадион. Однако использовали его нынче как плац. В свете фонарей по нему гоняли около сотни солдат: одни размахивали алебардами, другие учились стрелять из луков, третьи старательно рубили мечами деревянные манекены.

Откуда-то из глубины Лирны послышался колокольный звон.

Постепенно промышленно-военный район остался позади, я увидел высокие кирпичные дома с остроугольными черепичными крышами. Горожане носили фиолетовые робы и вели себя несколько свободнее – кланялись нам немногие. Все они торопились куда-то. Я вспомнил слова Амары о празднике.

Наступала ночь. На улицах зажигали масляные фонари на высоких кованых стойках. Где-то вдали – но все ближе – мрачно звенели колокола. Интересно, а есть ли тут где-то памятник Ренквисту – как водится, загаженный голубями? Или его баронская светлость избегает такого рода публичности?

Мы выехали на маленькую площадь, где находилась виселица. Большая качественная виселица с рычажным помостом, на десять висячих мест. Семь было занято – там болтались покойники в белых саванах. А сбоку находилась виселица совсем маленькая, простенькая, из двух шестов с поперечинкой. На поперечинке висели маленькие фигурки в таких же, как у

взрослых, белых одежках.

Дети.

Я охнул, ахнул, соскочил с шарабана, подбежал. Обмер.

Не дети это были – сумерки сослужили моим глазам дурную службу. Кто-то вздернул на маленькой виселице этой пяток кошек, словно для глума обрядив их в белые человеческие одежды. Лапки с выпущенными в агонии когтями и безжизненные глаза, в которых плещется свет фонарей…

– О боже…

Амара оказалась рядом, взяла меня за локоть сильными пальцами.

– Поехали, Торнхелл. Проедем Лирну, заночуем в поле. Завтра выберемся из земель Ренквиста. Терпи.

Я занял место рядом. Перед глазами стояли оскаленные морды кошек.

Я не мог предполагать даже, что повешенные кошки могут вызвать эмоций больше, чем казненные люди. Однако…

На главной площади, окруженной высокими каменными домами и мрачными громадами двух храмов Ашара, пылал огромный костер. Памятуя виселицы, я решил, что жгут человека – ведьмака, может быть, или еретика, и внутренне напрягся. Плотная толпа горожан в фиолетовых робах раздавалась перед нами, как море, мы ехали по живому коридору. Там и тут виднелись серые мундиры. Я привстал, посмотрел. Жеганы в черных робах подбрасывали в огонь скрученные в рулоны шитые золотом ткани, богатые одежды, золоченую обувь, картины и гобелены, и даже расписную красивую утварь. Все это добро было навалено на пяти подводах рядом с костром. Музыкальные инструменты… Лютни и еще что-то вроде волынок – все в костер! Игральные карты – да-да, несомненно, игральные карты – веером туда же. Бутылки с горячительным – выплескиваем: ф-фухшшш! – взметнулось пламя. Флаконы с какими-то жидкостями – может быть, притирки, духи, благовония – тоже выплескиваем в утробу костра. Толпа приветствовала действо криками одобрения, толпа заводилась от вида сжигаемого богатства.

Блестело серебро и золото. Надрывались колокола.

Костры тщеславия, где сжигают развратные и просто богатые вещи… Не думал, что придется увидеть такое в этом мире… В мире Земли кострами тщеславия баловался самозваный диктатор Флоренции Савонарола.

– Рен-квист, Рен-квист, Рен-квист! – вдруг яро начала скандировать толпа.

Колокола бушевали. Костер взметывал рыжие космы.

Я вдруг понял, осознал с необычайной ясностью, что под боком у Норатора имеется вполне себе сложившийся царек с маниакальными наклонностями, и мне – да-да, именно мне! – придется разобраться с ним в ближайшее время.

Амара привстала рядом со мной.

– Черт, Торнхелл…

К нам сквозь толпу направлялись всадники.

Я понял, что дело плохо, и ухватился за карман, где лежал подарок баклера.

– Только не сопротивляйся… – прошептала Амара.

Я уже и не думал сопротивляться. В кармане было пусто: я потерял свой кастет.

Глава 21

Нас сграбастали господа в малиновых камзолах – отлично вооруженные, молчаливые, с бесстрастными лицами. Все как на подбор молодые, высокие, стройные. Я сообразил, что это нечто вроде преторианской гвардии местного дядьки Черномора, непосредственно приближенные к сановной особе. Нас обыскали, отобрали сумки, кошельки, оружие, включая засапожные ножи Шутейника, правда, оставили ему обломки лютни, с мимолетной усмешкой – мол, ну, попробуй склей это недоразумение, мусор этот… помучайся. Даже рваные струны оставили – авось удастся хоггу сплести из них петельку в тюремной камере да удавиться во славу Ашара.

Толпа бесновалась и не смотрела на нас. Ярился костер, зловещие похороны пышности и богатства, надсадно долдонили колокола. Выкрики во славу Ренквиста ритмично неслись над площадью.

Всех троих затолкали в шарабан, на козлы взгромоздилась пара лиловых стражей. Мы тронулись в сопровождении конников с фонарями в руках и спереди, и сзади: торжественная молчаливая кавалькада, практически похоронная. Постепенно выкрики шальной толпы остались позади.

– Везут в замок… – промолвила Амара на ухо.

Она прижималась ко мне плотно, и я ощущал жар ее тела даже сквозь одежды. Ее волосы пахли вкусно. Она вымыла их у Кардала каким-то травяным, медвяным отваром, отнюдь не тем вонючим мылом, которым отдраивались мы с хоггом. И тело ее сейчас чистое, горячее, зовущее в нерастраченных любовных утехах… Чертовы мысли! Нам, возможно, угрожает гибель – а мысли мои путаются среди бездуховных плотских желаний… И почему-то возжаждал я женщину с самым уродливым лицом на свете.

– Либо в тюрьму, либо в резиденцию его светлости барона Ренквиста везут, – сказал хогг певуче; в полумраке его глаза, улавливая мятущийся свет фонарей, сверкали нечеловечески – как у хищника из семейства кошачьих. – Был сие фамильный замок барона Лирны когда-то. Но фамилии Лирны уже нет… Ренквист позаботился. Он о многих позаботился, шаромыга.

– Помолчи! – напряженно сказала Амара.

– Но я…

– Просто умолкни.

– Тиу!

Я тоже ничего не сказал. А логика нашептывала: если везут в

резиденцию, значит, состоится беседа. С Ренквистом, безусловно. Барон, видимо, прознал, кто я. Как бы сыграть Торнхелла половчее… Надеюсь, Ренквист не раскусит, что в теле будущего архканцлера – другая личность. А если барон – один из Спасителей Санкструма? Хотя с такими Спасителями никаких врагов не нужно. Белек, Белек… Знал ведь, что не успеешь мне много рассказать! Призывая меня, ты должен был прежде накатать два тома подробных инструкций и не ограничиваться ничтожными записульками и картой, в которую вроде бы уже кто-то сморкался!

Ехали около получаса. Я слышал дальний рокот: сначала принял его за прибой, потом все же понял – снова приближается гроза. Дождливая весна в этом году. Дороги раскиснут… те, что находятся за пределами владений барона. Удастся ли мне их повидать или мой путь закончится во владениях Ренквиста?

Плеснуло темнотой, мы въехали в какой-то туннель, звонко застучали подковы, затем шарабан качнуло, и мы остановились. Почти в тот же миг меня с изысканной любезностью, под руки, извлекли из повозки, и все так же любезно (под руки) повели по просторному замковому двору, воняющему лошадиной мочой. Конвоиры – те самые, что исполняли роли возниц – были выше меня, однако двигались степенно, приноравливаясь к моим более мелким шагам.

Я оглянулся, увидел, как смотрит мне вслед, высунувшись из повозки, Амара, как тревожно навис над ее плечом хогг. Высшие силы перебрасывались серебряными молниями в небесах, и они сверкали над зубчатыми высокими стенами, окружавшими замок Ренквиста.

Темная громада замка надвинулась. Островерхие башни казались вырезанными из плотного черного картона, в который вставили множество маленьких лампочек там, где полагается быть окнам. Замок пах сыростью, плесенью, застоявшейся водой и еще чем-то гадостным… мокрицами, копошащимися меж сырых камней?.. Хотя я не знаю, как пахнут мокрицы, но ассоциация возникла именно такая.

Меня втолкнули в неприметную дверцу, повели по едва освещенному каменному коридору. Я бы, наверное, мог вырваться, вломить по-уличному своим конвоирам, одному, скажем, врезать между ног, второму сделать «телефончик» – это когда со всей силы бьешь ладонями по ушам, чтобы перепонки лопнули. Но что потом? Освободить друзей из плена я не сумею. Скитаться по замку в стиле Джона Макклейна, выискивая крысиные дыры, пока не поймают? Чушь. Лучше проследую к Ренквисту и переговорю с ним. Если сразу не убили – значит, есть

возможности договориться. А договариваться – это то, что я умею лучше всего.

Запертые, обитые ржавыми полосами двери с зарешеченными окнами… А вот и ступеньки наверх – витая лестница вдоль осклизлой выпуклой стены. Узкие оконца-бойницы наружу, в которые видны частые искры молний, словно в небе кует железо великанский кузнец. Потом снова вниз, длинный, тускло освещенный зал с кирпичными стенами, обломками мебели, гроздьями паутины с облупленного потолка. Какие-то закоулки… Однако замок не спит – я слышу шум за стенами, железный перезвон, скрипы и вздохи огромных механизмов; кажется, за стенами идет работа, и, если соотнести с тем, что я видел – работа эта безусловно обслуживает военные нужды Ренквиста.

И снова вверх. Навстречу попадаются люди в фиолетовых робах и малиновых камзолах, волочат книги и свитки с длинными бумажными шлейфами, несут какие-то сундуки, звенят железом, суетятся, но суетятся строго по делу.

Наконец мы оказались на месте. Это была библиотека. Высокий, просторный, тускло освещенный зал со стрельчатым потолком, расписанным смутно видными цветными картинами, заполняли стеллажи с книгами и свитками.

Меня провели сквозь библиотечный лабиринт по богатым узорным коврам – избегнувшим по некой причине костров тщеславия. Стеллажи нависали над головой, кренились, плотно набитые: кажется, сдвинь один – и они посыплются, как домино. У обширного круглого стола, поставленного меж стеллажей, стоял человек, опираясь о резную спинку легкого кресла. За креслом виднелось стрельчатое окно, прикрытое малиновой занавесью; в мелких цветных витражах плясали высверки молний.

Ренквист был высок, лет шестидесяти, с морщинистым, волевым лицом. Светлые волосы шапкой – кажется, что на голове угнездилась чайка. Обряжен в серый, ничем не приметный короткополый мундир. Плечи широкие, развитые, видно, что человек не гнушался физической работой – военными тренировками, скорее всего. Он увидел меня и широко повел рукой, улыбнувшись:

– Подходите, подходите, мой друг!

Неподалеку от стола застыл приземистой кляксой жирно-складчатый человек с бритым черепом. Физиономией он удивительно напоминал свинью. Черная роба и ошейник ясно свидетельствовали о его статусе.

Я остановился, вернее, меня остановили в двух метрах от стола. Я почуял присутствие других людей – среди стеллажей скрывались телохранители барона.

На столе были разложены мои вещи – шпага, до половины вынутая из ножен, носовой надушенный платок, флакон с загадочным порошком, гребешок, ножнички и серебряный стаканчик с обманными костями. Рядом стояла ваза с румяными булками, два бокала, бутылка темного стекла – чистый натюрморт «Отдых воина».

В десятке шагов сбоку – высокий камин с закопченным зевом, там же находилась и дверь в нише, до половины закрытая гобеленом-драпировкой с изображением, кажется, охоты. Гобелен вздымало ветром, от чего казалось, что в нише скрылся человек и учащенно дышит. Возможно, там и правда стоял человек.

Ренквист повел рукой перед собой:

– Не правда ли, у меня прекрасная библиотека? Больше тысячи томов, и я прочел их все. «Извлечения малых мер» Фанриана, «О многих сферах высокого разума» Тернби, «Секвенции ума» Карппаджотто, «О вещах больших и малых» Аддриана, и еще масса чудесных и мудрых книг, названия которых, я уверен, вы слышали… Впрочем, может быть, и не слышали… Впрочем, может быть, вы прибыли издалека… Стойте спокойно! Мой друг, брат Горишка, сейчас проведет для меня некий эксперимент… Это почти не больно. Стойте спокойно! Давайте, брат Горишка…

Потный боров выступил вперед, одышливо хекнул, прошептал что-то и выставил перед собой нечистые ладони. Пальцы брата Горишки напоминали две пачки сарделек.

Адская боль пронзила каждую клетку моего тела, затронула каждое нервное окончание. Я рухнул на богатый ковер, выгибаясь в корчах, глаза залил кровавый туман.

– Ну, – заметил барон Ренквист буднично, – что и требовалось доказать. Брат Горишка, ступайте, ступайте, друг мой… Ступайте-ступайте, – возвысил он голос, – я велю подать вам вкусного грибного супа!

Я стоял на карачках и хрипло дышал. В груди моей копошилась ежиха – утаптывала место, чтобы родить десяток ежат, недовольно крутилась колючими боками.

Я сплюнул на ковер. Во рту был вкус крови.

Барон сказал недовольно:

– Плевать на ковер не надо. Ну вот не надо. Ни к чему это.

Я услышал шорох подле себя: барон подхватил меня под руку, как заботливый отец, помог встать и подвел к столу. Лично налил вина в стеклянный вычурный бокал.

– Пейте. Сейчас вам станет лучше.

Вино… запрещенное в пределах земель Ренквиста. Впрочем, что дозволено Юпитеру, как известно, не дозволено быку,

а барон, судя по всему, мнил себя еще тем Юпитером.

Я выхлебал бокал красной кислятины и действительно почувствовал себя лучше. Барон перешел за стол и уселся в кресло. Мне сесть не предложил – да и предложи он, сесть было некуда. Телохранители позади меня исчезли, и, судя по ощущениям, ушли те из охранников барона, что скрывались в тени стеллажей. Мы остались наедине.

Барон сказал, став ко мне вполоборота и глядя куда-то в пустоту меж стеллажами:

– Вы, Торнхелл, крейн. Я не знаю, откуда вы, но полагаю, человек вы все же неглупый. Нужно было вас проверить. Видите ли, крейны, по некоему странному парадоксу, весьма подвержены даже самым слабым проявлениям магии. Брат Горишка испробовал на вас простенькое заклятие… а вас чуть не вывернуло на мой ковер… – Он энергично щелкнул пальцами и обернулся ко мне. – Как вас зовут по-настоящему?

За окном уже бушевала гроза, ветер вздымал малиновую занавеску. Как там Амара и Шутейник? Куда их отвели? Что с ними?

– Гуго фон Хабенихт. Но лучше зовите меня Аран Торнхелл.

– Хм. Ну, пусть будет Торнхелл. Вижу, маска уже приросла к вам, и это хорошо… с одной стороны. Что предложили вам те, кто соблазнил вас стать крейном Торнхелла? Что за кость вам бросили?

– Деньги, женщины, вино. – Об интересной работе я умолчал. Не хотел я раскрывать свою личность раньше срока, не зная, что уготовил мне Ренквист.

Уголки губ барона дернулись в презрительной усмешке.

– Как предсказуемо глупы эти Спасители Санкструма… Банальные удовольствия от банальных умов.

– Меня не спросили перед вселением, чего я хочу. Потом уже накормили посулами.

– Вот как?

– Мое тело умерло.

– О, сочувствую. Кто вы?

– Человек.

– Из далеких мест, несомненно?

– Из очень далеких.

– Может быть, из других… миров? В истории магии, как я помню, допускался перенос душ через миры.

– Может быть.

В его глазах зажглись огни неподдельного любопытства, он хотел бы расспросить меня о тех, других мирах, однако его дело ко мне не терпело отлагательств. Поэтому он ограничился

вопросом:

– В вашем мире все так же, как здесь?

– Люди везде одинаковы, – сказал я. – Мы, видите ли, уже лет семьдесят живем под угрозой тотального исчезновения.

– Войны? Болезни?

– Войны. Тяжелая магия.

Концепцию ядерной бомбы он бы не понял.

– Тяжелая магия, гм… – Он постучал пальцем по ножнам моей шпаги. – А сами вы чего хотите, Торнхелл? Есть у вас мечта? У каждого достойного и деятельного человека есть мечта, и он следует за ней… если он, конечно, достойный и деятельный человек.

Тут он меня поймал. И правда – есть ли у меня мечта? Моя земная жизнь неслась столь стремительно, что я глядел под ноги, и, фигурально говоря, не мог разогнуться. Какие там мечты… А сейчас как – есть ли у меня мечта? Пожалуй, все еще нет. Или… Актуальная моя мечта – добраться до Норатора и завладеть мандатом. А потом я задумаюсь, как обустроить врученную под мою власть страну и не умереть. Хм, пожалуй, – не умереть раньше срока и есть моя мечта.

Я ограничился тем, что неопределенно пожал плечами. Он щупал меня вопросами, и от моих ответов зависело, оставят ли мне жизнь. Договориться с ним не получится, вернее – он из тех людей, что будут гнуть свою линию бесконечно.

– А вот у меня есть мечта. Я хочу стать императором Санкструма в первом поколении, создать новую династию и вместе с ней – общество справедливое для всех и каждого. Без излишков. Излишки есть грех, от излишков человек впадает в разврат и ересь и перестает трудиться. Все должно быть… сообразно.

Ну, у тебя-то их навалом, излишков-то… Юпитер такой Юпитер…

Он пробарабанил пальцами по ножнам и заглянул мне в глаза.

– Меня называют Корчеватель, Торнхелл. Ренквист Корчеватель. Я корчую пороки. Богатство. Ереси. Неравенство. Все это пороки, которых не будет в новом Санкструме; все это пороки, которые я выкорчевал в своих землях.

Угу, Савонарола тоже корчевал, пока его самого не выкорчевали.

– Я ввел новые, актуальные нормы права. Я уничтожил на своих землях сословия и ввел обязательный труд для каждого гражданина. Я строг, но справедлив. Виселицы – для устрашения, вы, верно, их видели… Временная мера. Мои подданные вежливы

и заняты работой. Все заняты работой. Равны перед законом все, и не важно, кто ты – мастеровой, крестьянин, священник, купец или сам судья. Я добился больших успехов. На моих землях нет голодных и нуждающихся. На моих землях никогда не бывает голода. На моих землях никогда не бывает преступлений. Я выкорчевал всех деликвентов, сиречь людей вредных, кои ведут себя скверно – буянят, грабят, дерутся, может быть, даже совершают убийства, спят друг с другом без заключения должного брака…

Да ты прямо как Фридрих Вильгельм Первый, только со своей сумасшедшинкой…

Ну и как вести себя? Льстить? Нет, не поверит. Скорее, наоборот, заподозрит, что я не одобряю… Он ведь говорит, чтобы убедить меня в своей правоте, чтобы я ощутил величие замысла, который распространяется на весь Санкструм.

Я сказал:

– А как же инвалиды и больные, которых вы забираете… куда вы их забираете, кстати? Меня уверяли, что вы их куда-то забираете. Я присматривался и не увидел инвалидов, больных и глубоких стариков. Пожилые люди есть, но стариков – нет.

Серые глаза мазнули по мне – быстрее, чем схлопывается диафрагма фотоаппарата.

– Чушь. Наслушались ерунды. Больных забирают в общественные больницы, где их подвергают… лечению. За мой счет! Инвалидов и детей-сирот – в работные дома, где дают им посильную работу. Это лучше, чем если бы они висели на шее у родных или просили милостыню, так ведь, Торнхелл? И для меня лучше, и для государства. Я за свой счет обучаю всех считать, писать. Переучиваю на нужные мне профессии. Кто переписывает книги, кто клепает стрелы для арбалетов, кто варит лекарства. Старики шьют одежду, занимаются посильным трудом в «Домах радости». При должной организации труда и должной же дисциплине у меня получилось очень действенное общество, где каждый на своем месте. И так будет со всем Санкструмом, разумеется. А как же иначе? С вашей помощью… – Он улыбнулся мне уголками губ.

Маньяк-утопист. Думает, что нашел панацею от несправедливости общества, – только побочки от этой панацеи некислые. О господи, неужели и я могу стать таким маньяком? Нет, черт, не хочу… Какую еще помощь он от меня хочет?

Он вскочил, завелся, рывком придвинул кресло к окну.

– Вы еще скажите – я жгу книги и противодействую прогрессу, как говорят обо мне клеветники. Да-да, прогрессу! Наслушались дуростей! Противодействовать ему – значит пилить

сук, на котором сидишь. Нужно развиваться, иначе проиграешь. Напротив, Торнхелл, я за всемерный прогресс. – Он рассмеялся чистым серебряным смехом. – Я вывел формулу всеобщего равенства. Церковники и дворяне не имеют у меня власти. И не будут иметь по всему Санкструму, когда я стану императором. Я продвигаю на руководящие должности лучших и отбираю их – и буду отбирать – только по уму и смекалке! Я развиваю и буду развивать науки и ремесла, я буду обучать свое население в школах и университетах. Должны быть чистота и дисциплина. Это обязательно. Это главное. Дисциплина и чистота ведут к чистоте души. Школы. Лучшим – университеты для продвижения в науках. Тот, кто осилит университет – тому больше почестей, больше денег, больше возможностей. Мои земли сейчас богаты. Я торгую – даже в эти тревожные времена, Торнхелл, я имею крупный доход с торговли, с ремесел, которые развивают мои люди.

Он подошел ко мне скорым упругим шагом и заглянул в глаза, прихватив под локоть.

– Вы понимаете, какую империю я построю? Обязательный труд для каждого гражданина, не важно, кто он будет согласно отжившей этой мерзости – сословиям. Честность. Чистота. Дисциплина. Денег по минимуму – не до́лжно копить богатства, когда надо отдавать себя всего делу служения отечеству! Да, и запреты: пить, курить эльфийский лист, сношаться с кем угодно, играть в азартные игры… Но запреты эти – лишь для того, чтобы вытесать из человеческого обрубка настоящего человека!

Угу, а еще для того, чтобы упрочить свою власть. Чем больше у человека запретов – тем вернее он превращается в покорного робота. Чем меньше денег – тем больше он зависим от руки дающей. Знаем, проходили.

– Народ у вас благоденствует, – сказал я.

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнул барон. – Я знаю, что нужно народу. В соседних землях, что принадлежат короне Растаров, крестьяне и горожане не умеют читать, подписываются крестиком и отпечатком пальца; это глупое, непослушное, суеверное стадо.

А у тебя, Ренквист, стадо умное и послушное. Вышколил. Когда человека зажимают в жесткие рамки, он превращается либо в тупого робота, либо сходит с ума. Чем отличаются твои крестьяне от зомбированных дэйрдринов?

Вином от барона не пахло. Он был трезв-трезвешенек. Не читал ли он «Равенство» Беллами или что-то подобное? Впрочем, подобных книг в любом мире, населенном разумным существами, пруд пруди. Беда, когда такие книги попадают в руки одержимых,

которые по ним пытаются выстроить справедливое общество.

Ренквист подошел к окну, отбросил занавесь и уставился на блеск молний.

– Я несколько лет обучаю своих людей воевать, кую доспехи, оружие. У меня большая, боеспособная армия. Но все для благого дела. Скоро я буду готов отразить любую атаку. Пусть даже Адора явится через море или Рендор рискнет нарушить границы… А когда я возьму власть над Империей, я увеличу армию в десять раз и смогу нести свет нового знания в другие страны…

Я налил еще кубок и выпил медленными глотками. Кажется, у меня начали неметь ноги. Странное ощущение.

Гроза и не думала сбавлять напор. В мелкие цветные стекла колотили дождевые капли.

Другие страны… Да ты, братец, еще и завоеватель к тому же… Успешный псих-одиночка.

– Хорошо… – сказал я осторожно, – чего вы хотите от меня?

Он подлетел, схватил за локоть, рывком заглянул в глаза, снова отошел к окну. Взволнованно заходил у подоконника, поскрипывая сапогами.

– Когда вы станете архканцлером – а вы им несомненно станете с моей помощью, – вы не будете мне противодействовать, а, напротив, немножко поможете… В особенности я попрошу вашей помощи в отношении тех вопросов, кои будут касаться Растаров… Да-да, я имею в виду всех членов августейшей фамилии, не только коронованного кретина. Более я ничего не прошу. Все ведь случится быстро.

Быстро – значит, близок день переворота. Он упомянул про всех членов августейшей фамилии – значит, он планирует уничтожить всех, кто может каким-то образом претендовать на престол.

– Ваши люди в столице?

Снова быстрый взгляд на меня, «раз-два» – примерно с такой скоростью атакует змея.

– О, много разных людей в столице, а прибудет еще больше. Пришло время сбить загнившие плоды, выкорчевать усохшую яблоню и высадить саженец, который принесет свежий, сочный урожай. За несколько лет я на месте трухлявого пня выращу новое, сильное дерево, способное к обильному плодоношению!

Много разных людей – значит, партий, готовых захватить власть, несколько и Ренквист стремится опередить их в конкурентной борьбе.

О боже, во что я ввязался… Белек, Белек, старый ты хитрый Саруман, почему ты не сказал мне, что дела настолько плохи?

Я подумал и сказал, очень аккуратно выбирая слова:

– Какой же помощи вы попросите у меня?

Снова взгляд-укол. И снова – отвернулся к окну. Слушает, что я еще скажу. Щупает. Делает выводы. Буду ли я ему помощником или же нет, и если барон решит, что нет, – меня, скорее всего, ждет гибель. В случае, если я буду признан хреновым союзником, барону сподручнее будет действовать в Нораторе, свободном от власти архканцлера вообще.

– В определенный день, Торнхелл, вы своей властью снимете посты Алых Крыльев с Варлойна и некоторых ворот Норатора. Это будет, скажем, внеплановый смотр… И вы проведете его, скажем, вечером…

Я непонимающе задрал брови:

– Крылья? Варлойн?

Ренквист вдруг расхохотался:

– Торнхелл, Торнхелл, я на какой-то миг позабыл, что вы крейн и почти ничего не знаете о нашем мире. Какой вы, в сущности… ребенок… Алые Крылья – два полка гвардии, что охраняют имперскую резиденцию Варлойн и сам Норатор. Варлойн – обширное владение с парками, прудами, прочими… излишествами и огромным замком посредине. Все это непотребство находится в пригороде Норатора. Скоро… осталась всего пара месяцев… состоится ежегодный бал, традиционный бал, на который съедутся все Растары. Ну теперь вы понимаете?

Я кивнул.

– Алые Крылья – это те немногие солдаты, что еще верны короне?

Взгляд-молния. Барон энергично кивнул.

– Я вижу, вы не дурак. Да, это лучшие – гвардия из горцев Шантрама, а горцы Шантрама, смею вас уверить, – отменные и верные бойцы. Они будут биться до последнего. Но вы заблокируете их в казармах. И в казармах, и в Варлойне затем будут действовать мои люди.

Он улыбнулся застенчиво, как ребенок, играющий в солдатики.

Я кивнул, опустив руки – в буквальном смысле. По телу расползалась неприятная слабость. Горцы Шантрама, видимо, здешний аналог швейцарских наемников, которые действительно прославились отменной стойкостью и верностью нанимателю. Единственный настоящий актив Растара… Или мой. После того как я возьму мандат.

– Теперь я немного понимаю общее положение дел… Император потерял управление страной, армия почти разрушена, если и осталась какая-то законная власть, та власть, которую хоть как-то слушаются, то сосредоточена она в Нораторе, и то

ненадолго.

– Ну конечно! – вскричал барон, вновь начав расхаживать вдоль подоконника крупным гренадерским шагом. – Конечно, Торнхелл. Все именно так, и мне отрадно видеть перед собой столь умного человека! Казна Санкструма пуста, чиновники и дворяне творят беспредел на своих землях, среди простых солдат брожение, среди крестьян – бунты, горожане спят и видят, когда появится сильная рука! Архканцлер ничего не сможет сделать за два года… Да он, между нами говоря, и не успеет, ведь некоторые, став архканцлерами, уже пытались, но их всех убили… Да-да, убили!

Но если ты просишь моей помощи, Ренквист, значит, какие-то действенные рычаги власти у архканцлера все же будут… и ты их опасаешься. По крайней мере, я смогу опереться на два полка Алых Крыльев. Это для начала. А даже один гвардейский полк во все времена стоит армии обычных солдат.

Барон все ходил вдоль подоконника, сжимая и разжимая правый кулак.

– Энергии власти, Торнхелл, это тонкие, даже тончайшие материи, которые сложно ухватить простому человеку. Династии вырождаются, каждый новый император – хуже предыдущего. А знаете почему? Рожденных править – единицы. Вот вы, Торнхелл, не сочтите за наглость – я уже понял, вы совсем не рождены для того, чтобы править. Нет в ваших глазах такого… фанатичного огня… Вас поставили перед выбором, не спросив вашего мнения, загнали в угол, превратили в заложника чужого выбора! Но я вам помогу! Вы знаете, что Ренквисты – древняя фамилия и некогда земли их были независимы от Санкструма? Потом они вошли в Империю. А теперь случится обратное… Ослабевший Санкструм войдет в земли Ренквистов. При вашем посредстве, Торнхелл, вернее, при вашем активном, но весьма небольшом и безопасном участии!

«Мокрый таз я тебе подарю, чтобы ты им накрылся!» – подумал я с внезапной свирепостью, и едва не проговорил это вслух. У меня заломило виски. Как глубоко он пустил щупальца в Нораторе? Как глубоко пустили щупальца другие партии?

– А Сандер не помешает нашим… – я сделал вид, что неосознанно оговорился, – вашим планам?

– О, вы слыхали об этом степном выскочке? Он стремительно объединяет племена Алой Степи, но, как и все степняки, глуп как пень, алчен. Лимес, конечно, сейчас похож на решето, и Степь может войти в Санкструм бескровно… Сандер знает свою силу. Он захочет денег – я дам ему денег, он захочет еще денег – через год. Я дам еще, я заткну его алчущий рот золотом. Затем,

объединив страну снова, я уничтожу Алую Степь. Вы понимаете меня, Торнхелл? Я отнюдь не хочу уничтожения Санкструма. Я сохраню Империю. Под моим правлением она станет лучше. Я создам общество справедливое и гордое, свободное от сословных категорий.

Меня пошатывало. В голове шумело. Сейчас бы прилечь поспать. Но я хочу еще кое-что узнать у барона, я его, выражаясь шпионским языком, прокачиваю, в то время как он уверен, что прокачивает меня. Я держался свободно, но вместе с тем почтительно, и ему это нравилось, и он открывался мне навстречу, чтобы поведать о наболевшем.

Я изобразил сомнение и колебание:

– А дэйрдрины не помешают?

Ренквист издал скрипучий смешок.

– Ах, эти дэйрдрины, глупые фанатичные игрушки этого… – Он явно хотел назвать имя кукловода, но по какой-то причине сдержался. – Знаете, они все мечтают о гибели мира… Дескать, скоро разверзнутся бездны и явятся демоны и властелин зла, и надо творить зло здесь, чтобы заслужить вечную жизнь, как милость своего властелина. Все эти алтари на их мистериях, жертвы, мучения, кровь… – Он скрипуче и чуть нервно расхохотался. – А ведь нет никаких властелинов зла из черной бездны. Не было и не будет. Хранители бездонной тьмы, черное мистическое зло… Это все в нас, в нас, Торнхелл. Мы есмь и альфа и омега, только мы, мы здесь, на земле, творим добро или зло. Здесь только мы хозяева. Только мы властелины. А что там в горних высях или в глубинах мира… уже не наша забота. Наша забота – здесь и сейчас. Так что… насчет моего предложения?

Я сказал, все еще изображая великое сомнение и такой же испуг:

– Ваше предложение весьма… разумно. Однако все это опасно… Не помешают ли нам… вам конкуренты? Ведь, как понимаю, их… весьма много?

Резкий взгляд; барон подскочил ко мне, схватил за локоть:

– С вами уже говорили? Вас перехватили по дороге? Кто? Что вам предложили? Я дам в пять раз больше! Я видел ваши бумаги, вы осведомлены о партиях власти в столице. Так кто же из них вас встретил?

Черт, я допустил ошибку. Теперь мне не удастся его разуверить в том, что какая-то из партий сделала мне предложение, от которого я не смог отказаться.

Я покачал головой.

– Никто. Нас преследовали. Пытались убить. Дворяне некой партии. Кто – я не знаю. Однако теперь я опасаюсь всех.

Он отошел, пробарабанил пальцами по столу. Взглянул на меня с задумчивым прищуром.

– Да-да, опасаться следует всех. Верить нельзя никому. Такое сейчас время. А вы, Торнхелл, конечно, ничего не понимаете, запутались в наших материях, как ребенок… Сколько лет вашему истинному «я»? Ведь вы молоды, правда?

– Двадцать, – соврал я, махом сбросив груз четырнадцати лет.

Ренквист кивнул:

– Да-да, да, да, я так и думал. Молоды, но уже неглупы. Но править, конечно, вы не сможете…

– Вы открыли мне глаза, – сказал я, не особенно погрешив против правды.

Лицо Ренквиста осветила добрая отеческая улыбка.

– А вы знаете, юноша, вы мне нравитесь. Я найду вам хорошее место при новом дворе. Вы займетесь чем захотите. А если будет желание – возьмете некую крупную сумму из моей казны и уедете куда угодно, да вот хотя бы в Адору. Но я бы хотел кооптировать вас в новое правительство. Вы юны, неглупы, способны слушать и понимать императора, ведь я – прямое воплощение судьбы этого государства.

Маньяк. Мегаломаньяк. То есть одержимый бредом величия. Я – это государство, государство – это я. Мне можно все, остальным – делать так, как я говорю, в противном случае…

Он вдруг отодвинул кресло и поманил меня рукой.

– Садитесь, Торнхелл. Выпейте еще вина. Вы мне нравитесь! Вы прекрасно сложены, вам говорили? Ну, садитесь же!

Слова прозвучали приказом. Я понял, что маньяку лучше не перечить, и сел. Слабость продолжала ползти по телу.

А за портьерой все-таки кто-то был. Я слышал теперь сдавленное дыхание. Телохранитель? Или кто-то из соратников барона?

А Ренквист продолжал говорить:

– Вы знаете, что скоро лунное затмение? В вечер суток, когда истекает возможный срок принятия вами мандата, будет лунное затмение. Я не мистик, отнюдь, но, согласитесь, это символично. Действительно символично. Я думаю, мы обставим ваш приезд в храм Ашара именно в этот вечер. Вы примете мандат, и с этого мгновения жизнь в Санкструме изменится. Нужно следовать за мечтой, Торнхелл. За мечтой!

Мы? То есть меня повезут в Санкструм под конвоем?

– Я отправлю вас в Норатор под надлежащей охраной, чтобы никакие выродки из дворян не смогли вас убить по дороге. Ваши спутники побудут у меня, но, даю вам слово, как только вы станете архканцлером, я отпущу их. И, конечно, мои люди

понадобятся, чтобы попасть в храм Ашара, ведь в него не так-то просто нынче войти… Его охраняют.

Я слушал его как сквозь туман. Каждое слово давило меня свинцовым грузом. Столько всего… Сумею ли справиться? И как? Амара, Шутейник – теперь вы заложники… и я вас брошу?

Но нельзя соглашаться с бароном сразу. Слова срывались с языка вязко, тягуче:

– Я должен… буду… подумать.

Ренквист энергично похлопал меня по плечу:

– Конечно. Подумайте до утра. Не спеша и крепко подумайте в хорошем и надежном месте. Подумайте дважды. Нет, трижды. И примите верное решение. Я вам доверяю. Я чувствую, что вы не предадите меня.

– Не предам, – соврал я, – если дам слово чести. Там, откуда я родом, честь берегут смолоду.

– Да-да, вам нужно подумать, а потом дать слово чести. Думайте. Крепко думайте. Жаль, что вам не придется разделить со мной трапезу. Впрочем, надеюсь, тюремная еда придется вам по вкусу. Некоторые питаются ею уже много лет… и все еще живы. – Он засмеялся. Завуалированные угрозы слетали с его языка, и я живо и в красках представил участь его пленников. – Вы меня уже узнали и понимаете, что остановить меня сложно и жертвы ради общего блага меня не пугают, однако я жесток лишь по необходимости и умею награждать так же щедро, как и карать. Так вот – думайте, думайте хорошенько.

– Я подумаю, – повторил я. – Скажите, а чем вам не угодили кошки?

Он отступил на шаг и собрался в единый нервный узел.

– Кошки? Мерзкие непослушные твари! Кошек невозможно привести к дисциплине и покорности. Кошки – суть отродье вольнодумства и коварства, а значит, должны быть уничтожены. Собаки – вот искренние преданные существа! У собаки кроме ума – врожденный инстинкт покорности следовать за своим господином!

– Хм… – сказал я, чувствуя, как остатки сил покидают организм.

– А еще они воняют. Согласитесь, ведь кошки воняют. Омерзительные твари!

– О, хм… да.

Айлурофобия – боязнь и ненависть к кошкам – один из признаков психического нездоровья. Психиатр на моем месте уже давно бы сдвинул очки на нос и разложил перед бароном картинки с тестом Роршаха.

– Нет-нет, вы хотите сказать – а как же мыши и крысы,

которые могут сожрать зерно и проточить своими зубами ценные ткани и даже бочки с разными товарами? Спешу заметить: я все предусмотрел. Я озаботился выведением породы маленьких и чрезвычайно свирепых собак, которые ловят как мышей, так и крыс, и душат их, душат с чрезвычайной свирепостью. Собаки, Торнхелл, чрезвычайно замечательные. Чрезвычайно!

Он засмеялся легким прозрачным смехом, а я уткнулся в столешницу лбом. Нет, сознание меня не покинуло, но шевелиться по какой-то причине я больше не мог.

Глава 22

Я сидел на корточках и наблюдал за огнем. Свече оставалось гореть самое большее пять минут. Точнее, уже не свече, а огарку. Он расплылся по блестящему камню, утратив всякое подобие упорядоченной формы, и лишь чудом в его центре продолжал трепетать беловато-желтый, похожий на бьющееся сердце огонек. Свет его не проникал далеко и не позволял оценить реальные масштабы пещеры. Однако я помнил, что она исключительно велика: фонарь палача, что приковывал меня к стене, дал достаточно света, чтобы я различил неравномерно повышающиеся бугристые своды, с которых свисали заостренные сталактиты, подобный же пол и теряющиеся во мраке скругленные стены с многочисленными черными провалами, ведущими, кажется, в саму преисподнюю.

С левой стороны от меня находился подобный черный провал выше человеческого роста. Куда он вел? Вверх или вниз? А не все ли равно? Даже если бы я знал, какой прок в этом знании? Я в ошейнике, на короткой тяжелой цепи – на такие сажают только диких зверей. Могу встать и пройти шаг по скользкому полу. И все. Нескольких бокалов вина с каким-то наркотиком оказалось достаточно, чтобы я стал вялым и сонным, безразличным ко всему на свете и не сопротивлялся, пока меня (снова под руки!) волочили замковыми переходами, а потом в какой-то клети спускали сюда, под чрево замка, чтобы снова протащить осклизлыми коридорами. Я пытался разорвать морок, но ничего не получалось, ощущение было – словно застрял в паутине и медленно-медленно водишь руками и ворочаешь головой.

Но до того как меня увели из библиотеки, случилось еще кое-что.

Во-первых, холодные руки барона ухватили меня за голову и без лишних сантиментов уложили ее набок.

– Ай-ай-ай, – прошептал Ренквист. – Зачем же так напиваться… Лбом – да в стол. Молодой еще, неприпитый… дружочек…

Во-вторых, я увидел сквозь полуприкрытые веки, как из-за драпировки, наполовину закрывавшей дверь, выскользнула женщина лет сорока. Черты лица ее были волевыми и резкими, но, однако, привлекали какой-то суровой, хищной красотой. На правой щеке виднелся узкий шрам. Прямые светлые волосы на плечах, затянутых в камзол цвета запекшейся крови, тонкие нервные пальцы… У бедра короткий меч в строгих черных ножнах.

Она остановилась у стола, рассматривая меня. А я в это время смотрел на нее. Я мог только дышать, шевелиться не было сил – вернее, не было воли. Лень, безмерная лень овладела моим телом.

Но не мыслями.

Женщина пробарабанила пальцами по столу рядом с моим носом.

Ногти ее были покрыты золотистым лаком.

– Спит?

– Оглушен. Ничего не соображает.

– И не будет помнить?

– Нет.

Хо. А вот и да. Не знаю, был ли Торнхелл припит или имел природный иммунитет к зелью, что подмешали мне в выпивку, или же сработали какие-то иные факторы, но мой мозг не был затуманен: я слышал и понимал все.

Женщина смотрела на меня внимательно, изучала, запечатлевала в памяти.

– Значит, Торнхелл…

– Крейн, – мягко поправил Ренквист. – Он всего-навсего крейн, Анира. Это оболочка Торнхелла. Внутри… да ты и сама прекрасно поняла, кто внутри.

Мне показалось или его голос пропитан презрением? Он думал, что встретит игрока более сильного? Хм… Не перегнул ли я палку, изображая страх и согласие плясать под его дудку? Пожалуй, перегнул…

– Несомненно, – произнесла женщина, и в голосе ее послышались стальные нотки. Взгляд, брошенный на меня, был насмешлив: «Слабак… – говорили ее глаза. – Слабак, тряпка, пенек трухлявый: ударь, и рассыплется…» Таких она не уважала. Как назвал ее Ренквист – Анира? Память воскресила записку Белека:

«*Долги Санкструма основные*:

Анира Най – Гильдия. Опасна как рысь. Безжалостна есть. Долги?»

Глава загадочной Гильдии изучала меня около минуты, затем насмешливо покачала головой и ушла. Барон удалился следом за ней – в ту самую дверь, до половины прикрытую драпировкой.

Вскоре явились два экзекутора, палача. Молча на шее моей застегнули стальной обод с ошметком цепи, протащили коридорами замка, спустили в деревянной клети и поволокли по осклизлым пещерным ходам, чтобы оставить в этом гроте, где

палач в лиловом мундире присоединил цепь к массивному кольцу, вделанному в стену намертво. А другой прикрепил к высокому камню небольшую свечу.

И оба ушли.

За время, которое потребовалось моему организму, чтобы победить дурманящее зелье, от свечи остался огарок.

Огонек мерцал, грозя угаснуть с каждой секундой. Я боялся дышать в его сторону. Я безмолвно созерцал пламя. Цепь не поддавались рывкам, кольцо было надежно вмуровано в стену. Я откинулся к влажной стене, вытянув ноги, и звякнул цепью, каждое звено которой имело дополнительно распорку. В поле зрения не видно камней, которыми можно попытаться – тщетно, конечно – разбить цепь.

Скоро настанет кромешная тьма…

Я принялся неистово тереть одно из звеньев цепи о стену, но вскоре остановился, поскольку занимался абсурдным действием. Нет, перетереть крепкий вороненый металл о стену, конечно, я бы сумел – примерно через месяц упорной работы.

– Б-блин… Ладушки-воробушки… Черт! Попал ты, Торнхелл…

И тут свеча погасла.

Фитиль, слабо дымя, еще тлел какое-то время крохотным багровым угольком, и я смотрел на эту точку, как на алтарь какого-то божества.

Но вот угас и фитиль.

Я оказался в тьме египетской. Про такую говорят – непроницаема. Непроницаема для глаза, абсолютное ничто, сплошное черное покрывало. В такой тьме можно блуждать бесконечно, натыкаясь на стены и рискуя сломать ногу.

Отлично. Теперь, даже если удастся избавиться от ошейника, я буду плутать в этих потьмах вечно. Дорогу к подъемнику я, конечно, не запомнил. Да и запомнил бы – толку немного. Подъемник наверху, а я внизу. И быть мне тут до самой смерти… Вкусил архканцлерской власти, ничего не скажешь!

Я снова дернул цепь, уперся ногой в стену, приналег. Глупая попытка освободиться.

Здесь, в подземелье, было влажно – и цепь покрылась налетом росы, и даже одежда моя начала пропитываться влагой.

Влажная темнота смотрела тысячью глаз, ощупывала тысячью рук, я вдыхал ее, чувствуя оседающий на губах прелый вкус подземелья. Ярость, охватившая меня, вдруг смешалась с отчаянием, на смену которым пришла злость.

Какого черта Ренквист приговорил меня к смерти? Я же сыграл в поддавки, почти согласился на него работать? Почему

он решил, что лучше будет меня умертвить, вот так страшно, медленно умертвить? Зачем показывал этой дамочке – Анире из загадочной Гильдии?

Нет ответа. Как нет и света. Буду я умирать медленно от жажды, но, скорее всего, раньше сойду с ума в этой кромешной тьме.

Внезапно я насторожился: где-то далеко быстро-быстро закапала вода – «Шлеп-шлеп-шлеп!», будто голые ступни неизвестного существа выбивали этот звук… Горлум! Чертовы ассоциации… Еще вспомни «Спуск» или «Пещеру», чтобы совсем, так сказать, впечатлиться… Мозг, лишенный привычных ориентиров, начинает выкидывать коленца. Еще пара часов, и я здесь окончательно одичаю, а потом, может, и свихнусь.

Не «может» – а «точно».

А если палач барона открыл задвижку и грот начинает заливать водой? Я покрылся гусиной кожей, почувствовал, как предательски трясется нижняя челюсть. Нет, не поддаваться! Я стиснул зубы, да так, что те скрежетнули друг о друга.

Да ну, ерунда, логика нам поможет: никто не будет стрелять из пушки по воробьям, а в моем случае это именно так, ибо слишком уж велика площадь затопления. Чтобы приморить меня одного, придется спустить в эти пещеры целую реку. Утопить в бочке куда дешевле – то есть экономически целесообразнее, а уж Ренквист знает толк в экономике.

В общем, сиди и не трясись: это силы природы. Все, точка. Просто силы природы. А Ренквисту я нужен. Он играет со мной. Компостирует мозги этой темнотой, этой пещерой, хочет меня поломать.

Я начал дышать размеренно, пытаясь успокоить сердце.

Капель длилась не больше минуты и прервалась так же внезапно, как и началась. Вода сочилась крупными тяжелыми каплями, не струйкой, именно крупными тяжелыми каплями она падала с высоты.

Звук падающих капель больше не повторялся. Я напряженно вслушивался, всматривался в тьму, прекрасно понимая, что она непроницаема для взгляда, но почему-то ощущал себя как на цирковой арене, под десятком ярчайших прожекторов. Откуда ощущение, что за мной наблюдают? Откуда ощущение, что лучше не издавать громких звуков? Откуда ощущение, что лучше всего – молчать?

Да ниоткуда. Это мозг, сволочь, рождает в темноте иррациональные страхи…

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я решил сменить позу. Цепь отвратительно громко брякнула о камни, как

колокольчик у игрока в жмурки, указывающий охотнику на жертву.

Я затаил дыхание. Затем разозлился на свой страх и выкрикнул:

– Йо-хо-хо-о-о!

И…

И ничего не случилось. Минуты текли за минутами, и ничего не происходило. Дыхание выровнялось, и громкий стук сердца унялся. Иногда кожу овевал заблудившийся во мраке ветерок. Густая тишина вокруг, прямо режь ножом и на хлеб мажь…

Как там Амара и Шутейник? Что с ними? Если меня обрекли на смерть – помилует ли их барон?

Сильно сомневаюсь. И, черт – нет, никто тебя не обрекал на смерть, идиот! Да, тебя страшит осознание собственного одиночества в этой темноте, но его можно терпеть, можно контролировать. И ты вытерпишь эту пытку. И скоро за тобой явятся и освободят!

Темнота. Темнота и одиночество…

Через какое то время мой слух обострился, и стали мне мерещиться звуки – некоторые приходили издалека, другие, наоборот, звучали над самым ухом, и это был вкрадчивый настойчивый шепот…

Сенсорная депривация; по-научному это называется – сенсорная депривация, когда человека сознательно лишают слуха или зрения с целью психологического давления. Космонавты проходят тренинг в абсолютно темных камерах, и, говорят, там их неслабо так колбасит, и тех не берут в космонавты, кто не выдерживает в депривационной камере означенное время, поскольку нервишки у них в перспективе – на космической станции – могут сдать.

Думаю, в космонавты я бы не попал.

Я нашарил и стиснул «ловца снов» в кулаке. Мистика, чтоб ее… Но все-таки стало полегче, глиняный шарик был точкой реальности в этом мраке.

Вкрадчивый настойчивый шепот снова зазвучал в моей голове… Но… нет! Не шепот это был, не шепот! Звук приблизился, оформился, и я понял, что слышу, как неподалеку от меня об камень постукивают и скребут какие-то костяные выросты, например… достаточно длинные когти.

Цок-цок-цок!

Сердце снова начало выплясывать.

Ко мне направлялось какое-то существо.

Все ближе и ближе…

Я вскочил, прижался к стене, схватил цепь и выставил перед

собой на уровне шеи: если тварь прыгнет, целить она будет, как все хищники, в горло. Если получится – зубки она сломает о цепь.

Цок-цок-цок!

Вот оно уже в гроте. Скребыхание и цоканье о камень прекратились: существо замерло неподалеку от меня.

Я услышал тяжелое дыхание, уловил острый мускусный запах, и самое гнусное – почувствовал на своем лице внимательный, оценивающий взгляд.

Скверный, хищный взгляд.

Дорого бы я дал даже за крохотный свечной огарок!

Неизвестная тварь смотрела, часто и тяжело дыша. Я различил едва заметный шлепок. Воображение быстро нарисовало, как слюна скатывается с оскаленных клыков на влажный камень…

Цок…

Тварь нетерпеливо ударила лапой.

Цок-цок…

Приблизилась на расстояние прыжка!

Мое сердце, казалось, пробьет сейчас грудь и улетит вольной птицей.

Послышался едва различимый, далекий посвист. И тут же раздался стук когтей по камню: «Цок-цок-цок!». Существо стремительно унеслось к своему хозяину, повинуясь свистку. Удары когтей затихли вдали.

Я стиснул зубы. Мистика? Да черта с два это мистика! Нет в этом мире чудовищ, монстров, окромя людей, – это даже барон подтвердил. А вот собаки в этом мире есть. И барон любит собак. И, как и на Земле, собаки обучены прибегать по свистку хозяина.

Ага… значит, это элемент обработки. Страх мгновенно пропал.

Ты же хочешь меня поломать, Ренквист… Все-таки это твоя основная задача. Чтобы в Нораторе у меня не возникло спонтанного желания тебя предать, переметнуться к другой партии, которая предложит кусок пожирнее.

Вот только барон не понимает, что в Нораторе я буду действовать по своему – и только по своему – расчету.

Я плюхнулся на камень и дико расхохотался.

Я ржал как мерин, как ишак, заливался дурным гоготом, не боясь быть услышанным. А ведь меня слушали – соглядатаи барона наверняка были неподалеку. Ну пусть думают, что я рехнулся, подвинулся рассудком, так будет проще. И я вам сыграю сломанного психа, ну конечно сыграю! Так будет легче мне.

И вдруг подземелье осветилось, заметались на скругленных

стенах гримасы теней. Вошли два человека в лиловых мундирах, с фонарями в руках.

За их спинами виднелась долговязая фигура барона.

Ренквист вошел прежним гренадерским шагом. Он кинулся ко мне, отпихнув палачей, бережно схватил под локоток, заглянул в глаза:

– О Ашар, да что же это! От вина вам стало худо, вы упали… Мои указания были совершенно четкими: сопроводить вас на верхние уровни в камеру! К вашим друзьям… к другу вашему сопроводить. Мои люди перестарались и сегодня же будут примерно наказаны, да-да, примерно наказаны – уж будьте уверены, Торнхелл. О боже, так ошибиться! Не-на-ви-жу самоуправство! Немедленно снять ошейник! Пр-р-рекратить безобразие! Умоляю, простите меня, Торнхелл. Ведь вы простите меня?

Я молча кивал, изображая глубокий шок, оглушение страхом. Пусть думает, что сломал меня, пусть играет заботливого папашу, чтобы я льнул к его груди, одержимый стокгольмским синдромом. Не знаю, что за собачка у тебя в подземельях, но твердо понимаю одно – ты умный и расчетливый маньяк, сведущий в психологии. И собачку спустили по твоему указу, будущий император Санкструма.

Не дожидаясь ответа, барон заговорил снова:

– Вы не слышали здесь странных звуков? Нет, не слышали? Здесь, говорят, иногда гуляет… да-да, говорят, здесь гуляет сквозняк. Ну и пусть себе гуляет, ведь верно? Правильно? Это плохое, это очень плохое место, где умирают лишь самые опасные преступники, самые вредные люди… Но вы ведь свободный человек, вы не мой подданный, и вы уж тем более не вредный, далеко не вредный человек, ведь правда?

Я чуть не рассмеялся. Ты ведь хотел, чтобы я стал твоим покорным, морально сломленным рабом, Ренквист? Так вот, считай, не вышло ни на йоту. Я стал только сильнее. И я употреблю все силы, чтобы ты и подобные тебе уроды не сумели наложить лапы на Санкструм.

Глава 23

– Вот, заходите сюда, любезный Торнхелл… Осторожно, приступочка! Здесь ваш друг. А я пока распрощаюсь с вами – дела, дела, срочные дела требуют моего присутствия. Вскоре вам принесут ранний завтрак. Подумайте немного, любезный мой друг, подумайте над моим предложением. Я вижу по вашим глазам, что вы уже согласились, однако, обладая нравом сколь любезным, столь и гуманным, даю вам еще немного времени. Ведь вы должны выбрать сторону сами. Да-да, сами!

С этими словами барон ушел. Тяжелая, окованная позеленевшей бронзой дверь тюрьмы захлопнулась.

До этого меня вели пещерными ходами, затем поднимали в шаткой деревянной клети в странное округлое помещение с тяжелым воротом, затем, взяв под руки – вновь с изысканной любезностью – сопроводили длинными коридорами подземелья в назначенный бароном каземат. Подземелья замка были обширны, тускло освещены и запутанны не меньше, чем пещеры. И кругом я видел окованные бронзой двери камер. Запертые двери, что означало лишь одно: за ними узники, по выражению барона – вредные люди. И стены здесь наверняка толстенные, чтобы заключенные не могли перестукиваться друг с другом…

– Мастер Волк!

Ко мне из полумрака придвинулся Шутейник. Волосы растрепанны, однако на лице – спокойствие, только сметанный на скорую руку порез на лбу кровит. В руках – обломки лютни: расколоченный корпус, обломанный гриф без колков с ошметками струн, похожих на макаронины.

В каземате царил сумрак чуть менее плотный, чем в гроте. На стене, сложенной из бурого кирпича, на ржавой подставке тлела белесая, как древесный корень, оплывшая свеча. Виднелась часть потолка – свод арочный, высокий. Воздух, насыщенный тюремными ароматами, был, однако, достаточно свеж, из чего я заключил, что где-то под потолком, в темных углах, расположены отдушины.

– Шутейник? Амара с тобой?

Гаер-глумотвор не успел ответить – из темноты прозвучал сиплый мужской голос:

– Женщины, барышни, дамы света и полусвета – имеют пребывать в кутузке этажом выше, в условиях сравнительно легких супротиву…

Говоривший сбился и заперхал мокро и противно, потом начал отхаркиваться, кашляя уже взахлеб. Слыхал я подобный

кашель у бомжей на вокзале, и означал он только одно – кашлюн болен открытой формой туберкулеза.

Неудивительно, в общем, в таких-то условиях.

Хогг подбоченился и сказал ласково:

– Бабы как всегда хорошо устроились – всегда сверху, и оттель прудонят нам на голову. Ну нет от них спасения. Кстати, мастер Волк – буду рад познакомить вас с настоящим владельцем герцогства Лирна и, конечно, сего замка. Господин Бернхотт Лирна к вашим услугам… Мы провели много часов в поучительной беседе…

Много? Сколько же я просидел в пещере? Ах да, барон сказал, что нам вскоре подадут ранний завтрак – значит, обработка тьмой и безумием длилась не более семи-восьми часов… Мне, конечно, и этого хватило, но только я стал крепче, а не сломался, как самоуверенно решил барон. Да, самоуверенность – отличительная черта маньяков. И их же ахиллесова пята.

Я сделал несколько шагов вперед по голому каменному полу. Глаза немного адаптировались к полумраку, и я увидел деревянный топчан с грязным тюфяком и человека на нем. Человек зарос диким волосом и раскольничьей косматой бородой, но видно было даже в полумраке, что он сравнительно молод. Глаза его блестели лихорадочно, но без той искры, что отличает конченых безумцев. Тряпки вместо одежды не скрывали натренированные, широкие плечи. Он был прикован к цепи, очевидно, на такой же, как у меня, ошейник, скрытый под зарослями волос. Заржавленная старая цепь была, однако, несколько длиннее моей – человек мог сделать четыре-пять шагов, однако до двери и до подсвечника дойти не мог, из чего я заключил, что свечи меняют тюремщики.

Он спустил босые ноги и встал – хотя и ниже на голову, размахом плеч он явно превосходил Торнхелла.

– Я Бернхотт Лирна, – сказал он хрипло. – Ренквист подло убил моего отца и взял земли Лирны под свою руку. Я и мой отец – мы были честными людьми и тем гордились… И поплатились за свою честность… Малыш-хогг сказал…

– Не называй меня малышом, громада!

– …малыш-хогг сказал, что Ренквист задержал вас на площади, на празднике Корчевания… – Он сплюнул на пол. – Тебя барон забрал для разговора и даже сам привел сюда, что бывает редко, очень редко… Что он хотел? Были угрозы? Посулы?

Я оглянулся, прислушался и сказал осторожно и громко:

– Ну… барон показался мне человеком идейным и весьма представительным… хотя и строгим, конечно…

Глаза Бернхотта Лирны стали ртутными. Он ринулся на меня,

пытаясь сцапать, руки с заостренными ногтями пластанули воздух у моего лица.

Я поспешно отпрыгнул к двери, сбив с ног Шутейника. А герцог Лирна-младший выл в темноте:

– Он убил моего отца! Он взял мои земли под свою руку! Я всегда был честен! И отец мой был честен! Мы Растару приносили вассальную клятву, и что? Сейчас Ренквист хозяйничает на моих землях… А императору давно начхать! Кому мы приносили вассальную клятву? Кто должен был нас защитить? Подлость! Кругом подлость и коварство!

Затем он обрушил на мою голову потоки кабацкой брани, захлебываясь кашлем и истерическими рыданиями. Бренчала цепь. Если бы молодой Лирна мог до меня добраться, он проломил бы мне голову.

Шутейник ползал по полу, собирая обломки лютни. Поднял взгляд и кивком указал на герцога.

– Мастер Волк, вы с ума сбрендили?

– Однако же барон Ренквист правит тут по праву сильного, и правление его без меры достойно! – произнес я раздельно и внятно, с оттенком удивления. – И его идеи о равенстве всех сословий кажутся мне прогрессивными! Я проехал по его землям и видел, как хорошо живут люди!

Меж обломков лютни тускло блеснула знакомая мне вещь. Я быстро опустился на колени и схватил кастет баклера.

– Откуда он у тебя, Шутейник?.. – спросил шепотом и показал на стены глазами, мол, тш-ш, говори тихо.

Гаер кивнул и уставился на меня невинным взглядом:

– Я его у вас позаимствовал… из кармана. Аккурат когда на площади к нам ехали конники… Какое-никакое, а оружие. Они забрали у вас шпагу, а у Амары меч, обыскали халявы сапог и вынули мои ножики, обхлопали рукава моей куртки и рубахи – вдруг там тайный стилет, оружие благородных господ, но не додумались заглянуть в обломки моей девочки… А я положил его в разбитый корпус и придержал пальцем… всего лишь пальцем. Люди Ренквиста глупы, не додумались там смотреть.

Я чуть не расхохотался. Нет, люди барона не глупы, они до того напуганы запретами Ренквиста, что даже не стали трогать обломки лютни – это же музыкальный инструмент, излишество, но принадлежит он иностранцу, с которым велели обращаться гуманно – покамест… Оружие изъяли, а что делать с обломками лютни – не поняли и оставили их гаеру: не спрашивать же о такой мелочи самого барона? Еще, чего доброго, накажет.

Я вспомнил сцену из романа Алистера Маклина – там один из героев скрывал в корпусе гитары автомат… Это уже потом

Родригес взял ее и переосмыслил для своего «El Mariachi».

Я поспешно спрятал кастет в карман. Подслушивают тут или подсматривают тоже? Вот вопрос так вопрос… Всем вопросам вопрос. От него зависит наша свобода – и чихать я хотел на пафос.

Младший Лирна примолк, лишь дышал хрипло и сплевывал мокроту, глаза его в полумраке блестели серебром. М-да… А ведь обработка продолжается. Вид герцога как бы служил мне посланием: вот что случается с врагами барона Ренквиста, вот как он с ними расправляется. Смерть? Нет, конечно нет – это слишком просто. А вот страдания и отсроченное, но неизбежно подступающее безумие…

А хогг тем временем оглянулся по сторонам, странно задирая вихрастую голову, подполз ко мне на карачках и молвил едва слышно:

– Ренквист не подслушивает и не подзыривает. Или я совсем разучился чуять. Вернее, как… разговор мой с Лирной кто-то временами слушал, но я знал, что нас слушают через дыру в потолке, и сеял лебеду: держал себя с Лирной запанибрата, травил байки, пел песни и внимал его истории про погубленную молодость… Он тут уже пятый год кукует, еще немного – и сбрендит; и станет на одного хорошего человека меньше… А хороших людей в Санкструме и так маловато… Поганец Ренквист… Так вот барон или кто-то из его охвостья подслушивали, конечно… И после того, как вас, мастер Волк, привели, кто-то опять слушал. Но именно сейчас – уже не слушают, можете мне поверить. – Он взглянул на меня выпуклыми совиными глазами. – Я же не человек, мастер Волк, и есть у меня талант слышать сквозь камень…

Хогги – существа гор, так что нет ничего удивительного в том, что они дружат с камнем и понимают и ощущают его сильнее, чем люди. А вот Ренквист оказался самоуверен: он решил, что окончательно меня сломал, и после моей похвальной речи снял прослушку. Впрочем…

После сидения в подземелье я сам стал параноиком.

– Шутейник…

– А? – Хогг попытался встать, но я покачал головой. Так мы и стояли на карачках, два великих заговорщика.

– Шутейник, ты ловкач. Пальцы чуткие.

– А?

– Ты мой кастет из кармана вынул, я и не понял ничего.

– А-а-а. Ну… – Хогг изобразил смущение. – Есть такое.

– Если человек долго носит ошейник, отягощенный тяжелой цепью – шея его натирается: правильно я мыслю? Там есть

шрамы, опрелости, черт его знает что еще есть…

– Ладушки-воробушки!

– Проверь сейчас молодого герцога. Сможешь?

– Ох… Вы полагаете, мастер Волк…

– Просто проверь. Попробуй сыграть так, чтобы он ничего не понял…

Хогг вскочил с ошметками лютни, хныкая, как ребенок, подбежал к топчану герцога и запричитал, что его девочку окончательно разломали, раздолбили ей все что можно и даже в тех местах, куда честному человеку соваться совестно. При этом он тыкал обломки под нос Бернхотту Лирне и приговаривал:

– Да как же мне теперь… теперь и не склеить девочку! Девочку, говорю, я теперь не склею никогда, ведь все упало! Ой… простите, мастер Лирна… Уронил на вас кусочек… Ой… сейчас подниму.

Потом он сделал вид, что поскользнулся, и боком завалился на молодого герцога. Они крутились впотьмах секунд десять, наконец хогг отлип от Лирны и подошел ко мне, одышливо сипя.

– А вы, мастер Волк, плохой человек, и я вас презираю! – заявил громогласно. – Доломали мою девочку… даже если склею – выйдет сикось-накось, дыра не там где нужно, и как прикажете мне извлекать из нее мелодичные звуки для честных душ увеселения? – Он стал ко мне вполоборота и углом рта, видимым мне, прошептал: – Шейка у него – как попка у младенца, а борода клеем воняет. Мастер Волк, я вами восхищаюсь: на топчане сидит жулик похлеще чем я, самый настоящий растреклятый лицедей!

Глава 24

Я сказал громко:

– В Нораторе, братец, куплю тебе три лютни на выбор. У лучших мастеров своего дела. Есть же у вас мастера, что делают музыкальные инструменты?

Шутейник иронически раскланялся:

– Ну спасибочки вам, мастер Волк! Да только мою девочку никто не заменит. Первая лютня – как первая женщина: помнить будешь всегда!

– Ну так похорони ее и приходи к ней на могилку цветочки поливать.

– Ой… Какой же вы ужасно грубый и скверный! Таких еще называют «быдло»!

– Это ты еще меня с похмелья не видел. С похмелья-то я в два раза хуже. – Я горько ухмыльнулся: стать алкоголиком в этом мире мне точно не грозит, лучше я буду пить кипяченую воду, чем местные спиртные напитки, вкус которых пробуждает в памяти кислую вонь мусорных баков моего родного мира.

Подсадная утка затихла на своем шестке. Внимательно слушала наш треп и уже не надсаживалась туберкулезным кхаканьем. Барон Ренквист был соткан из параноидального коварства процентов на девяносто: лже-Бернхотт, разумеется, был финальным испытанием, по итогам которого Ренквист должен определить – гожусь я в его покорные куклы или нет. Но я не гожусь, разумеется, – лучше умереть, чем принять волю Ренквиста. Нет, я, конечно, дорожу своей жизнью, боюсь за себя, как все нормальные люди, но есть уровень, ниже которого ты просто перестаешь существовать как личность. И еще – у меня появились друзья. Ну, пусть не друзья – соратники. Бросив их на волю барона, я таким же образом перейду эту нижнюю границу и превращусь… превращусь в слизняка. Нет, я не бла-ародный господин, я простой, нормальный человек. И хочу таким оставаться. Поэтому – рискну. Сдохну так сдохну, повезет так повезет. В какой-то мере я должен быть благодарен Ренквисту за испытания тьмой и страхом – они окончательно поставили мне мозги на место, и я понял: в этом мире выигрывает только тот, кто рискует… и умеет к месту проявлять жестокость.

Удастся сбежать из замка – значит, я родился в сорочке. Не удастся – умру. Но умру человеком, а не мерзким слизнем.

– Ну, дай-ка посмотреть, – сказал я, и склонился к гаеру, тыча в обломки лютни указательным пальцем. – Да у тебя тут… – чуть не сказал: «…конструктор», ибо обломки лютни и правда

напоминали какое-то «Лего», – мелко нашинковано. Ну, если это приставить сюда… Как думаешь, рыбий клей для луков – он поможет склеить?

– Ой, мастер Волк… сильно сомневаюсь, даже магия вряд ли подсобит… Да и струн таких уже не достать.

– Скоро принесут завтрак… – прошептал я. – Ты боишься смерти, Шутейник?

– Вообще-то да. Но вот это вот, – он обвел рукой тесный склеп, – что за жизнь? А если меня упекут сюда навечно? А барон такой, барон может! Как же я без зеленых полей, лесов и речушек? Не хочу я в темнице… Нет уж, я лучше помру – только весело, с огоньком помру, а не как унылое быдло. А что, мастер Волк, сегодня нам суждено умереть?

– Есть такое дело. Я попытаюсь дать отсюда деру, как принесут завтрак. С шумом, треском и убийствами.

– О, тогда я с вами! Люблю шум и треск! Я с самого начала знал, что вы непростой человек. Видел… волчий огонь в ваших глазах. Что, дела наши настолько плохи?… – Он помедлил и сказал раздельно: – Ваши дела настолько плохи, мастер?

Вместо ответа я потыкал пальцем в лютню и изрек громко:

– Так ты говоришь, струн такого качества больше не достать?

– Ой, нет; это наша, хогговская работа… Больше таких не делают: спрос невелик, ибо дорого, а страна обнищала, вот и не делают больше… – И еще громче: – А кушать-то как хочется! А кушать-то и нету! Не знаете, любезный герцог Лирна, когда в сей обители подают завтрак?

Фальшивый герцог пробубнил что-то из своего закутка. Дескать, разговаривать с прихвостнем Ренквиста – себя не уважать, да будем мы оба с Шутейником прокляты до третьего… нет, до седьмого даже колена!

Я сказал тихо:

– Барон говорил со мной. Предложил мне кое-что… серьезное и важное. Очень серьезное. Очень важное. Но я одно понял: если я соглашусь с ним, стану рядом с ним, то превращусь… превращусь в…

– В коровью лепеху, наверное?

– Ты верно подбираешь определения. Но я не хочу становиться куском… коровьего навоза. Я хочу попытаться… попытаться изменить жизнь вокруг к лучшему… Сделать то, зачем меня призвали. Пожалуй, Ренквист прав: у каждого человека должна быть мечта, и сейчас я ее обрел. Если получится у нас сбежать и до Норатора добраться, я… Впрочем, не важно. Пока – не важно. Я втерся в доверие к Ренквисту, и он не заковал меня в цепи, скоро освободит… Но только меня одного. Ты и

Амара нужны ему как заложники… моей доброй воли. И ему я нужен – очень… Он меня отпустит. Но сначала, как обещал, накормит… Придут несколько тюремщиков… Ты их отвлечешь.

– Песни, танцы?

– Да что угодно, лишь бы они повернулись ко мне спинами, а к тебе – мордами… Я не знаю, сколько их будет – один, двое или трое. Если больше – вряд ли что-то получится.

– Я не смогу есть здешнюю жратву! У меня от нее будут колики! – вскричал гаер драматически. И шепотом: – Получится. Я вас понял, мастер Волк… Я отвлеку, сумею, есть у меня безотказный прием – поверьте, все ко мне повернутся и удивятся безмерно; да, безмерно удивятся… Как только повернутся – бейте в затылок со всего маху своей вещичкой. У людей косточки хрупкие… Убейте с одного удара самого сильного, а остальных как сможете, но самого сильного обязательно убейте… Я отвлеку и помогу. А этот? – кивок на лже-Бернхотта.

– Хорошо что напомнил. Ты уверен, что сейчас нас не подслушивают?

– Не подслушивают.

– И еду пока не несут?

Шутейник покрутил головой.

– Жрачку разносят в другом коридоре, тушеная капуста, кажется, и супчик из свинских помоев… Но скоро будут у нас.

– Я должен поговорить с лицедеем. А ты – слушай вокруг, скажешь, когда пойдут к нам.

Хогг кивнул:

– Сделаю.

Я быстро подошел к лже-Бернхотту, стал коленом на топчан, кастет уже на пальцах, но пока спрятан в кармане.

– Настоящий Бернхотт – жив?

Глаза – ртутные шарики – выкатились на меня в изумлении. Брякнули цепи.

– Ты, жалкий прихвостень Ренквиста, явился, чтобы надо мной измываться! Что ж, мучай! Но от меня более ты не услышишь ни слова!

Актер он был все же неплохой, но его здорово выдавали пафос и хорошо поставленная, рассчитанная на театральную сцену речь.

Я схватил его за бороду и отодрал с треском. Лже-Бернхотт отпрянул с воплем, но я настиг, двинул кастетом сбоку в челюсть. Бил, конечно, несильно, чтобы не сломать кости: в этом случае я не смог бы допросить провокатора.

– Настоящий Бернхотт – жив?

Лицедей стонал, мешкал с ответом. Я ударил его под ребра

вполсилы.

– Ап!.. Ап!.. – Он начал заглатывать воздух, под выпученными глазами мгновенно вздулись жилки.

Я дал ему время отдышаться и продемонстрировал кастет.

– Бернхотт?..

Он сфокусировал на мне подернутый болью взгляд.

– Жив…

– Где он? Здесь?

– Да… Да-да-да!

Я снова ударил под ребра. Жестоко, но нельзя давать опомниться, собраться с мыслями и подумать, что Ренквист-то не пожалеет, когда узнает, что его провокатора допросили, и тот все и выложил.

– Знаешь, где именно?

– Да!.. Хр-хр-хр… Водили к нему, чтобы я… хр… запечатлел… образ, с которым должен работать… Хр-хр-хр… От двери каземата – направо по коридору, и дальше, дальше, за кордегардией… Хр… Но в кордегардии стража, стража!

Ох, Торнхелл, попал ты… Завел игру, в которой выигрыш почти невозможен. Но теперь путь один – вперед. Дашь слабину – помрешь. Основательно так помрешь – с концами. Один раз уже помер – на Земле, а теперь, стало быть, повторно; и эта смерть будет уже окончательной.

– Много?

– Что? Хр… Хр…

– Стражи много там?

– Как когда… Не знаю точно… Хр… Три… семь человек… Сейчас время кормежки – разошлись, наверное… Да-да-да, обязательно разошлись, и вы прорветесь, вы сумеете!

От него начало гнусно вонять потом – тяжелый густой запах до безумия испуганного человека.

– Где за кордегардией конкретно?

– Третья дверь справа.

– Если солгал – вернемся и убьем.

Он подобрал ноги, сбился на топчане в едва видимый ком, воняющий страхом.

– Не… не надо!.. Я сказал правду! Правду!

– Если соврал, лицедей, вернемся и удавим тебя цепью.

– Я не лгал! Ренквист принудил меня к этой игре!

– Играешь ты плохо. Тонешь в пафосе.

Он залопотал что-то униженно-возмущенное.

– Ша! – Это уже хогг. – Мастер Волк! Через минуту они будут у нас.

Я схватил бороду – хорошую, надо сказать, из человеческого

волоса, а не из мочалки – и запихал в рот лже-Бернхотту.

– Сиди и молчи. Один звук – и я проломлю тебе башку вот этим! – и показал ему кастет баклера.

Он заскулил, не пытаясь, впрочем, выплюнуть кляп.

Я спешно отпрыгнул от топчана, занял позицию сбоку у двери. С другой стороны стоял Шутейник. Расстояние между нами было метра два с половиной. Как раз хватит, чтобы там расположились несколько человек.

Вопрос – как много их будет?

Взвизгнул замок, отворилась дверь. Вошли трое. Пара стражников, плечистых, стриженных наголо, в мундирах лилового цвета, с короткими мечами у пояса, и человек – кажется, повар – в фиолетовом балахоне. Он тащил за собой грубо сколоченную деревянную тележку, на которой высились два бочонка, курящихся паром с запахом дешевой столовой.

Повар как повар. А стражников Ренквист отправил, чтобы я не вздумал ерепениться: такие мигом скрутят. Оба они уставились на меня пустым рыбьим взглядом. Я прошелся по каземату с несчастным видом, подволакивая ноги. Повар, кряхтя, перевалил колеса тележки через приступку и потащил варево к топчану.

Шутейник вскинул на меня тревожный взгляд, мазнул глазами по стражникам и повару, и вскричал:

– Ой, кушаньки принесли!

Трое… Это лучше, чем четверо. Справимся.

Наверное, справимся. Я начал перемещаться в сторону двери.

В своем углу завозился лже-Бернхотт. Вскрикнет? Предупредит?

Я поймал взгляд гаера и кивнул.

Шутейник взвизгнул на высокой ноте и крикнул – однако не пронзительно, а так, чтобы слышали лишь те, кто находился в каземате:

– А вот что у меня есть! Смотрите на мою незабвенную!

После чего круто развернулся задом к стражникам, нагнулся и махом содрал до колен штаны вместе с исподними портками.

Могу сказать, что задница у него были исключительно волосата.

Как и обещал хогг, стражники удивились безмерно, да и я, признаться, тоже. И повар. И даже, кажется, лже-Бернхотт.

Я быстро прикрыл дверь, чтобы звуки борьбы не разнеслись по тюремным коридорам, выхватил кастет и, примерившись, врезал самому плечистому стражнику по загривку.

Хруст. Стражник молча повалился лицом на камни.

Повар что-то вскрикнул.

Второй стражник отскочил, круто развернулся, пытаясь выхватить меч, но Шутейник кинулся ему в ноги, сбил, и оба, сцепившись клубком, закружились на каменном полу.

Я метнулся к повару и приложил его кастетом по лбу. Увидел, как стальной край рассек кожу, как брызнула кровь.

Повар отлетел к топчану. Я замешкался, прикидывал, добавлять или нет, и за это время первый караульщик успел подняться: Шутейник, путаясь ногами в спущенных штанах и портках, болтался на нем, как терьер, ухвативший за горло медведя. Стражник пытался отодрать его одной рукой, а другой нашаривал на боку меч.

Я подскочил, ударил с размаха в висок – раз, другой, затем и третий. Лишь после третьего удара караульщик, закатив глаза, осел на камни. Вокруг его головы мгновенно распространился кровавый ореол.

Жестокая расправа; а будет еще жестче, когда мы прорвемся в кордегардию. Мне внезапно пришло понимание: я должен буду убить всех людей Ренквиста, кого встречу на своем пути, и от этого понимания стало по-настоящему страшно. Но пугался я лишь какой-то частью разума, прочий рассудок мой был собран, холоден и готов к драке.

– Меч, Шутейник!

– Сначала штанишки! Оп-па! Ну, мастер Волк, я же говорил: имею я безотказный приемчик. Всегда работает, когда надо, чтобы на тебя внимательно посмотрели, даже удивительно… Бывает, сочинил песенку о любовном томлении души, ночей не спал – рифму к рифме складывал, спел – всем плевать. Но стоит сбросить штаны…

Трансгрессивное искусство, дорогой мой хогг, вроде публичной демонстрации менструации или прибивания к земле собственной мошонки, всегда привлекает толпы народу. Людям кажется, что они смотрят на идиотов, хотя на деле – они в кривом зеркале видят себя.

Я вытащил меч из ножен покойного караульщика, хогг завладел вторым клинком, совершенно по-кошачьи скакнул к топчану и добил повара, всадив меч с левой стороны, под лопатку. Посмотрел на меня:

– Лицедей?

– Нет, оставь… Я обещал. К тому же, если он соврал насчет Бернхотта, мы вернемся…

Актер что-то заблеял из закутка. Глаза его затравленно блестели.

Мое сердце выплясывало старинный моряцкий танец – кажется, он назывался джигой: весело так, с огоньком,

переворачиваясь через каждые пять – десять ударов.

Я подошел к двери и поманил хогга. Сказал тихо:

– После завтрака барон должен явиться по мою душу. И выхода у нас два…

– Спереди и сзади?

– Оба сзади, если не прихватим с небес толику удачи. Дождемся барона и прикончим. Не думаю, что стражи с ним будет много – он мне уже доверяет. Убьем его – и здесь все рассыплется… Вся его чертова власть рухнет в момент карточным домиком. А? Откуда знаю? Знаю, барон не первый такой умник… Замкнул всю власть на себя, без его ведома пикнуть боятся… Если открутить ему башку – тут все в панике будут… Я бы еще пожар в замке устроил… Под шумок мы бы освободили Амару и Бернхотта, и сбежали. До границы отсюда как будто близко?

Хогг смотрел на меня неотрывно. Совиные глаза стали жесткими.

– Мили три, мастер Волк. Близко. Но вы совсем не умеете сражаться на мечах и шпагах. Охраны у Ренквиста может быть и пять, и шесть человек… И это не тюремщики, а опытные бойцы. Нашинкуют нас… Вы уж как хотите, но давайте второй ваш план.

– Второй не лучше. Прорвемся через кордегардию. Если получится – освободим Бернхотта… А затем Амару. Сын герцога наверняка знает тут все переходы, уж точно не хуже здешних держиморд, а может, и лучше… Напялим мундиры стражи и попытаемся удрать. Пожар… под вопросом. Если зажжем в подземелье – народ, что сидит по камерам, задохнется…

– Обязательно задохнется, мастер Волк. Пожар – это на край… Или, коль уж поджигать, – так сам замок… Придется наверх прорываться с тарарамом. Да, поджигать надо, безусловно, мысль светлая, как сам костер, но петуха пустить надо наверху, в жилых покоях.

– Значит, идем через кордегардию?

– Вы как хотите, но это лучше, чем барона дожидаться.

И мы пошли. Кастет баклера был на левой моей руке, меч – в правой. Рукоятка скользила от пота – чертовы нервы… Но сначала я подобрал ключ к собственному узилищу, запер его и обломил ключ в скважине. Отлично. На какое-то время это задержит Ренквиста, если он явится раньше, чем мы обделаем свои делишки. А то что дверь не пропускает звуки в обе стороны – вообще замечательно. На то, чтобы отыскать слесаря и вскрыть замок, потребуется куда больше получаса.

В узком коридоре красноватым трепещущим светом тлели лампы. Я оглянулся и увидел ряд тяжелых дверей. Да, звукоизоляция тут приличная… Впереди такие же двери между

блоками темной кирпичной кладки, покрытой щербинами. Даже не знай я направления, кордегардия отыскалась бы по кислой капустной вони и запаху супчика из свинских помоев. Вот она, за следующим поворотом, ярко освещена…

И тут на меня снова нахлынуло понимание: я должен буду убить всех, кого встречу в караулке. Иначе ничего не выйдет у меня: те, кого я помилую, очнутся, поднимут раньше времени шум. Бить надо наверняка. Бить надо так, чтобы убить. И чтобы никто не удрал.

Белек, лучше бы ты оставил меня в мире Земли – покойником. Я не уверен, что снесу груз убийств, который ложится на меня раз за разом.

Внезапно мне ужасно захотелось кофе, просто чудовищно захотелось. Душа, разум – называйте как хотите – помнили все удовольствия мира Земли, и именно в этот самый миг перед убийством возжаждали вкусного капучино из кофемашины. Именно его я пил, решая очередную задачку очистки финансового Эвереста.

Из-за поворота, откуда на стену коридора падало световое пятно, слышался задушевный разговор: в кордегардии трындели о чем-то легком, стучали ложками по жестяным тарелкам, хлюпали чем-то сытным, смеялись.

Я мигнул Шутейнику. Он спокойно кивнул и провел ногтем по шее – интернациональный, межмировой жест. Лицо его было собранным. В отличие от меня, он не испытывал сантиментов.

Я облизнул губы, представил чашку капучино, налитую до краев, и прыгнул за поворот.

Тяжеломордые стражники сидели за деревянным столом и жрали суп из мисок. В глаза бросились большая керамическая тарелка с грубо нарезанными ломтями хлеба и мелкий таракан, ползущий меж связок ключей на стене.

Тюремщиков было четверо. Я ткнул ближайшего острием в бок, с размаха, а Шутейник вонзил меч в спину своей жертвы. Пока я пытался извлечь свою железку, скользя вспотевшей ладонью по грубому эфесу, хогг расправился еще с одним стражником. Последний из четверки успел вскочить и выхватить оружие; пинком отбросил гаера к стене и направил острие ему в голову. Я оставил меч в теле жертвы и метнулся к обоим. Стражник хекнул, опуская меч, но хогг проворно укатился в сторону. Я ударил кастетом, но мне попался тертый калач: он ушел с линии удара, и попытался достать меня клинком. Теперь уже я отскочил. Стражник рубанул с плеча, благо высота потолка кордегардии позволяла. Я подставил кастет под удар… к руке, так показалось, на миг подвели кабель на тысячу вольт. Охнуло

болью запястье. Глаза противника сузились: он атаковал, пытаясь теперь колоть, а не рубить. А я начал быстро пятиться, ибо отбивать колющие удары мне было нечем. Так мы снова выбрались в коридор, где мне предстояло принять смерть от меча.

…Шутейник возник за спиной стражника – секанул его под левую коленку, старательно высунув язык, будто сочинял новую песню, а затем кольнул в область селезенки. Глаза караульщика вздулись от боли, он пошатнулся. Я прыгнул и сбил его ударом в висок, хотя это уже было не нужно – удар гаера был смертельным.

Шутейник оглянулся, отступил в тень и прислонился к стене. Порез на его лбу окончательно лопнул, крупными каплями сочилась кровь, черная в полумраке.

– Ну и все… вроде как. Ох ты ж, круто мы зарядили…

Оба мы тяжело дышали. Джига в моей груди продолжалась, кровь колотилась в затылок. В караулку мы вернулись медленным шагом и забрали все ключи со стен и две заправленных лампы. Я обратил внимание, что ключи откованы грубо, кое-как, хотя и блестят от того, что их все время прокручивают в замках казематов.

Лицедей не солгал: Бернхотт был за третьей дверью справа, в тесной одиночке, где тлел съеженный огарок свечи и воняло прелыми тряпками.

– Э?.. – позвал он хрипло голосом многолетнего абстинента, едва мы возникли на пороге. И сразу, звякнув миской: – Да вы не от Ренквиста! – Он с шумом принюхался. – Свежая кровь… Уберите этот чертов свет, мне режет глаза! Кто вы, добрые путники? С чем пожаловали? Если с хорошими вестями, то для начала я хочу пива!

– Шутейник, следи за коридором.

Я подошел к топчану и направил свет в глаза узника, от чего тот прикрылся грязной ладонью. Он выглядел точной копией лже-Бернхотта, только не кашлял, как будто. Ржавая цепь поднималась к шее, теряясь в зарослях волос.

Я дернул Лирну-младшего за косматую, пегую от грязи бороду. Она держалась прочно.

– Эй, ты что, ополоумел?

Я подкрутил железную фрамугу на лампе, уменьшая поток света.

– Здесь уже есть один Бернхотт Лирна. Актер. Ренквист определил его работать провокатором.

– Вот как? – Внимательный взгляд с прищуром. – Я не удивлен вообще-то… Помню, приводили какого-то дурачка… Убили его, надеюсь?

Я пожал плечами. Наверное, лицедей уже не жилец. Ренквист не простит ему ошибки. А настоящий Бернхотт держался хорошо, несмотря на изможденный вид и трухлявые лохмотья – некогда богатые, прошитые золотом одежды; есть такие люди, которых не может сломить вообще ничто, они будут упорствовать до последнего, а потом просто умрут, но никогда, ни за что не покорятся врагу. А если такой человек станет другом и соратником – ты на полпути к победе.

– Мы в затруднительном положении, Бернхотт. Я хочу освободить свою подругу, но как затем бежать из этого замка – в точности не знаю. Ты нам нужен.

Он вскочил, бряцая цепью, молча отобрал у меня заляпанный кровью клинок и просунул острие под бороду.

– Я помогу. Под этим подвалом имеются каверны…

– Знаю, мне пришлось там побывать… милостью барона. Туда определяют на смерть «вредных людей» и таких людей, волю которых необходимо сломить.

Он щелкал клинком, видимо, отжимая заклепки на ошейнике, и вполголоса поминал каких-то ашаровских матерей.

– Это наши, фамильные подземелья и фамильный склеп для упокоения… Моего отца там, конечно, нет… Ренквист не удостоил чести… Ладно. Точное расположение ходов знали только мы с отцом. И всё. В склепе есть тайный коридор, для бегства… он древнее, чем сам замок… Отец не поспел туда, вы – поспеете.

Мы?

– А ты что же?

– Я покажу вам путь, а потом вернусь и убью Ренквиста, ко всеобщей радости и благорастворению.

Ну, это никуда не годится…

– Нет!

Я выхватил меч из его рук и отступил. Он дернулся ко мне, я еще отступил по росистому полу… и так, пока он не отошел от стены на всю длину цепи.

– Эй, кто ты там… Отдай меч! Отдай, добром прошу и честным словом Лирны. – Его руки дрожали: я отнял у него свободу в шаге от выхода. Более того: я отобрал у него право на месть.

– Ренквист повсюду с охраной. А ты слаб. А мне нужны верные люди. Верные. Понимающие. Такие, к которым я могу повернуться спиной.

Он опустил руки. Смотрел на меня внимательно.

– И кто ты есть, человече?

– Меня зовут Аран Торнхелл. Я – герцог и будущий

архканцлер Санкструма. Меня выбрал Коронный совет. Если ты принесешь мне клятву верности – настоящую клятву, я помогу тебе вернуть земли Лирны. Ты человек благородный, я вижу, и от клятвы не отступишь. Мне нужны будут люди в Нораторе для больших, серьезных дел.

Шутейник заглянул в камеру:

– Ладушки-воробушки!.. Мастер Волк, так вы – новый архканцлер? А мне-то и не сказали!

– Ну… зато теперь сказал.

Бернхотт выругался витиевато и грязно, совсем не по-благородному.

– Твою мамашу… Ты – новый архканцлер? Тюремщики говорили, что было их уже несколько… Все умерли, всех убили.

– Все мы смертны, Бернхотт. И все боимся смерти. Ну и плевать… Меня призвали сюда для работы… И я буду работать на благо этой страны, пока… В общем, буду работать. Поклянись в верности будущему архканцлеру Санкструма, и я верну тебе меч.

Он мог бы заартачиться, начать шантажировать меня хотя бы тем, что не покажет тайного хода, но не сделал этого. Смерил меня быстрым взглядом и упал на колено.

– Приношу клятву верности архканцлеру Торнхеллу. До тех пор, пока его действия будут направлены на благо Санкструма, я буду следовать за ним, стоять с ним плечом к плечу в любой битве и, если понадобится, заслоню его от смертельного удара!

Хитер… Оставил себе все же лазейку. А если решит, что мои действия не идут во благо стране?.. Впрочем, нет времени разбираться в этой казуистике. Я помог ему встать, протянул меч и взамен надел на правую руку кастет. Герцог Лирна-младший, ковыряя заклепки, удивленно расширил глаза:

– Подлое оружие!

– Кончай эти благоглупости, Бернхотт. Нет подлого оружия, есть подлые люди. Шутейник, все тихо?

– Пока да.

– Нам придется изловить тюремщика… если они тут еще остались живые, и узнать, где держат Амару.

– Это вовсе не обязательно, мастер Волк. Главное нам – на этаж выше подняться. Я учую вашу подругу.

– Даже сквозь стену?

– Особенно сквозь стену.

Богат умениями хогг! Но Амара мне не подруга. Она… боевой соратник, которому я обязан жизнью. А своих людей я не бросаю ни при каких обстоятельствах, и это не благородство, это константа, которая позволяет мне оставаться нормальным человеком.

Бернхот издал вздох облегчения и скинул ошейник вместе с цепью.

– Спасибо, мессир! О-о-оххх… И все-таки, прошу дозволения еще раз – можно ли мне остаться и убить Ренквиста?

– Нет. Я отдам тебе его жизнь не раньше, чем укреплюсь во власти. И я еще раз повторю: я всемерно буду способствовать восстановлению справедливости в отношении тебя и твоих земель. Не заставляй меня повторять это еще раз, Бернхотт!

Лицо герцога исказилось в гримасе – так он улыбался сквозь косматую бороду: не безумно и не яростно, а вполне себе одобрительно, будто и не ожидал услышать от меня других слов.

– Я верю вам, господин Торнхелл. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы присмотреть себе что-то из обувки с одежонкой. Негоже наследнику земель Лирны бегать в облачении юродивого.

Я показал пальцем:

– В кордегардии. Но торопись.

– Я быстро… О боги, неужели я вскоре смогу побриться и выпить пива?

И он ушел, так и не отдав мне меч.

Глава 25

Этажом выше стены были в известковой побелке. Барон деятельно перестраивал подземелье, что-то расширял, доделывал, ставил решетки. Виднелись проломы в кирпичной кладке, за которыми находились еще помещения – темные, воняющие прелью и крысиной мочой, зачастую перегороженные невысокими кирпичными же барьерами, с какими-то цепями, свисающими с тяжелых каменных балок. Обломки старой мебели в углах, тут и там кирки и заступы. И такие же молчаливые двери, окованные бронзой. И никаких окон или хотя бы световых колодцев, но воздух гораздо свежее, чем внизу.

Бернхотт впереди, вооруженный сразу двумя клинками, ругался вполголоса на тесную обувь, поводил могучими плечами в лиловом мундире, я слышал, как трещит ткань. Отсидка и тюремные харчи не повлияли на могучий костяк, с малолетства развиваемый военными упражнениями, и поскольку истинная сила сокрыта в сухожилиях, а не в дурном мясе, я знал, что герцог по-прежнему силен, хотя, конечно, и не так, как до заключения. Я шел за ним с лампой в руке. Шутейник – замыкающий, тоже с лампой и мечом. Ах да: обломки лютни, «первой своей женщины», он нес с собой завернутыми в снятую с тюремщика рубаху.

– Амара?.. – коротко спросил я его.

– Пока не слышу…

Мы миновали перекресток коридоров.

– Мессир!

– Да, Лирна?..

Герцог замер, болезненно щурясь от света лампы, ткнул кончиком меча вперед:

– Главная кордегардия. Единственный выход отсюда в мой замок.

Я увидел часть помещения со скругленной стеной и выходом на спиральную лестницу, ведущую к свободе. Тускло светила лампа. Громоздкие тени двух человек перемещались по полу. Если кто-то выглянет в коридор…

Тюремщики вполголоса спорили о вкусе тюремного супа. Один лениво говорил, что суп похож на варево из костей и шкур бешеных собак, мол, он знает, каковы на вкус собаки, другой сыто утверждал, что ничего так суп, есть можно, если забить в нос тряпки, и не собаки в супе, а вроде бы тухлые кролики. Первый посоветовал заткнуть не только нос, но и хлебало и вливать суп в задницу через воронку.

Высокодуховные разговоры после трапезы…

Гаер протолкался вперед и сказал вполголоса:

– Амара – дальше.

Бернхотт взглянул на меня вопросительно:

– Мессир? Я справлюсь.

Я кивнул, ощущая вину: сбрасываю на другого груз пролития крови, одновременно чувствуя радость, что мне хотя бы пока не придется никого убивать.

Слова у герцога не расходились с делом. Он бесшумно переместился к караулке и метнулся туда прыжком, только блеснуло оружие.

Тихий лязг, вскрик, перешедший в бульканье… отлетел в нашу сторону и запрыгал по полу табурет. Бернхотт выглянул в коридор и помахал клинком.

Мы вошли. Герцог упокоил троих, они валялись в проходах меж двух больших столов. На одном миски с остатками завтрака, а на другом – о, я не ожидал! – аккуратно разложено мое имущество. Шпага, пустой кошелек, поясная сума, и все мелочи, включая стаканчик с игральными костями… только шляпы нет – потерялась шляпа. Имущество, несомненно, планировалось возвратить мне по выходе из подземелья.

Шутейник указал на боковой коридор:

– Амара там. Мастер Волк, скорее, наверху шевеление!

Я глянул на стрельчатый проход, ведущий к лестнице, явственно услышал лязг отодвигаемой двери.

Ренквист явился за своей «куклой».

Я бросил перевязь со шпагой через грудь, сгреб в сумку все имущество, застегнул на поясе. Затем мы сорвали со стен связки ключей.

– Бернхотт, держи выход. Держи сколько можно.

Герцог спокойно кивнул, страшная ухмылка проявилась в пегой бороде. Мечи в его руках скалились кровавыми потеками.

Мы ринулись в боковой коридор, помчались вдоль одинаковых дверей по тусклым, бесконечным, как мне казалось, коридорам. Сердце снова рвалось из груди.

Ренквист, урод, запихал Амару Тани в другой конец подземелья… А если он ее посадил на цепь? Потребуется время, чтобы снять ошейник, а времени как раз нет совсем…

Шутейник вдруг замер, указал на дверь:

– Здесь, мастер Волк!

Мы лихорадочно начали подбирать ключи из связок. Сначала я – потом гаер, и наоборот. Повезло Шутейнику, замок тихо щелкнул. Я ударил плечом, вломился в каземат, размахивая лампой, полоснул клинком света по стенам. Крохотная одиночка. Амара сидела на топчане, подобрав босые ноги, и смотрела

внимательно, без малейших эмоций. Узнала меня: брови иронично взметнулись:

– О!

Похоже, она будет изображать сарказм даже на смертном одре.

Я поднял лампу: нет, Ренквист не заковал Амару в цепи, по крайней мере на теперешний момент.

– На выход!

– О!

– Быстрее – рядом Ренквист!

Она мгновенно вскочила, натянула сапоги. Гуськом мы бросились к кордегардии. Там было шумно, звенело железо, слышался азартный рев Бернхотта. Он был упоен боем и кровью, убивал тех, с кем давно хотел сквитаться.

Я поставил лампу и вытянул шпагу. Заглянул в караулку. Лирна-младший успел расправиться с двумя телохранителями барона, и теперь дрался еще с тремя, размахивая мечами с великим умением и резвостью, чего все же нельзя было ожидать от человека, который пять лет провел в одиночке. Злость придавала ему силы, жажда мести пробудила боевые умения. Он перегородил караулку столами так, что от арки входа-выхода к нему вел только достаточно узкий проход, и он стоял в нем и отражал удары более длинных мечей телохранителей барона. Сам Ренквист маячил у арки, лицо его все еще отражало изумление.

Увидев меня, он впечатлился еще раз, да столь глубоко, что выхватил собственную шпагу и двинулся к нам. Не робкого десятка поганец.

Я встал позади герцога и ударил через его плечо, благо длина клинка позволяла. Мой удар достал телохранителя под ключицу, тот отпрянул с руганью. В этот момент меч Лирны развалил башку второму ублюдку. Тут в дело вступил Ренквист. Мы скрестили шпаги над левым плечом герцога, клинки скрежетнули друг о друга. В кино все это выглядело куда изящнее… Я провернул шпагу вокруг клинка барона и скорее чудом, чем умением, клюнул Ренквиста сбоку в шею. Брызнул кровавый фонтанчик – счастливая мечта Дракулы. Барон отбросил шпагу, зажал рану и устремился наверх, грохоча сапогами. Последний телохранитель перекрыл арку выхода, и Бернхотт сшибся с ним, яростно напирая, но тюремная слабость взяла свое, ноги его вдруг подкосились, герцога повело, и он прислонился к столу, бросив руки с мечами вдоль тела, а затем просто начал сползать на мощенный грубым камнем пол.

Прислужник Ренквиста что-то выкрикнул, не соображая уже ничего в боевом азарте, надвинулся, но я совершенно деревянным

жестом выставил шпагу, и он нанизался на нее всем телом где-то в области желудка.

Подбежала Амара и добила его, куда – я уже не смотрел, просто ощутил, как погрузнело тело противника, как откачнулось, снимаясь со шпаги.

Наверху хлопнула дверь. При этих звуках Бернхотт очухался, встал, шатаясь, направился к арке.

– Поздно. Назад! Назад, я сказал!

Бернхот послушался нехотя, оглянулся и повел налитыми кровью глазами. Раненный мною телохранитель сидел у стены, зажимая кровоточащее плечо. Герцог молча и быстро ударил его острием в сердце.

Если Ренквист успел правильно зажать рану, он, увы, выживет, но есть шанс, если я не ошибаюсь, конечно, ибо профан в медицине, что дырка в сонной артерии успела всосать достаточно воздуха, и тогда барон очень быстро умрет от эмболии: пузырь воздуха в крови устроит веселые забавы с его сердцем либо мозгом.

Но я чувствовал, что барон выживет. Такие люди обладают повышенной плавучестью, как известная субстанция, и умудряются всплывать в самых невероятных обстоятельствах и чрезмерно удивлять этим людей.

– Что же дальше, милый господин? – спросила Амара с любопытством.

А я тупо смотрел на шпагу, по которой стекали тягучие, вязкие капли. Полагается ее отереть, кажется… Не совать же оружие грязным в ножны? Или совать?

Шутейник понял мои затруднения, отобрал шпагу и начал деловито обтирать клинок об одежду покойника, и делал он это с такой подкупающей простотой и искренностью, словно занимался этой обыденной работой каждый день. Совершенно другая психология, другое восприятие жестокости… Вернее, так: тут из жестокости не делают фетиш или трагедию, это необходимая вещь для выживания, не более. Все эти философские метания про тварей дрожащих или право имеющих – они появятся потом, на другой стадии экономического развития, с появлением большого количества городской интеллигенции, развития идей гуманизма. В Средневековье же таких философов просто посчитают блаженными и походя размажут по стенке.

Я присел на стол, пытаясь разогнать сумрак перед глазами.

– Амара, это Бернхотт Лирна, истинный владелец этого замка.

– О!

– Это Амара Тани, моя… подруга.

– О! Я – Амара Тани, его… подруга! – Судя по голосу, она улыбнулась Бернхотту своей коронной, сносящей с ног щербатой улыбкой.

Бернхотт пролепетал что-то непонятное. Угу, не каждый день увидишь рябую беззубую девицу, которая управляется с мечом едва ли хуже, чем ты.

– Так что же дальше, милый господин?

Я поднял голову, которая вдруг стала весить за сотню кило, нашел взглядом Бернхотта и кивнул:

– Дальше – вниз. Он знает куда.

Далеко наверху осторожно скрипнула дверь.

Я приложил палец к губам, подошел к арке и выкрикнул свирепо:

– А-а-а, подходите, негодяи! Мы готовы к смертному бою и просто так не дадимся! Мы уже выпускаем узников и устроим вам большой праздник, так что подходите, подходите скорей!

Это задержит их ненадолго. Они не рискнут наступать малыми силами, а пока будут собирать подкрепление, мы уйдем подальше.

– Теперь вниз. Бернхотт, на тебя вся надежда…

Мы спустились на нижний уровень, миновали кордегардию, Бернхотт шел впереди, за ним я и Амара, Шутейник – замыкающий. Пол стал наклонным, влажным, кирпичные стены сменились каменными, грубо тесанными. Я вспомнил, что этим путем меня вели, подняв из каверны в деревянной клети, хотя я не особо смотрел по сторонам – все переваривал свои ощущения от тьмы и встречи с удивительной собакой.

– Стойте! – вдруг выкрикнул хогг. – Слушаю… – пояснил он. – Ага, вот! Они уже в первой кордегардии, осторожничают, крадутся как мыши, ждут подвоха… Но скоро поймут, что да как.

Мы пустились легкой рысью.

Помещение с клетью было округлым, высоким, с крестовиной тяжелых балок на потолке. Большая, хорошо смазанная вороненая лебедка у края колодца, ее радиус составляет, пожалуй, метра четыре.

Я подошел к краю по бугристому полу и, подкрутив фрамугу, посветил. Клин света терялся в мрачной глубине, однако теперь я различил естественную слоистую текстуру стен колодца. Его не пробивали, это был сенот, естественный карстовый колодец, провал в пещеры. В похожий сбрасывали жертв кровожадные майя. А вел он конечно же в личную преисподнюю Ренквиста.

– Шибальба… – прошептал я.

Барон имел личный ад, свою Шибальбу, где, в точности как в преданиях майя, тело расставалось с душой посредством пытки

тьмой и страхом.

– Амара, Шутейник – в клеть!

Они заняли места не прекословя. Бернхотт уложил туда же свои клинки.

– Они уже на этом этаже, мастер Волк!

Мы начали крутить лебедку, взявшись за тяжелые отполированные рукоятки. Клеть устремилась вниз. Меня терзал страх. Успеем ли спуститься сами? В этом помещении, где звуки разносятся так гулко, нет двери, и мы не сможем забаррикадироваться.

Бернхот крутил с пыхтением, слабость все же брала свое. Сколько ему понадобится времени, чтобы восстановиться, войти в полную силу? Хорошо хоть не кашляет туберкулезно, как лицедей…

Клеть спускалась больше минуты. Наконец снизу крикнули, что можно поднимать. Мы начали крутить рукоятки как бешеные. Мне уже казалось, хотя это была иллюзия, что я слышу лязг и грохот воинов Ренквиста, вижу отсветы фонарей на стенах наклонного коридора.

– Полезайте, мессир!

– А ты?

– Я заклиню механизм и спущусь по цепи. Скорее!

Я занял место в клети. Слоистый покров стен сенота устремился ввысь. Шибальба приняла меня в прохладные тленные объятия, растворила в сумраке, который, впрочем, быстро рассеял клин света снизу.

– Милый господин?

– Мастер Волк?

Я был рад слышать их голоса. Далеко вверху виднелся световой круг. Вот его заслонила тень: к нам по цепи спускался Бернхотт.

Он спрыгнул, тяжело пошатнулся, но я придержал его за плечи. Тут же над головой послышались крики, заметались тени. Кажется, я различил голос Ренквиста. Вот неуемный мерзавец! Ему плевать на опасную рану, ему нужно достать нас!

Цепь содрогнулась, ее явно пытались накручивать лебедкой, но клеть осталась неподвижной. Бернхотт, как и говорил, заклинил механизм.

Круг света наверху закрыла тень. К нам, понукаемые воплями Ренквиста, спускались незваные гости: двое… нет, трое…

– Дурачье, – выдохнул Бернхот. – Отойдите, мессир. – Он дождался, пока фигура в лиловом мундире спрыгнет на пол колодца, и ударил мечом куда-то в шею. Еще один стражник прыгнул рядом с клетью и был поражен ударом в бок. Третий

замешкался, увидев, что происходит, но, понукаемый воплями, соскочил на дно колодца, как лемминг навстречу собственной гибели.

– Жаль, что отец не сумел бежать сюда в ту ночь… – проронил Бернхотт сумрачно. Наверху установилась тишина. Несколько человек, словно грифы на скалах, смотрели на нас, обступив края сенота. Один из них – наверняка Ренквист. У него хватило понимания, что посылать солдат на верную гибель бессмысленно. А вот когда он придумает принести несколько канатов и одновременно спустит по ним солдат – вот тогда нам придется туго. А он придумает, он сметлив, этот дьявольский гений. Но к этому времени мы должны сбежать.

Так и получилось.

Глава 26

– Ах эта провинциальная буколика, до чего она утомляет! – Шутейник привстал с сидушки и потыкал заостренной ореховой палкой сперва в одну воловью задницу, потом в другую. Задницы были обширные, обтянутые капитальной темно-коричневой шкурой в следах от укусов слепней и каких-то цыпках.

Рогатые отозвались унылым мычанием, их запыленные копыта били в дорогу с прежней усыпляющей размеренностью.

Амара, идя сбоку повозки, высказалась в том смысле, чтобы Шутейник не слишком дырявил шкуры, дескать, раны волов на таком солнце загниют, в них заведутся черви, и затем придется расстаться со скотиной, ибо лечить ее негде.

Никакого сострадания по отношению к животным – чистый и грубый, максимально жесткий практицизм, направленный на выживание человека.

– Ага, – сказал хогг, оттянул повязку на лбу и почесал синюшный, уже подживающий шрам от удара кружкой. – Тыкать палкой в задницу – это, конечно, подло, но без этой подлости наши волы, по-моему, вообще не идут.

– Аталарда уже близко, – сказала рябая проводница, вытянувшись в струнку и вглядываясь в даль. – Дальше попробуем идти вдоль ее русла… Мы и так уже изрядно запетляли свой путь, как трусливые кролики на капустном поле… Барон вряд ли теперь отыщет наш след…

– Уха – это великолепно! – прогудел Бернхотт из-под навеса. Рот его был, как обычно, набит какой-то снедью, а все мысли вращались вокруг еды и, разумеется, выпивки, которой мы все еще не могли разжиться.

– Вдоль Леса Костей пройдем? – поинтересовался гаер.

Амара кивнула.

– Ну не через лес же нам ехать… – подумала и добавила себе под нос: –…Хотя через лес путь выйдет короче…

Угу, от эльфийского леса до Норатора – двадцать миль. А в обход – я успел узнать – около сотни.

Я сидел рядом с Шутейником и уныло смотрел, как вол, оттопырив хвост, начал посыпать колеи дороги пометом.

Волы – основательные, но ужасно медлительные животные. Они способны двигаться долго размеренным неторопливым шагом, увлекая за собой значительный груз и не интересуясь ничем, кроме бесконечной травяной жвачки. Бык становится волом после кастрации и, поскольку холощение устраняет интерес к основным радостям бычьей жизни, начинает

отращивать рога и, как ни странно, мускулы, превращаясь в огромное, выносливое, но совершенно инертное существо.

Такая пара волов нам и попалась: широкогрудые, с серыми загнутыми рогами, блестящими глупыми глазами, они тянули крытую рваным брезентом шаткую и скрипучую повозку по разбитым колеям проселка несколько дней подряд.

Меньше недели до лунного затмения.

Меньше недели на то, чтобы достичь Норатора.

Меньше недели на то, чтобы взять мандат в храме Ашара.

В груди моей поселился тяжелый, распирающий клубок.

Не знаю, где Амара раздобыла повозку с волами, но, когда она вернулась с упряжкой, на щеке алел свежий порез. Подозреваю, она получила транспорт с помощью денег Лирны, доброго слова и меча, а может, и только с помощью меча. В любом случае я был в неоплатном долгу перед нею.

Бегство из Шибальбы запечатлелось в моей памяти обрывками. Помню, как мы петляли по скользким от влаги переходам вслед за Бернхоттом и как он привел нас в невысокий зал, стены и потолок которого явно были обработаны каменотесами. В глубину тянулся двойной ряд саркофагов из багряного камня – с простыми, неузорными стенками, крышки со всех сброшены, разбиты. Ренквист, очевидно, обыскивал упокоения, вынимал погребальные одежды, золото, дорогое оружие и украшенные каменьями чаши, или что там еще обычно кладут в могилы сановных особ как долгосрочный вклад… Свет ламп выхватил из тьмы мертвеца: человек в салатовой робе валялся на полу лицом вверх, прикованный к стене на короткую цепь, глаза раскрыты, в них навечно застыло выражение глубокого страдания. К моему горлу внезапно подкатил ужас, ведь это и я мог так же лежать в том зале… Пришлось остановиться. Я уперся рукой в стену саркофага и начал делать размеренные вдохи.

Тем временем Бернхот ушел далеко вперед, хрустя битым камнем покровных плит.

– Эй! – позвал он из сумрака. – Помогите. Нужно сдвинуть весь кенотаф…

Кенотаф – гробница-пустышка, обманка без покойника. Однако Ренквист распотрошил и этот саркофаг, крышка из багряного камня скинута и разбита, я заглянул в темное нутро с гладким полированным дном. В другие саркофаги я не смотрел, чтобы не увидеть облезлые черепа предков Лирны.

Я уперся плечом в стену саркофага рядом с Бернхоттом, ощутив – или мне так показалось – легкий запах гниения, витавший в склепе.

Хотя это была, конечно, иллюзия. Тела в разоренных саркофагах давно высохли, гнить там было нечему.

– Дурак искал внутри, но не подумал, что можно сдвинуть целиком!.. – прошептал Лирна-младший. – Налегли!

Массивный кенотаф сдвинулся, скрежет разнесся по подземелью. Обнажился черный квадрат скального коридора с мокро блестящими, грубо отделанными ступеньками.

– Там на крышке изнутри – выемки, чтобы сподручнее браться, – сказал Бернхотт, тяжело дыша. – Спустимся, приналяжем и задвинем обратно. Ренквист – исключительный болван, не сумел найти за пять лет и сейчас не отыщет. Пыль на полу тут не копится, слишком влажно… Наши следы исчезнут очень быстро…

Так мы и сделали. Это был естественный скальный коридор, длинный и узкий, некогда промытый водой, пещера под пещерой, с массой разветвлений. Если бы не знания Бернхотта, мы заблудились бы и пропали. Иногда потолок понижался настолько, что приходилось ползти на четвереньках по влажному полу, буквально протискиваться сквозь бутылочные горлышка сужений. У меня нет клаустрофобии, но даже я ощущал беспокойство – достаточно было подумать о массе камня, нависшего над головами. Но Лирна-младший вел вперед без раздумий, только иногда приостанавливался, щупал стену, отирал пальцами влажный плесневый налет, чтобы обнажить очередную, только ему ведомую указующую стрелку.

Туннель вывел в полуразрушенный храм Ашара в одном из пригородов, под такой же хитро сделанный кенотаф. Барон не привечал ярую веру, и пустынный храм с дырявой крышей показался мне печальным свидетельством глупого нерассуждающего фанатизма. Иногда, насаждая новое, не стоит разрушать старое, его намного проще интегрировать в новый порядок, а барон этого не понимал – впрочем, как и все идейные маньяки.

Под храмовым кенотафом оказался небольшой тайник с золотыми монетами, кто-то из предков Бернхотта держал их на случай вот такого бегства, и они пригодились.

Границу с землями Санкструма мы пересекли через заболоченную низменность, и некоторое время пробирались перелесками, все время ожидая погони. Через два дня Амара раздобыла повозку.

– Не спрашивай, Торнхелл, где я ее взяла, – резко сказала она. – Просто не надо.

В повозке оказался небольшой запас круп, изрядно траченных молью, пара кругов колбасы, немного сухарей и котелок. Спать

приходилось в ней же, кутаясь в балахоны, прихваченные из подземелья. Спартанские условия, что и говорить. Даже хуже.

Последующие дни пути слились в один. Яркие, малиново-багровые закаты, багряно-золотистые рассветы, сочная зелень, цветущая, набирающая силы природа – в другое время я, наверное, смотрел бы на все это другими глазами. Но не теперь. Мной владело одно желание – успеть вовремя и забрать мандат. Если я не успею… Да черт его знает, что будет, если не успею… Столько жертв и страданий на пути к ненужной мне власти пропадут впустую, и страна развалится, лопнет на десяток ошметков со своим царьком каждый, которые приберут к рукам Сандер, Адора или Рендор.

Порой мы натыкались на местных селян. Лица их были серы и озабоченны. Попытки разговориться или купить еды и пива они пресекали, замахивались вилами или топорами, словно мы были посланцами темных сил – дэйрдринами какими-то или кем похлеще. Окрестные деревни были отгорожены свежерубленным частоколом, и единственная попытка проехать в такую деревню, чтобы перекусить в корчме, окончилась тем, что в гаера с воинственным кличем запустили толстой, скверно сделанной стрелой из не менее скверно сделанного лука.

– Что-то происходит вокруг, – прозорливо заметил Шутейник, обломав стрелу о колено. – Даже молочка нельзя купить. Что это за путь без молочка?

– И без пива, – сказал Лирна. – Что это за путь, без пива? Да и колбасы бы нам не помешало отведать… И жареного поросенка. Что это за путь без жареного поросенка?

Я никогда не видел, чтобы человек ел столько, сколько Бернхотт. Он метал в утробу все, без перерыва: сухари, крупы, колбасу… находил и откапывал какие-то корешки, прошлогодние усохшие ягоды калины, чуть ли не молодую траву трескал, ловил ужей и жаб, умудрялся находить птичьи яйца, сейчас как раз была пора гнездования. За пять лет сидения в тюрьме он оголодал, и сейчас спешно, даже инстинктивно как-то восстанавливал силы. Некоторое время он привыкал к яркому дневному свету, замотав глаза тряпкой, но на третьи сутки уже адаптировался, стянул тряпку и щурился на солнышко. Он опалил бороду и волосы головней, в черных глазах появился огонек бравой самоуверенности, хотя лицо все еще выглядело глубоко осунувшимся – я бы дал ему лет сорок, хотя по расспросам знал, что Лирне-младшему всего тридцать.

А я чувствовал себя ожившим зомби. События в замке Лирны выпили меня, высушили, и требовалось какое-то время, чтобы стать прежним. Но по крайней мере спал я хорошо, вообще без

снов, словно проваливался в черную дыру. *Они*, как назвала их ведунья из брай, не совали в мой сонный разум когтистые пальцы. Ренквист сказал, что на крейнов сильно действует даже самая слабая магия, и в случае с «ловцом снов» на моей груди это было несомненно так. Слабенький амулет работал со мной как могучий артефакт, оберегая сны и душу от вторжения извне. И это была положительная сторона моей сверхвосприимчивости к магии. В Нораторе постараюсь узнать об этом побольше. Даже слабые защитные амулеты на моей груди превращаются в мощные артефакты, и это мое тайное оружие.

– Хорошая уха готовится долго, – меж тем продолжал Бернхотт. – Берутся три, пять или семь видов разных рыб, но прежде всего, разумеется, ерши и окуни, даже можно без окуня, но ерша нужно положить в котел обязательно, и обязательно с плавниками, ведь от плавников ерша – самый вкусный навар для двойного бульона. Что есть вкуснее ухи из речной рыбы? Наверное, лишь молочный поросенок, набитый гречневой кашей… Но даже вкус поросенка меркнет перед вкусом быка, целиком зажаренного на вертеле и фаршированного отборными…

Я соскочил с повозки и пошел рядом с Амарой. Бесконечные кулинарные фантазии герцога раздражали неимоверно. Понятно, что вскоре это прекратится, однако…

Амара повела на меня глазами и снова уставилась на пыльный проселок.

– Аталарда впадает в море Оргумин, мой любезный крейн. В излучине реки стоит Норатор. Несколько дней пути еще… Всего несколько дней… Мы здорово сократили дорогу через земли барона.

– Спасибо, я все еще испытываю трудности с местной географией. Но времени у нас – меньше недели.

Ее взгляд полоснул меня.

– А ведь ты не сказал, что будешь в Нораторе архканцлером… – вкрадчиво проговорила она.

А я не обязан перед тобой отчитываться, Амара. Но в этом мире ты сделала для меня больше, чем кто-либо другой, и заслуживаешь откровенности… без хамства.

– Я и не собирался… до Норатора. И говорил тебе об этом не раз. Ну, Шутейник разболтал, конечно… Абсолютная власть – серьезная штука, я не знал, что ты подумаешь… что решишь. Может, надумаешь остановить меня… по какой-то причине.

Я увидел, что щеки в глубоких рытвинах заалели. Она остановилась, я остановился тоже, а повозка, скрипя и вихляя, все ехала по волнистому полю.

– Торнхелл, ты же понимаешь, что мандат архканцлера – это

смерть?

– В первую очередь – это абсолютная власть над страной.

– И зачем тебе эта власть?

– Страна больна. Я хочу спасти ее. Если поначалу у меня и были какие-то сомнения, то теперь их нет. Есть понимание того, что нужно работать и исправлять ошибки. Есть понимание того, что я смогу это сделать.

Она криво усмехнулась.

– Ну и сколько ты протянешь… исправитель ошибок? День, месяц… два месяца?

– Протяну столько, сколько потребуется, чтобы все наладить. У меня есть два года, и я планирую протянуть их все.

– О Ашар!.. Дурак, какой же ты дурак, милый господин! Тебя ведь сжуют! Убьют, четвертуют, сдерут кожу еще с живого, покалечат, выколют глаза, отрежут гениталии, все сделают, чтобы устранить, и устранить страшно, чтобы другим было неповадно…

Я передернул плечами:

– Знаю, я не первый архканцлер, и даже не второй вроде бы… Но Белек пожелал, чтобы я спас страну или хотя бы попытался… Стоит уважать волю покойного. К тому же такой шанс дается в жизни всего раз… И если я спасую, сбегу, скроюсь – я перестану себя уважать. Кстати, чтобы я протянул подольше, мне потребуется охрана. Я бы хотел, чтобы главным моим охранником, начальником над всеми прочими охранниками, была ты…

– Идиот!

Она развернулась и резко направилась к повозке, догнала ее и впрыгнула с задка внутрь.

Видимо, ответила согласием.

Я догнал повозку и пошел сбоку, не отвечая на вопросы Шутейника. Таким макаром мы вскоре достигли реки, на обрывистом берегу которой и остановились. На широкой речной глади солнце играло мириадами сверкающих серебряных монеток. В вышине носились чайки и почему-то огромное количество ворон. Гаер соскочил на пыльную траву и бросился к откосу.

– Ладушки-воробушки! Я выкупаюсь. Ждите меня, я быстро-о-о… ох!.. Мастер Волк, Амара, герцог – сюда!

По реке к загадочному морю Оргумин и собственно к Норатору плыли трупы людей в блеклой крестьянской одежде. Один за другим, повинуясь неторопливому течению, они плыли кто лицом вверх, кто вниз, с раскинутыми либо сцепленными на животе руками, с открытыми либо закрытыми глазами на искаженных предсмертной мукой лицах.

Шутейник долго вглядывался, потом чертыхнулся, сбежал по откосу, сбросил сапожки и штаны с портками, и, сверкая волосатой задницей, вошел в воду повыше колен. Там он подцепил коряжкой один из трупов и подтянул к срезу воды, где внимательно осмотрел покойника. Затем оттолкнул его от берега, а корягу забросил в воду.

– Черный мор. Лицо в струпьях…

Амара и Бернхотт выругались хором.

– Зря ты, братец, купался… – сказал герцог.

Шутейник покачал головой, его красноватое лицо исказилось в зловещей ухмылке.

– Нас, хоггов, мор не берет. Это ваша хворь, людская… Ну и эльфийская… была эльфийская, в общем.

Меня словно приморозило к месту. Это не чума, а какое-то местное заболевание… вернее, это местная чума и есть, и она безусловно заразна, и, конечно, переносится в том числе капельным путем. Едят ли чайки и вороны чумные трупы? Проклятье, если бы я знал! Я, конечно, разбираюсь в истории, но в медицине я почти профан… Понятно, что воду из реки пить нельзя, и рыбу есть нельзя, и к птицам этим лучше не приближаться… И лучше поехать вдоль реки на некотором отдалении от русла.

Амара вскинула руку, показывая вдаль, за другой берег.

– Дымы!

Теперь и я заметил, что на горизонте, за широкой излучиной Аталарды, в небо поднимаются густые, жирные клубы черного дыма. Было их гораздо больше десятка, а сколько точно, я бы затруднился сказать наверняка.

– Мор пришел в деревни, – сказала Амара с плохо скрытой болью. – Крестьяне в суеверном страхе убивают всех чумных и членов их семей, даже здоровых, сжигают дома с имуществом, а трупы сбрасывают в реку. По поверьям, так они избавляются от чумного проклятия… Раньше за такое карала имперская власть, но теперь всем все равно… Всем давно все равно!

Идиоты, так они только разносят заразу! Трупы надо собирать и сжигать вместе с домами!

– Не было на землях моего отца такой дикости, – проворчал Бернхотт, тяжело дыша. – Мы запирали села в карантины и запрещали кровавое и суеверное самоуправство… Отец мой был умен и понимал… все понимал!

Амара повернулась ко мне, щеки снова алели, крылья носа расширились:

– Чумные трупы плывут в Норатор. Конечно, доплывет десятая часть, но даже одного трупа хватит, чтобы посеять чуму в

столице. Умеешь молиться, Торнхелл? А ругаться? Что у тебя лучше получается? Молись и ругайся, как тысяча демонов! И мы поедем наперегонки с покойниками. Нужно успеть пораньше и рассказать всем, что чума идет в Норатор. Пусть выставят сети, ловят трупы… Если в Нораторе еще сохранились остатки вменяемой власти и кто-то будет их вообще ловить!

Глава 27

Я смотрел на плывущих в Норатор мертвецов (это были мужчины, женщины, дети) и молчал. Сердце тревожно билось, не хватало воздуха. Жизнь – хрупкая штука, особенно здесь, в Санкструме. На Земле, с передовой медициной, со «скорыми» и больницами, я этого не понимал. Да и незачем было понимать, жизнь крутила так, что головы не поднять. Заболела голова – выпил таблетку, разнылся зуб – сходил к дантисту, температура – аспирин, антибиотики, ну и так далее; даже если тебе случайно отрежет циркуляркой голову – ее при известном везении тоже смогут пришить… наверное.

Не так в Санкструме.

Тут при малейшем недомогании есть риск отправиться прямиком на небо.

И любой гарантированно окажется на небесах, если подцепит черный мор.

Я пожалел, что не разбираюсь в медицине. Честно говоря, я во многом не разбираюсь, я даже не очень хорошо понимаю, каким именно образом передается чумная зараза, а Википедии, чтобы подсмотреть, рядом нет, и до ее изобретения еще лет пятьсот как минимум… Да, чума – это такие маленькие живые организмы – бактерии, но каким путем кроме капельного они попадают в человеческий организм? Понятно, что чумной труп разносит инфекцию… А опасны ли склевавшие мертвечину птицы? Наверняка – да. И городские крысы, что будут жрать мертвецов. И, кажется, блохи и вши, что живут на крысах и могут укусить человека. А сама вода Аталарды? Опасна она или нет? Сколько там болезнетворных бактерий? И где сам исток чумы? Я начал ощущать легкую панику. Каким образом я, став архканцлером, предотвращу эпидемию? Антибиотики не изобрету – попросту не знаю, что это… Вроде бы экстракт из плесневых грибов, но как его извлекают, в каких пропорциях, как сохраняют? Да уж, в практической медицине толку от меня маловато…

Стоп. Зато у меня есть навыки управленца. Я знаю, что всеобщей эпидемии можно избежать, установив жесточайший карантин, разделив чумные районы санитарными кордонами. Я также знаю, что воду – для любых целей! – в период эпидемии нужно кипятить. Крыс – истреблять. Блохи и вши тоже разносчики, и они неистребимы, но тут, возможно, удастся задействовать магию. И повсеместно – уксус для протирки рук и обеззараживания вещей. Это – в каждый дом, под страхом

наказания. Носильные вещи и постельное белье нужно прокаливать в печи, уничтожая насекомых.

Однако прежде мне нужно стать архканцлером. Злым, похоже. Потому что добрый архканцлер Санкструма – это звучит самоубийственным оксюмороном.

Река течет медленно, лениво, и с той же скоростью движется чумная зараза. Но течение реки все равно быстрее движения воловьей упряжки, и трупы прибьет к Норатору раньше. Пусть даже это будет один труп.

Иными словами – мы не успеем.

Я круто развернулся к Амаре; она щурилась от солнца.

– Под Норатором есть заставы?

– Что, милый господин?

– Вокруг столицы имеются сторожевые заставы? С солдатами?

– Да, но мы постараемся их избегать.

– Там могут быть мои недруги, верно. Но упряжка волов развивает слишком малую скорость. Нам нужно купить лошадей. Бернхотт, сколько у нас денег?

– Две кроны да полушка, мессир. Все, что осталось…

– Хм… Этого хватит, чтобы купить лошадей?

– Разве что одну не вполне ледащую… Не боевого коня. И худую упряжь с седлом.

– Значит, мы проедем вдоль реки и в ближайшей деревушке… Амара, тут есть еще деревушки… до эльфийского леса?..

– Есть, и не одна. Но я не знаю, впустят ли нас. Ты сам видел, что делается. И теперь уже понятно почему. Даже я не смогла достать лошадей – лишь всего-навсего волов, и то… – Она замолчала, и ясно было, что воловью упряжку она добыла с боем, хотя и расплатилась с владельцами, бесспорно.

– Обязаны впустить. Там мы приобретем одного не вполне ледащего и не вполне боевого коня. И на нем кто-то… Ты, Бернхотт!.. Ты отправишься на ближайшую заставу. Ты – герцог. Плевать, что одежды небогаты. Речь у тебя поставлена, как обращаться с солдатней – ты знаешь. Ты сможешь рассказать все про черный мор так, чтобы тебе поверили. Ты сделаешь все, чтобы тебе поверили. Затем ты отправишься в Норатор и расскажешь о черном море в столице еще раз. Это на случай, если солдаты по какой-то причине задержатся с вестями на заставе… Есть у тебя друзья-знакомые в Нораторе? Те, кто подтвердят вес твоей личности? Герцогу – доверия больше, повторяю.

Бернхотт провел ладонью от затылка ко лбу. Впалые щеки герцога собрались в складки. Он был похож сейчас на актера Уиллема Дефо, который всю жизнь выглядит так, словно борется с какой-то неизлечимой хворью; горизонтальная тяжелая складка

меж бровями усиливала сходство.

– Я исполню приказ, мессир. Да, есть еще те, кто помнят фамилию Лирны… Хотя они и не помогли моему отцу…

Все бы так меня слушали… в дальнейшем.

В пепельно-синем небе реял сокол, разглядывал нас и реку, по которой плыли в голубую даль покойники…

Мы взгромоздились на повозку и поехали вдоль Аталарды, по волнистому, заросшему кустарником обрывистому берегу. Штаны и портки хогга я велел повесить на длинных палках, воткнутых в борта повозки, и крепко-накрепко запретил облачаться в одежки, пока они не высохнут. Под солнцем все бактерии передóхнут… надеюсь. Шутейник, бедняга, вынужден теперь прикрываться рубахой с обломками лютни.

На нашем берегу были пустынные места, перелески, сплошное безлюдье. Другой берег реки выглядел более обжитым, и тут и там на уплощенных вытянутых холмах вырисовывались деревенские дома.

На серебряных изгибах Аталарды виднелись лодки и баркасы под латаными разноцветными парусами. Едва чумные покойники оказывались неподалеку, речные суда порскали к берегам. Будь у меня смартфон, мой тревел-блог пополнился бы волнующими кадрами… Горькая ирония…

Я сидел, свесив ноги с задка повозки. Откуда-то вынырнул шкодный кудлатый пес с присохшим к ребрам брюхом, оглядел меня внимательно и, распахнув варежку – завыл, тягуче и мерзко. Я соскочил, подобрал с земли сухую ветку и швырнул в него. Поджав хвост, пес умчался в кусты.

Бернхотт сказал задумчиво:

– Не любят вас собаки, мессир. Воют обычно на тех, кто вот-вот помрет… Только не берите близко к сердцу, бывает, что и собаки ошибаются.

– Ошибаются, – сказал я язвительно. Не хочу пока объяснять герцогу, что псы видят во мне крейна. Не хочу вообще пояснять, что в теле Торнхелла – чужак. Не на смерть собаки воют, а на магию, на двойную душу. Да и не все псы видят это, только некоторые… Вон у Ренквиста я повстречал двух собачек – ни одна не пискнула. И это хорошо, иначе мое путешествие по Санкструму превратилось бы в пытку.

– Ай, – буркнул Шутейник, – бросайте кукситься, и так словно хрену облопались. Ну вот надо нам это? Не надо! Споем!

И завел длинную песню о сугубой пользе спиртных напитков, аккомпанируя себе звонкими ударами в ладоши:

Напились мы с утра, ура!

И вечером лакаем!
Мы с пьяной мордой, да, да, да,
Все страхи побеждаем!

Раблезианские стишата эти до того понравились Бернхотту, что он принялся отбивать такт о колено и пытался подпевать гаеру.

Выглядело и звучало это так:

Найду спасенье я в вине…
– В вине-э-э!
Пусть черти кажутся во сне.
– Во сне-э-э!
И я не буду я совсем,
– Совсе-э-эм!
Коли носы им не отъем!
– Отъе-э-эм!

Улыбка при этом у него была совершенно детская, а темно-карие до черноты глаза блестели искренней радостью. Он дышал свободой, он упивался ею, он был счастлив даже умереть на свободе, и каждый миг жизни после спасения из темницы был наполнен ярчайшими переживаниями.

Шутейник вдруг прервал декламацию, подхватился и выглянул поверх задка повозки, беспардонно обернувшись ко мне волосатым тылом. Он долго всматривался в неровную линию горизонта, примерно туда, откуда мы выехали к Аталарде, приложив к густым бровям ладонь с длинными, не по росту пальцами.

– Госпожа Тани, сдается мне…

Амара приподнялась на сиденье возницы и глянула в ту сторону, куда смотрел Шутейник:

– Черт! Черт! Черт!

Я уже понял, что происходит.

Издалека пришел длинный, заунывно-пронзительный звук, раскатился над побережьем.

Бернхотт взметнулся с места, согнувшись и царапнув затылком дугу повозки, протиснулся между мной и хоггом, и долго вглядывался в горизонт.

Звук повторился – на сей раз, кажется, несколько сместившись к югу.

– Боевые рога, – констатировал герцог тревожно. – Они перекликаются, как… загонщики. Отрядов – несколько!

Амара отыскала меня взглядом:

– Едут за нами. Нагонят вскорости, черт… Милый господин… они увидели нас и дают сигнал другим о том, что нашли.

Проводница бессильно опала на сиденье. Бросила еще один взгляд на меня, прикусив губу. В глазах – отчаяние. И понимание близкой смерти.

– Ренквист? – уточнил я, а сердце сжала болезненная судорога.

Бернхотт кашлянул и покачал головой.

– Боевые рога – дворянская привилегия. На землях барона нет других дворян, кроме него самого. Свободных и живых – точно нет. Это… другие. Есть еще кто-то, кто не хочет, чтобы будущий архканцлер прибыл в Норатор.

– Нагонят быстро?

Ответила Амара:

– Меньше чем за четверть часа. Они разглядели нас, видят, на чем едем, и не будут гнать коней по бездорожью, чтобы не переломать им ноги. Теперь мы как на ладони. Добыча не уйдет. А мы не сможем нигде затеряться… Тут пустоши и нет густых лесов. Да и времени уже нет.

– Ла-а-адушки-воробушки! А знаете, что я вам скажу, милостивые господа? На том берегу я вижу еще один конный отряд. Во-о-он там, далеченько… Ну, кому далеченько, а моим глазам близехонько, я это хотел сказать.

– Другой берег для нас закрыт… – прошептала Амара.

Я даже не стал вглядываться в горизонт, и так ясно, что дело – труба. Вчетвером нам не отбиться. Пальцы судорожно сомкнулись вокруг шпажной рукояти. По сути, у нас двое профессиональных бойцов, один бездарь-неумеха и вздорный карлик, которому здоровенные, поднаторевшие в военном деле дворяне играючи голову снимут. А если они еще в доспехах, тогда и вовсе… Другими словами, расправа будет короткой, и договориться, как это я люблю и умею, не получится. Я вспомнил копотные дымы над Выселками. Дворяне сожгли гостиницу, и с потерями считаться не намерены. К словам они глухи. За нами прет десять – двадцать терминаторов, у которых одна директива – убить Арана Торнхелла, поскольку они знают, что в теле Торнхелла – вселенец, не намеренный играть по их правилам. Сопротивляться бессмысленно, убежать не получится. Разве что я смогу утолить их гнев, если отдамся на смерть сам.

Геройский поступок, аж в глазах слезы. Только я к нему не готов. Не готов я умирать во цвете лет. Да и не хочется заканчивать жизнь так бездарно… Отважно, конечно, но бездарно. Внутри меня поселился некий странный азарт, мне

хотелось доказать самому себе, что великие дела мне по плечу. Ну и долг, конечно, куда же без долга…

Боевой рог вновь выдал длинную зловещую ноту. Ему откликнулся рог с того берега – далекий звук, похожий на трубеж одержимого гоном слона. С нашего берега ответили – деловито, без истерики: мол, дело сделано, куда они теперь денутся…

Ну и все, кажется. Никуда нам не деться. Придется, видимо, мне идти на смерть.

Я выглянул, посмотрел на то, как лодки уходят к берегам, страшась задеть покойников, вдохнул густой, настоянный на вечернем солнце и размякшей от жары мураве воздух. Лодки шустро разбегались к берегам…

Хм…

– Амара, чумных трупов все боятся?

– Черт, Торнхелл, ты разве не понял? Все, кто видел покойников, в Аталарде теперь ног не намочат дня три, не меньше. Они будут страшиться миазмов…

– И дворяне тоже?

– А они, по-твоему, кто – хогги, не люди?.. Прости, малыш… – это Шутейнику.

– Ладушки-воро… тьфу! Ну почему меня каждая громада обязательно обзывает малышом? Не малюткой, не крошкой, не запазушным клопиком, даже не вошью лобковой – нет, им подавай «малыша»! Сюсю-мусю, малыш-х…

– Цыть! – гаркнул я, и перебрался на козлы к Амаре. – Найдем подходящую лодку и поплывем. Это наш единственный и здравый шанс.

Ее глаза сузились в огромном удивлении.

– Ты хочешь плыть… по зачумленной реке?

– Именно так.

– Мастер Волк!

– Мессир!.. – вскричал Бернхотт хрипло. – Но мы ведь обязательно подхватим черный мор! Зловещие миазмы от чумных трупов, как известно, поднимаются ввысь и отравляют речной воздух, это даже ребенок знает! Через сутки в лодке живым останется только малыш-хогг!

– И этот обзывается! Ты сам… знаешь, кто ты? Ты – малоприятная персона!

Я оглянулся. Лирна-младший изрядно побледнел. Дикие люди, сплошные суеверия… Как же им сказать-то, что пресловутые «миазмы» – это фуфел, придуманный средневековыми врачами, которые ни черта не знали о микробиологии.

– Нет, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно

и убедительно. – Никто не подхватит черный мор. Нет никаких миазмов. Это… суеверие. Амара, верь мне. Я – крейн, я прибыл из такого мира, где черный мор давно усмирили, раскрыв его причину. Нет, не надо ни о чем спрашивать. На реке главное – не пить воду, не есть рыбу. Не касаться покойников, разумеется. Дышать – можно. А после того, как мы отплывем на веслах подальше от покойников, река станет чистой. Зараза распространяется со скоростью течения, – я обвел всех взглядом, – понимаете? Только со скоростью течения реки. Но мы обгоним течение – на веслах это возможно!

Сказал и сам не поверил. Прав я? Или птички, скажем, уже подхватили чуму, и осыплют нас зараженным гуано? В любом случае это единственный выход, кроме лобового столкновения с дворянами, что неизбежно приведет к моей смерти.

Амара почесала кончик носа:

– Ты уверен, Торнхелл?

– Предложишь другой выход? – Я посмотрел ей в глаза, затем поочередно – в глаза Бернхотту и Шутейнику. – Я сделаю как сказал. Никого не прошу за мной следовать. Не приказываю. Но от попутчиков я бы не отказался… Думайте. Я могу выехать на лодке один. Возможно, дворяне оставят вас в живых.

Амара цокнула языком.

– Это вряд ли. Черт… милый господин, я с тобой!

– Бернхотт?

– Я дал присягу. Все, что вы делаете на благо Санкструма… я поддержу всемерно. Спасение вашей жизни – благо Санкструма. Я с вами, значит. Но мне страшно. А что есть крейн?

– Потом объясню. Амара, ищи подходящую лодку. Я не очень в этом разбираюсь.

Мы подъехали к береговому откосу. Чуть впереди уткнулся облупленным носом в воду весельный баркас. Удача? Только возле него виднеется несколько темных фигур. Владельцы… Покупать и торговаться времени нет, придется отбирать.

Рог на противоположном берегу тревожно запел, когда мы, выбравшись из повозки, устремились вниз по крутому песчаному склону.

Я увидел рассыпанные по горизонту темные точки. Старайтесь, голубчики, все равно мы успеем раньше. Ширина реки – метров семьсот, даже луки вам не помогут.

Бернхотт нес все запасы нашей еды и умудрялся жевать на ходу.

У баркаса стояли четверо монахов – все средних лет братцы, с упитанными физиономиями и шестоперами у пояса.

– Ах ты, рожа тошнотная! – перегнувшись через борт, крикнул

один куда-то на дно баркаса. – Из-за тебя Ашар насылает… Из-за ереси насылает! Паки и паки насылает! – Он поднял голову и растерянно уставился на меня.

– Нет времени объяснять, – сказал я, и ударил его под дых кастетом. Он сложился и рухнул у воды.

Бернхотт оприходовал своего, Амара взяла на себя сразу двух, ей помог Шутейник. Меньше чем за минуту мы разделались с владельцами баркаса, оставив за собой кучку стонущих ряс. Мельком я похвалил себя: вжился-таки в мир Санкструма на полную, уже и не раздумываю – сразу бью, куда нужно, и не тороплюсь идти туда, куда пошлют.

На дне баркаса лежал человек в бурой подпаленной рясе. Руки и ноги его были закованы в цепи, под глазом виднелась внушительная «слива», подбородок в ссадинах, на скуле еще один синяк. Били его неслабо. Ничем не примечательный монах лет пятидесяти, скорее худощавый, чем упитанный, правда, глаза… Глаза привлекают: они точно куски голубого льда, остро, пронзительно смотрят. Сардонические складки у тонкогубого рта…

Монах взглянул на нас и попытался сесть.

Бернхотт тяжело переметнулся через борт.

– Выбросить его, мессир?

– Нет, оставь… – Принимать спонтанные решения – дело лидера. Главное, чтобы эти решения оказались правильными. – Как твое имя, человек?

– Брат Литон из Хмельной обители, – ответил монах спокойно. – Я зрю по вашим лицам, что люди вы достойные вполне… И был бы весьма рад и счастлив, если бы вы оставили меня в лодке, пусть даже в том положении, в котором я сейчас есть, и не бросали меня на берегу, и не топили в речных чумных водах… А более всего я был бы рад, если бы вы проявили милость и, не бросая меня на сем берегу или же в воды Аталарды, освободили бы меня от этих цепей…

Литон… Литон… Где же я слышал это имя?

Глава 28

В вечернем тумане снова глухо разнесся звук боевого рога. Ему откликнулись рога с другой стороны реки. Гончие из дворян шли за нами по берегам Аталарды, и хотя туман, подкрашенный солнцем в гнилостно-желтый цвет, надежно оплел реку и берега, не собирались отставать.

– У них подкрепление. И они знают, сколько нас, – сказала Амара. – Они, милый господин, знают, какую скорость дадут четыре гребца на этом баркасе, и от того рассчитывают движение своих лошадей. Они будут удерживать десять миль берега под надзором в обе стороны, а может, и больше – ровно столько, сколько надо.

– Так и есть, – кивнул Бернхотт. В сумерках лицо его казалось особенно изможденным. Он снова приложился к баклаге с горьким монашеским пивом – при этом вид у него стал такой, словно он, впав в детство, присосался к материнской груди. – Они разобьются на пары или тройки и будут постоянно держать берега под надзором с возвышенностей. Мы могли бы попытаться отплыть назад в тумане… через покойников, но это никак не поможет – они увидят нас рано или поздно, а лошади у них… резвые.

Это я уже понял. Перекличка рогов не унималась. Преследователи были и позади, и впереди, только в саму реку не лезли.

Мы втихомолку обменялись взглядами с Амарой. «Ну ладно, ты выиграл для нас время, – сказали ее глаза, – но что дальше нам делать, будущий архканцлер – подскажи, будь другом, потому что я… я не знаю, как быть».

– Ну хоть покойничков опередили, и то хорошо, – проговорил Шутейник, отдуваясь. – Фуххх… ну, может, передых?

– Весла пусть будут в уключинах, – велел я. – Не нужно их класть в лодку. Да, передохнём.

Мы сидели на лавках попарно лицами друг к другу – я и Амара, Шутейник и Бернхотт. Могу сказать, что маленький хогг не уступал силой герцогу и мог бы выиграть призы по гребле где-нибудь на Земле.

Баркас легко покачивался на стрежне. Это было надежное, хорошо конопаченное, просмоленное церковное суденышко, на котором можно было, не приставая к берегу, плыть хоть до самого моря. Кают тут нет, зато можно вытянуться под лавками, укрыться плащами и дремать. Если, конечно, не пойдет дождь, но местный люд к таким неудобствам привычен, да и я как будто

начал уже сживаться с полным отсутствием прежнего комфорта…

За время бегства по реке мы одолели километров десять-двенадцать, и я изрядно отмотал руки громоздким веслом, ручка и валек которого были отполированы до блеска руками предыдущих гребцов. Ныли запястья, предплечья и ключицы, сердце екало: Торнхелл был все-таки спринтер, не стайер, то есть он неплохой бегун на короткие дистанции, а вот на длинных выносливости ему, к сожалению, не хватало.

Бернхотт обнажил меч и принялся ковырять заклепки кандалов брата Литона; тот ответил словами благодарности, хотя особого смирения не выказывал. Щеки его были мохнаты, видно, что, пока держали в цепях, он не мог бриться, ну а братья-надсмотрщики не оказали ему сей любезности. Пока мы отгребали от покойников, Литон успел рассказать, что является смиренным еретиком, коего за прегрешения везут в Норатор, в курию Ашара, к самому его превосходительству, его святости кардиналу Омеди Бейдару.

– Хотят заключить меня в главную церковную темницу и судить, – еще более смиренно проговорил Литон. – Говорят, кардинал будет на суде лично настаивать на казни. Да нет, я ведь не преступник, не вор и не убийца, я просто выступал за реформацию церкви… Хотя получается, по словам курии, я преступник и есть. Как же они боятся реформации… Не хотят ее и боятся. Свет Ашара не стучит в их сердца!

Туман сходился над стрежнем, закрывая нас душным куполом.

– Дворяне отправили нарочного в столицу, – тихо промолвила Амара.

– Значит, о чуме предупредят.

– И выставят карантины вокруг города. К нашему приезду они уже будут во всеоружии, с алебардами, смоляными кострами и бочками уксуса… Если в Нораторе еще сохранилась нормальная власть.

Я скрипнул зубами, злой на себя за глупость.

– Выходит так, что, посылая Бернхотта с известием, я допустил бы ошибку… Как мы пройдем в Норатор сквозь карантины? И ты мне не сказала… Ведь ты с самого начала знала, что я допускаю ошибку, горожу нелепицу, так ведь?

Амара взглянула на меня с неожиданным теплом:

– Нет, Торнхелл. Ты поступил как истинный правитель, радеющий о благе государства. Сначала – жизни людей, потом – твоя жизнь…

– И твоя. Но карантины не дадут нам войти в Норатор…

– О… это моя забота. Карантины хороши тем, что видны как

на ладони… Я знаю места, где их выставляют. И еще лучше знаю места, где их *не* выставляют. А в город ведет много путей… Больше, чем известно солдатам и бургомистру Таленку…

– Тогда в чем наша забота? Мы проплывем на баркасе почти до самого Норатора. Еды у нас хватит, монахи оставили немного пива – так что от жажды мы точно не умрем. Ходить до ветру через борт, конечно, радости мало, но в остальном – река нас защитит надежно…

Рябая проводница покачала головой и подарила мне самую обворожительную свою улыбку – от уха до уха.

– Нарочный поднимет людей в столице. Навстречу нам выйдет несколько судов… Нас утыкают стрелами, или сожгут… или приколют копьями, а потом утыкают стрелами и сожгут, а останки утопят – для большей надежности. Они очень не хотят, чтобы крейн Арана Торнхелла добрался до Норатора.

Звякнули кандалы.

– Торнхелл?! – высоким голосом вскричал брат Литон и подхватился на колени, отпихнув Бернхотта ладонью. Ручные кандалы все еще болтались на его правом запястье. – Торнхелл, прозванный Кровавым Душегубцем? Я плыву в лодке с новым архканцлером Санкструма? Свет Ашара! Ведь ты, как говорят, утопишь всю страну в крови, когда и ежели возьмешь мандат! Кровавый Душегубец Торнхнелл… в лодке… со мною в лодке – Кровавый Душегубец Торнхелл… Помоги мне, Ашар!

Не развивая дальше логическую цепочку, брат Литон вскочил и попытался убить меня размашистым ударом ручных кандалов. Однако сидение в цепях поубавило ему прыти. Я уклонился и тычком спровадил брата Литона на дно баркаса. Бернхотт навалился на монаха, прижал коленом к просмоленным доскам, бросил к его горлу меч.

– Мессир?

Брат Литон дышал с всхлипами и взывал к небесам.

Я покачал головой – и поскольку в густеющих сумерках мое движение было уже малозаметно, сказал:

– Нет, оставь. Брат Литон, вы ошиблись изрядно. Я Торнхелл, да не тот.

– Помоги мне, Ашар! Убийца и… – Однако соображал брат Литон быстро, что свойственно только незаурядным умам. Он перестал дергаться и настороженно спросил: – А кто ты есть – «Торнхелл, да не тот»? Обманулся я, что ли? Едва не убил невинного?

Ответила Амара, и голос ее прозвучал торжественно и звучно:

– Брат монах, перед тобой будущий арканцлер Санкструма – Аран Торнхелл. И он невинен, и я знаю это и могу доказать. Он –

Аран Торнхелл, и он – крейн.

Брат Литон шумно выдохнул через нос.

– Ашар! Ты знаешь это наверняка?

– Брай смотрели ему в глаза.

– При тебе?

– Да, при мне. Он крейн, и в этом нет сомнений. В теле Торнхелла – человек с чистыми помыслами и светлой душой. И если суждено кому-то из архканцлеров спасти Санкструм, так это ему… Огма из брай сказала, что у него есть малые шансы на это… Отпусти клирика, Бернхотт.

Насчет чистых помыслов я бы поспорил. И насчет светлой души. И насчет малых шансов.

Брат Литон прислонился спиной к лавке. Глаза блеснули в полумраке: он внимательно смотрел на меня.

– Крейн на посту архканцлера… Кто бы мог подумать… Чистый помыслами и душой… Спаситель страны…

– Крейн! – воскликнул Шутейник и вскочил, изрядно качнув баркас. – Вот оно что… Ну вот теперь ясно! А я ведь голову сломал, как же так: дворянин – и вовсе не умеет владеть шпагой! Да еще газетами интересуется, и не просто чтобы в нее посморкаться или там к срамному месту приложить, а и почитать чего, в отхожем месте сидючи… Ну! Я прямо чуял – что-то здесь не так! Да и как же вас теперь звать, мастер Волк?

– Зови как звал, Шутейник. Мое старое имя осталось в прошлом. Кстати, в газету можно накрошить эльфийский лист, потом завернуть трубочкой. Так курить сподручнее.

– Мастер Волк!..

Держись меня, братец, уж я-то научу плохому.

Бернхотт громогласно потребовал, чтобы ему наконец пояснили, кто такой крейн, и Амара в двух словах рассказала. Герцог задумался на несколько минут.

– Что ж, – проронил он затем, – так даже лучше… Вы, мессир, дайте мне сейчас слово, что будете действовать на благо Санкструма. Не нужны мне земли Лирны… Империю спасете, тогда уж… Я буду предан вам, пока… ну вы знаете. И в том повторно клянусь и еще раз удостоверяю вас в своей преданности.

Я дал слово. Бернхот опустился на колено и прошептал слова клятвы. Выглядело это странно и дико, но культурные коды – они везде разные, и если я чему-то и научился в жизни, так это тому, чтобы не считать свой край и свой культурный код пупом вселенной. Присяга такого рода – это необходимый здесь и сейчас ритуал. И я его принял.

Не успел я, однако, опомниться, как Амара преклонила колено. Без всякого пафоса она спокойно произнесла клятву

верности будущему архканцлеру. Глаза ее при этом смотрели на меня с дерзким вызовом.

Чуть только затих ее голос, как ту же процедуру провернул Шутейник.

– Я хоть и не дворянчик и не человек вовсе, – буркнул он суетливо, – но за Санкструм душа болит… Хоть и брешут служители Ашара, что души у хоггов нет. Я клянусь в верности архканцлеру Торнхеллу. И да будет эта клятва нерушима и вечна до тех пор, пока архканцлер Торнхелл действует на благо страны, в которой я был рожден.

Брат Литон взирал на это действо молча.

– Значит, ты хочешь взять мандат в храме Ашара, любезный Торнхелл, – сказал он наконец.

– Именно так. И времени на это у меня мало.

– Да… в день затмения истечет срок… Однако, я думаю, ты успеешь. У меня есть в Нораторе еще друзья, я постараюсь помочь, если доступ в храм Ашара будет затруднен, а он, как понимаю, будет затруднен.

Отлично. У меня появился еще один союзник.

– Многие в Нораторе знают, что за мандатом явится именно крейн. Многие будут препятствовать.

В полумраке я увидел, как качнулся силуэт монаха.

– Но Свет Ашара со мной. И он поможет тебе обрести должное.

Надеюсь, что так. Особенно если Свет Ашара найдет свое выражение в людях и финансах.

– Герцог Лирна, соблаговолите снять с меня остатки цепей.

Бернхотт снова занялся кандалами монаха.

– Так говоришь, в Хмеле жил, брат Литон?

Брат Литон с достоинством кивнул.

– Я главный эконом монастыря при Хмеле… был главным экономом… Потом меня разжаловали до простых управителей… за ереси… А потом и вовсе… определили в холодную, чтобы одумался. Я одумался. А потом снова… – Он говорил быстро, не сводя с меня овечьего взгляда, словно пытался оправдаться за попытку убийства. – Я ведь умею торговать и знаю, как немножко делать прибыль монастырю… И не нужна десятина, не нужны никакие поборы с крестьян… Я пошел против монастырского устава и устава главной курии в Нораторе… Сеял смуту в душах братьев и обычного люда своими речами… Я многое умею, даже морить тараканов, не боюсь работы, но бес сомнения грызет меня все время… У церкви Ашара слишком много денег, и их следует пустить на благо неимущих, так я считаю и говорю от чистого сердца. Иерархи и простые церковники не должны копить

богатства. Нам, пастырям, должно помогать простым людям, помогать деятельно и всемерно… Церковь Ашара должна служить народу, а не так, как сейчас, когда народ служит церкви!

Он продолжал излагать простые, даже простейшие для человека двадцать первого века идеи, но крамольные, страшные – для Средневековья. Он напомнил мне брата Кадфаэля, героя прекрасных романов Эллис Питерс. Средневековый сыщик, правда, не выступал за реформацию, однако был умен и расторопен, а еще стоял за всемерную справедливость, хотя, несомненно, был фанатиком.

И вдруг я вспомнил беседу Сеговия и Аммосия:

«Брат Сенистер слыхал от брата Погидия, что Литон Правдоискатель снова бежал из холодной и решил выступить в Норатор. Там, на ступенях храма Ашара, он намерен прочитать лекцию о реформировании церкви Ашара!..»

Я поднял руку, призывая к молчанию.

– Вы – Литон Правдоискатель. Провозвестник реформации.

Он приподнялся, взглянул страстно:

– Ты слышал обо мне?

– Довелось. Именно вы хотите прочесть лекцию о реформации со ступеней храма Ашара. И именно этого так опасаются в курии!

– Да, но, боюсь, слова мои не придутся по вкусу церковной знати… Меня снова упрячут в тюрьму, и, наверное, казнят.

Я уже говорил, что не люблю фанатиков ни в каком виде. Но бывают фанатики, которые двигают историю. Таковым и был брат Литон. Он хотел настоящего блага для Санкструма и не стремился к крови и разрушениям.

– Не упрячут и не казнят. Со знатью я разберусь. Посмотрим, что я смогу сделать, чтобы вам помочь.

Я сказал это браво и небрежно, а сам подумал, что стране предстоит ломка старых устоев, да такая, что Коронный совет взвоет и забьется в судорогах, не говоря уже про высших иерархов церкви Ашара.

Санкструму потребна встряска, но желательно – бескровная. Никаких междоусобных войн… по возможности; никаких войн религиозных. Новые Гуситские войны мне не нужны, и новая Крестьянская война, спровоцированная Лютером на землях Германии, – тоже. А вот гуманистическая идея, которая сможет объединить народ… Да, да и еще раз – да; ну какая еще идея может быть лучше в эти темные времена, нежели идея религиозная, проповедующая те идеи, которые будут восприняты на ура простым людом и большей частью дворян? И те и другие не в восторге от церковных богатств, те и другие не хотят

участвовать в узаконенном рэкете – передаче церкви Ашара десятины. Вон как боятся Литона церковники – заковали в цепи, везут в курию, ибо брат Литон «токсичен» и способен заразить ересью многих и многих… А ведь всего лишь озвучил простые, простейшие истины…

Так же, как сделал Мартин Лютер, умудрившийся подорвать власть католической церкви на землях нынешней Германии и создать лютеранство в последние годы Средневековья.

Историю делают фанатичные подвижники.

Брат Литон – мое тайное оружие массового (и бескровного!) поражения. Буду его беречь. Я дам этому оружию взорваться, когда сам буду готов и когда придет время.

– Вы прочтете свою лекцию, брат Литон, – сказал я. – Я даю вам слово. Но прочтете не раньше, чем я укреплюсь во власти и смогу обеспечить вам безопасность. Я хочу, чтобы ростки новой веры были пущены в Нораторе и распространились затем по всему Санкструму как можно быстрей.

Глаза Литона благодарно сверкнули. Он прижал руки к груди, губы немо шевелились. Исполнение его страстной мечты вдруг обрело явные контуры.

– Господин архканцлер…

– Не господин и пока не архканцлер. – Чертовы славословия, бредовые титулы. «Ваша светлость господин хороший», и вот это вот все – ненавижу до дрожи в коленках. Но черт – в Нораторе придется соответствовать, иначе меня не будут должным образом уважать. Это как раз то, о чем уже говорил, – культурный код. Тут он совсем другой. Тут, если ты на высокой должности – перед тобой пресмыкаются, славословят тебе в лицо и обзывают разнообразными «господинами» с приложением еще кучи эпитетов. И это нужно терпеть. К этому нужно привыкнуть. И главное – не начать получать от этого удовольствие, потому что это первейший путь к гниению души. Только одна Амара низводит меня с небес на землю, саркастически обзывая «милым господином».

– Бернхотт, Амара, Шутейник, считаете ли вы, что идеи брата Литона пойдут на благо Санкструма? Я спрашиваю вас, потому что вы теперь – мой ближний круг, те, кто вместе со мной начнет изменять облик страны.

Прозвучало высокопарно, но по сути-то – правда.

Шутейник передернул плечами.

– Мне все равно, я хогг, у меня свои боги. Но звучит здраво, признаюсь.

– Амара?

– Звучит здраво.

– Бернхотт?

Лирна-младший вопросительно поднял жидкие брови:

– Ереси?.. При всем моем почтении – разве ереси могут помочь в обретении новой благой веры?..

– Брат Литон, поясните герцогу суть новой веры. Поясните подробно. И пусть другие, если им интересно, тоже послушают.

Монах с удовольствием пустился в объяснения, сопровождая слова мягкой всепрощающей улыбкой. Говорил он с огоньком, но без самовлюбленности, подбирая выражения, понятные даже самому отсталому крестьянину. И это было хорошо. Я вдруг понял, что курия Ашара недаром безумно боится пожилого клирика, ибо он опаснее армии хорошо вооруженных солдат. Он – носитель новых идей. Его учение выстрелит, ой как выстрелит – если правильно преподнести. А уж я озабочусь таким паблисити, что чертям в аду станет тошно: во всех концах Санкструма узнают, что новый архканцлер поддерживает идеи брата Литона!

– Ты, милый господин, все обернул так, словно мы вот-вот уже будем в Нораторе, – промолвила Амара, невзначай придвинувшись ко мне вплотную. – Но пока мы посреди вод Аталарды, не забывай об этом.

– Я знаю.

– Ты говоришь это так, словно нашел некий выход?

– Может быть.

– Каков же он, этот выход, милый господин? – Она говорила с иронией, но в глазах теплилась надежда. Она смотрела на меня так, будто я действительно был способен сотворить чудо.

– Зависит от того, что ты сейчас скажешь.

– О!..

– А спрошу я следующее… Лес Костей, этот самый эльфийский «скотомогильник», насколько близко он подходит к берегу?

Она была умна и поняла сразу.

– Нет, Торнхелл. Нет! Там очень плохо. Мерзко. Там вынимают душу.

– Есть другой выход? Душу-то из нас вытащат и здесь. Кстати, а кто в Лесу Костей вынимает душу?

В Санкструме я перестал быть закоренелым материалистом, однако хорошо запомнил следующее: никаких чудовищ, монстров и тому подобных детских страшилок в этом краю нет.

Она содрогнулась, зябко обхватила себя за плечи, разом превратившись в маленькую робкую девочку.

– Я не знаю. Я была там однажды на церемонии… на одной церемонии… Этот лес мертв и одновременно немертв, понимаешь? – Она говорила, глядя прямо перед собой,

и Шутейник, открыв рот, слушал ее, прислонившись к борту.

Брат Литон меж тем продолжал увлеченно объясняться с Бернхоттом, восклицая: «Ну верно ведь? Правильно?..»

Обладай я склонностью к дурному юмору – добавил бы в череду его восклицаний: «Зачем платить больше?» – каковые слова в общем-то и являлись краеугольным камнем новой веры. Цинично, конечно, но зато правдиво.

– Поясни, будь добра. Лес одновременно мертв и немертв?

Она зажмурилась, плотно стиснув веки с ресницами, которым не требовалось наращивание, и проговорила нараспев:

– Там место силы. Ужасной былой мощи эльфов. Она не ушла, не рассеялась, она нависает над лесом и никогда не спит… Смотрит слепым взглядом. Деревья смотрят… Снег веет… Лес заглядывает внутрь тебя, шевелится внутри твоих мыслей… Нет, ты не понимаешь! Я просто не смогу туда пойти! Пойми это, Торнхелл! Когда мертвецы копаются в твоей душе… мыслях… чаяниях… называют уродкой… Смеются прямо внутри тебя, среди твоих страхов!..

Она содрогнулась, прижала кулаки к глазам, сникла.

Не ожидая от себя, я обнял ее за плечи, стиснул крепко, прижал.

– Тшшш… Там всего двадцать миль. Шансы наши велики, правда? По крайней мере, они выше, чем здесь, посреди Аталарды.

– Из Леса Костей мы не выйдем…

– Но ты же вышла…

– Я была не одна!

– И сейчас тоже будешь не одна.

– Ты не понимаешь!..

– Так поясни мне.

– Нет! – Она вдруг скинула мою руку, напряглась, взглянула холодно. – Хорошо, милый господин. Мы пойдем туда. Я сделаю так, как ты хочешь. Но если мы выберемся, пообещай мне кое-что.

– Легко.

– Обещаешь?

– Да.

Она сказала губами, так, чтобы только я слышал:

– Одну ночь.

Я резко выдохнул. И без уточняющих вопросов ясно, о какой ночи просит Амара. И что сказать? Что ответить? Я же обещал. Я ее чертов прекрасный принц.

– Хорошо. Но не раньше, чем стану архканцлером.

– Да будет так.

Она знала, что слово я не нарушу.

И я знал.

– Лес будет смеяться внутри моей мечты, – сказала она очень тихо, и я понял, какую мечту она имеет в виду. Одну ночь? Нет, конечно, не одну. Много взаимных дней и таких же ночей. То, чего я не могу ей дать.

– Просто не обращай внимания.

– Это сложно.

– Просто не обращай.

– Так что ты говорил, милый господин, про Лес Костей? – громко проговорила она.

Глава 29

– …всё. Теперь к берегу. Вон туда!

Команда была отдана резким, тихим голосом. Мы налегли на весла, баркас устремился к правому берегу.

Туман начал рассеиваться, распадаться ведьмовскими космами далеко за полночь, и все это время мы потели на веслах, понукаемые Амарой. Перерывы для отдыха – очень небольшие. И снова – грести. Бернхотт постоянно прихлебывал из фляги. Брат Литон, глядя на это непотребство, цокал языком осуждающе, качал головой, затем отобрал флягу и сам приложился. Мои зубы выстукивали ирландский степ получше самого Флэтли. Шутейник что-то бормотал под свою картошку, лишь по недоразумению называемую носом. Амара сосредоточенно ворочала веслом, единственная, кто не выказывал волнения и страха… хотя я понимал: все это скрыто у нее внутри. Однажды с правого берега донеслись визгливые звуки рогов, какой-то лязг и грохот, вопли, но мы быстро миновали это место.

– Схватка, – промолвила Амара. Бернхот согласно угукнул и добавил, послушав:

– Конники схватились с пешими. Кто кого?

– Да хоть бы и перерезали друг дружку, – сказал Шутейник. – Кто за то, чтобы они друг друга перегрызли? Лично я – всемерно за.

– Возможно, это наш шанс, – проговорила Амара.

Она имела в виду, что дворяне на кого-то напоролись и могут подзадержаться с нашим преследованием.

Не знаю, как рябая проводница ориентировалась в тумане, но чувства местности и пройденного расстояния у нее были, наверное, врожденными.

– До леса нам плыть больше часа, – сказала она ранее. – И молитесь, все молитесь, а особенно ты, брат Литон, чтобы туман продержался еще хотя бы час!

Он продержался. К тому времени как начали проступать очертания берегов, мы были почти на месте. Луна уже чертила на воде дорожки, когда Амара велела поворачивать.

Мне казалось, я вижу на окрестных холмах силуэты всадников, но это была иллюзия. Баркас стремительно несся к крутому берегу.

– Здесь лес… подходит ближе… всего к руслу… – промолвила Амара между частыми гребками. – Если и есть шансы… то только здесь… И молитесь… Молитесь… чтобы рога не запели!.. Всё!

Мы бросили грести. Я перебрался ближе к носу: не хотелось

бы замочить ноги, хотя и знаю, что тут уже чистая вода, что зараза движется со скоростью течения, и мы ее давно обогнали.

Марш-бросок через лес, а там… А там и Норатор не за горами.

«Таренкс Аджи – глава фракции Простых. Воздержались от выбора Торнхелла благородно…»

Что ж, если выживу – только к нему и можно будет обратиться. Это ведь он, как понимаю, инициировал вселение крейна.

Нос баркаса воткнулся в берег, вязко заскрипел под форштевнем песок: «Пххх!..»

– Вперед – и быстро, быстро, быстро!

Амара и герцог уже спрыгнули на песок. Я перевалился следом, дурацкая шпага на перевязи уцепилась за борт, стукнула по голове, и я, не удержав равновесия, все-таки шлепнулся в воду с плеском и руганью. К счастью, намочил только задницу и спину.

Брат Литон задержался, слишком затекли его конечности, пытался с пыхтением перевалиться через борт, но нога в сандалии сползала. Я вцепился в его рясу, сдернул монаха на песок, но снова не удержал равновесие – теперь уже мы оба свалились; к счастью, поблизости от воды.

С другой стороны реки протрубили, на нашей ответили – где-то вдалеке, за спинами, на пройденном нами отрезке пути.

– Быстрее, быстрее! – подгонял Бернхотт. Он дернул Правдоискателя за локоть, увлекая за собой по круче. Вот же зверь, сколько энергии!

Я бросился за ними, едва не подвернув лодыжку. Шпага колотилась о ноги, речная вода стекала между лопатками. Увязая в песке, мы лезли на кручу. Обрыв нависал, щетинился бурьяном и кустарником. В спину ударял вой рогов. Нас зафиксировали с другой стороны Аталарды, а звуки рогов были как звуковой маяк для охотников на этом берегу.

Бернхотт оглянулся лишь раз:

– А, ядовитый аспид!..

На той стороне мельтешили огненные точки.

На круче остановились передохнуть – буквально на несколько мгновений.

Темная волнистая полоса в космах тумана – это, видно, и есть тот самый Лес Костей, наше спасение. Но до него еще метров триста или более. Луна заливает пространство перед ним ярким светом… Небо чистое, ни облачка – точнехонько по закону Мерфи: когда тебе нужны облака – их нет, а не нужны – облаков будет хоть завались.

Бернхотт критически оглядел местность, еще курящуюся

туманом, покачал головой. Рог затрубил на нашей стороне – уже близко, близко…

– Скачут… – промолвил Лирна-младший.

– Много, – добавил Шутейник. – Бежим. Эй, стойте! Если нам случится расстаться, место сбора – печатня моего дядюшки. В Нораторе всякий знает, где делается газета «Моя Империя»! Я там буду точно, и пиво там будет. Ну, чего встали? Бежим!

И мы побежали. Ну это же лучше, чем ждать на месте, чтобы быть изрубленными в капусту?

Грохот копыт ударил в спины.

Я оглянулся. Из обрывков тумана вылетел огромный всадник в блестящем коническом шлеме. В руке какая-то длинная штуковина, пика или копье с длинным стальным наконечником. Конь пыхнул струями пара из ноздрей – ночь все-таки была прохладной. Всадник что-то гаркнул, направил копье на меня.

Я замер в оцепенении. Что делать? Говорят, против конников помогают только копья… Пешему со шпагой остается лишь молиться.

Амара оказалась рядом, нагнулась, выпрямилась, резко выкинула руку перед собой.

Булыга, сверкнув лоснящимся боком, угодила меж глаз лошади. Та в испуге шарахнулась в сторону, всадник опрокинулся на бок, выпустив пику, конь понес, а несостоявшийся убийца, застряв в стремени, подпрыгивал на земле, ударяясь о нее башкой.

– Да быстрее вы! – крикнул Бернхотт.

Мы припустили по кочковатой целине. Брат Литон полз, как инвалид. Мне пришлось схватить монаха под локоть, Бернхотт пристроился с другой стороны – и так мы повлекли провозвестника реформации вперед, практически неся его на руках.

Перед лесом возникла темная полоса. Когда мы достигли ее, оказалось, что это каменная изгородь высотой чуть больше метра, кое-как сложенная из необработанных булыжников. Она тянулась в обе стороны, отрезая лес от реки и поля.

– Крестьяне защищаются от леса… – сказала на выдохе Амара. – Так даже лучше… В темноте конники не рискнут перепрыгнуть… Пока они отыщут брешь…

Кавалеристы появились сразу с двух сторон, взяв нас в клещи. Естественно, по эту сторону изгороди. Всего двое. В этот раз они были умнее и не выдували трели из рогов. Раньше я не представлял, насколько быстро может двигаться скаковая лошадь, если ее понукать. Не как мотоцикл, конечно, но… Я едва успел моргнуть, как оба конника оказались подле нас. В ход снова

пошли камни: Амара и Бернхотт швыряли так прицельно, что выбили из седла одного всадника, а второй, так же запутавшись в стремени сапогом, усвистал в неизвестность.

Выбитый из седла вскочил, обнажив клинок вместо потерянной пики. И что-то крикнул Лирне. Бернхотт сшибся с ним на мечах, полетели искры. Обмен ударами занял всего три-пять секунд, клинок Лирны-младшего ударил дворянина поперек лица, затем деловито пробил блестящий кожаный камзол под сердцем.

Вот что значит профессионал. За все это время я успел сделать всего один вдох.

Бернхотт обернулся к нам, лицо исказила гримаса.

– Я узнал… это Вайо, младший сын герцога Монроза… Я убил друга детства… Бегите, я… хочу попрощаться.

Силуэты всадников вырисовались там, где мы недавно пробежали. От реки на нас надвигались около десяти конников. Низкий вибрирующий гул копыт ощущался даже за несколько сот метров. Фонари в руках всадников перемигивались.

Я подсадил Литона, затем вместе с Амарой ухватил гаера и под крики протеста перевалил на ту сторону. Лес надвинулся, навис, точно огромная приливная волна. До него было около полусотни метров. Я бежал по странной пружинящей поверхности. Что за дела?.. Сфокусировал зрение. Все пространство за стеной и до самого леса, точно панцирной сеткой, было покрыто белесыми толстыми корнями, едва заметными на фоне такой же бледной и, несомненно, мертвой земли.

Эльфийская тоска. Мертвящие корни, которые убивают все живое… Вот от этой-то напасти и пытались селяне отгородиться.

От Леса Костей явственно веяло холодом. Ближайшие деревья, совершенно безлистные, вытянули ветки над пустошью, будто маня нас костлявыми пальцами.

Грохот копыт сместился куда-то вбок.

Тут нас догнал герцог, в обеих руках по клинку.

– Скорее, скорее в лес! К северу я видел незаделанную брешь! Их больше десятка, со столькими нам никак не управиться!

Но всадники уже были на этой стороне защитного периметра. Блестело железо, разгоряченные лошади по-драконьи пыхали паром из ноздрей, блестки фонарей превратились в яркие, жалящие взгляд огни.

Амара оглянулась, гримаса отчаяния появилась на лице.

– Разбегайтесь! В лес, а потом – разбегайтесь, это единственный шанс! Они трусы, они не последуют в глубину! Торнхелл – беги! Не бойся снега. Ты понял? Не бойся снега!

Она пихнула меня рукой, обнажила меч. Но я не послушал, дернул ее за ворот, увлек за собой, сбил с ног и буквально проволок за деревья.

– Бегите, остолопы! – взревел Бернхотт. Он встал меж древесных стволов, точно стальной клин, и захохотал.

Удары копыт били в уши.

– Это не он! Торнхелла, Торнхелла убейте! – истерично выкрикнул высокий женский голос на пороге леса. – Серые волосы, шпага!..

Рядом со мной в землю воткнулась пика.

Они знают мои приметы. Настроены убить только меня. Прочие им ни к чему или, во всяком случае, сейчас ни к чему.

Я смогу увести их за собой.

Наверное, смогу.

Мои пальцы на воротнике Амары разжались. Я устремился вглубь леса, отчаянно работая ногами.

Один.

Глава 30

Я в мертвом эльфийском лесу, на поляне. Один. Здесь пусто, гулко, тихо. Никаких дорожек. Никаких палых листьев. Никаких скелетов почивших от черного мора эльфов. Между голыми ветвями деревьев, которые начинаются метрах в трех над землей, и разлапистых кустов сеются крупные снежинки. Лес, студеный зимний лес, и черт его знает, сколько до ближайшей автострады, домика лесника или деревни.

Насчет автострады – это отчаянная шутка.

Луна светит уже тускло, низко висит над небосклоном; давно занялся рассвет, и сумерки уже тают, растворяются…

Снежинки возникают из пустоты, где-то среди ветвей деревьев. У снега горьковатый вкус. Попадая на инистую землю, снежинки исчезают. Растворяются в небытии. Иногда с веток падают целые комья снега, вздрагивают разноцветными искрами – и тоже исчезают, не успев коснуться земли, мерзлой, твердой как камень. Я проверил, ковырял ножнами.

Я один, я бежал в Лес Костей, пытаясь увести погоню. Кажется, получилось. Звуки рогов затерялись вдали, после чего я остался в одиночестве. Мне хватило десяти минут на то, чтобы отдышаться, осмотреться и понять, что я заблудился. Потом мне потребовалось около четырех часов слепых блужданий, чтобы понять, что я заблудился основательно. Найти выход из леса? Ан шиш. Как говорят японцы – нака-ся выкуси, и никаких бесплатных купонов на покупку суши. На окраину леса мне не выйти, я просто не знаю, как выбрать направление. Теперь я стою на поляне, смотрю на темно-серое небо и сдуваю с губ горькие снежинки. Пару раз я отваживался закричать, но оба раза мои вопли, гулко разнесшиеся по лесу, остались без ответа.

Мне страшно.

Положеньице… Даже голову не раскрою́ с первого раза о мерзлую землю-то, если решу с собой покончить.

Архканцлер чертов. Ты, что ли, ухарски думал, что можно путешествовать по Санкструму самостоятельно?..

Амара, Шутейник или Бернхотт с Литоном умеют ориентироваться по солнцу и луне, как и все люди Средневековья, но я-то в этом полный профан, я житель метрополии двадцать первого века, у меня совершенно отсутствует понимание, как именно нужно это делать.

Я заблудился. Я знаю, что я где-то в дебрях, в самой глухомани, поскольку холод и снег усиливаются от края леса к глубине. Вернее, у края и метров на двести вглубь леса – снега и

холода нет, они начинаются постепенно, и усиливаются и нарастают, чтобы превратить сердцевину Леса Костей в студеное мертвое пространство. Какая-то чертова эльфийская магия, наверное, только не направленная на кого-то конкретного, не направленная на людей, иначе меня, как крейна, давно бы размазало в лепешку или проморозило до состояния сосульки.

Амара кричала, чтобы я не боялся снега. Я его и не боюсь. Мне просто страшно. Страшно вообще, по факту. Мне как-то скучно помирать в промозглом лесу, в поганом одиночестве, уж лучше пусть меня зарубят дворяне.

Тело колотила противная дрожь. Воздух был не сказать чтобы очень холодный – минус два-три градуса, но и этой температуры хватит, чтобы обморозиться и околеть в легкой куртке и рубахе часа эдак через три-четыре. Вода Аталарды, в которой я так «удачно» искупался, сиганув из баркаса, превратила спину рубахи в ледяной панцирь.

Я выдохнул облако пара и сказал непечатное. Я угодил в еще одну Шибальбу, на сей раз – эльфийскую, в ад, где моя душа грозила расстаться с телом.

Нерушимая тишина. Кругом мертвый зимний лес, погрузившийся в туманные страшные сны. И никаких листьев под ногами. То есть вообще. Обломки ветвей – да, были, звонко хрустели под подошвами сапог, но вот листвы, палой листвы, лиственного перегноя, пусть даже замерзшего, не было и в помине. Просто холодная земля, простегнутая тут и там белесыми корневищами Эльфийской тоски, способными прорасти, кажется, и через каменную стену. И наконец – это открытие ошеломило меня – ни на одном дереве или кусте не было коры! Серая мертвая древесная плоть – кое-где гладкая, местами – морщинистая; обстоятельство крайне примечательное, и странно, почему оно не бросилось в глаза сразу.

Справа виднеется крутая боковина холма. Может, имеет смысл подняться туда, чтобы осмотреться? Нет, глупо: верхушка холма, наверное, тоже вся заросла деревьями и кустами – чтобы осмотреться, нужно вскарабкаться на дерево, но как это сделать, если ствол совершенно гладкий, а ближайшие ветви – в трех метрах над землей? Кроме того, неизвестно, сколько подниматься по этому склону, зато известно, что, оскользнувшись на замерзших ногах, вниз я скачусь быстро и болезненно.

Снежинки торжественно и чуточку лениво проплывали перед глазами.

– Б-блин! – сказал я. Крикнуть не получилось: воздух ледяным комом встал в горле.

На другом конце полянки с треском качнулся куст, ветви

наклонились, заискрилось в свете луны снежное облачко.

Всадник в коническом шлеме со стальными наушниками выдвинулся на поляну с копьем наперевес. Тяжелый черный конь под малиновым чепраком выпустил струи пара, оскалился и фыркнул.

Я шарахнулся в сторону, затем остановился, чтобы оценить обстановку. Человек придержал коня, внимательно глядя на меня. Под меховой оторочкой шапки льдисто сверкали голубые женские глаза. В седле с высокой деревянной спинкой сидела, несомненно, женщина: никакая мужская одежда – а одета она была в длинный стеганый кафтан – и никакой шлем не могли огрубить тонкие черты всадницы настолько, чтобы принять ее за мужчину.

На длинном острие копья виднелись малиновые пятна. К седлу был пристегнут топор со скругленным лезвием.

Конь брякнул копытом и чуть повел корпусом. Звякнула, натягиваясь, цепь, пристегнутая к луке седла. Я проследил за цепью. На другом ее конце волочилась лысая человеческая голова, будто обрызганная дорогим красным вином. Женщина обрубила голову ровно по подбородок, затем обмотала ее цепью, как клубком пряжи. Я увидел зачерненные глаза и сообразил, что на цепи тянут голову дэйрдрина. Вот, значит, с кем столкнулись на берегу Аталарды дворяне! И ясно, кто победил.

На лице женщины появилась улыбка.

Она смерила меня внимательным взглядом, вздернула тонкие светлые брови и что-то повелительно сказала.

Я не расслышал, в ушах шумела кровь.

– Утро доброе… – проронил я и попятился.

Женщина с льдистыми глазами двинула коня на меня и вновь обратилась с повелительной речью, смысла которой я не уловил – слишком был испуган и ошеломлен. Копье в малиновых пятнах качнулось, уставилось хищным жалом.

Кажется, я только что мечтал быть изрубленным на куски?..

– Да ни за что! – сказал я, развернулся и побежал, петляя меж кустов, чтобы, если уж в меня швырнут копьем, сбить прицел.

Я думал, что в спину ударит топот копыт, но вместо этого позади вдруг раздалась тонкая тоскливая нота, пронзительно-визгливая: «Ти-и-и-у-у-у!». Я оглянулся – женщина, наполовину скрытая сумерками, поднесла ко рту странно перекрученный рог.

«Сигнал! – понял я. – Ах ты… стукачка!»

Скорость стука, как известно, превышает скорость звука, как бы парадоксально это не звучало, если учитывать что стук – тот же звук… но ответных сигналов не последовало. Это радовало. А вот топот копыт начал приближаться. Всадница пустилась в

погоню – не очень-то быстро, скорее, с ленцой, поскольку знала, что мне уже не уйти.

Я выматерился. Я бежал, оставляя на сучках клочья кожи из куртки. Чертовы копыта грохали за самой спиной.

«Загоняет как зайчика, блин!» – подумал я злобно.

И ведь правда: загоняет.

Раздирая легкие в хриплом дыхании, я выбежал на гладко подметенную ветром каменную площадку. У края обрыва рос кряжистый, бесстыдно нагой дуб или дерево, похожее на дуб очертаниями, в его костлявых ветвях запуталось красным пятном встающее солнце. За площадкой был обрыв, там шумела река. Дальше, одетый в сизый туман, все еще тянулся Лес Костей, медленно посыпаемый снегом, а еще дальше виднелись, кажется, горы.

Но все это было не важно. Я оглянулся. Стряхивая с голых ветвей наледь и снег, на площадку выехала загонщица.

Она остановила коня неподалеку, сильным ударом вогнала копье в дерево и сноровисто покинула седло. На бедре ее виднелся свернутый кольцами кнут с острым концом из скрученного конского волоса.

– Мужчины отстали, испугались ехать сюда, – сказала женщина высоким грудным голосом, настолько красивым, певучим, что я заслушался ненароком. – А я не боюсь. Ты знаешь, Торнхелл, или как тебя там, я не боюсь. Я ничего не боюсь и никогда не боялась. И для тех не существует преград, кто ничего не боится.

Она медленно вытянула меч из ножен на поясе. Длинное, иссиня-серое лезвие сверкнуло на солнце.

– Моя подруга сказала, что ты крейн и совсем не умеешь владеть клинком.

Она пошла на меня быстро, а я отскочил к самому краю обрыва, судорожно пытаясь выхватить шпагу.

– Неужели это правда и ты не умеешь…

Она сделала быстрый выпад, но к тому времени я все-таки извлек клинок и неумело парировал.

– Дурачок…

Узкий меч снова ударил: легкий обвод вокруг шпаги – и острие меча застыло в сантиметре от моего кадыка. Затем острие медленно пошло вперед, коснулось шеи, легонько царапнуло ее и отпрянуло.

Женщина усмехнулась. В ее глазах зажегся странный огонек.

– Да это чистая правда, она не солгала… Скажи теперь, что это ты врешь, что ты играешь? Нет? Ты не умеешь… Кто ты есть, крейн? Простолюдин? Крестьянин? Может быть, ты крестьянин,

сельский дурачок? Зачем согласился на вселение?

Я выругался, а женщина рассмеялась звонким, веселым смехом. Она немного отошла, давая мне место и возможность уйти с обрыва, и снова атаковала, притопнув сапожком в серебряном узоре. Я выставил клинок, она со смехом отбила и шлепнула меня по щеке ледяным кончиком меча.

Не больно, скорее, унизительно.

Я попытался стать в позицию фехтовальщика, так, как видел это по фильмам. Повернулся боком и выставил ногу – так я сокращаю площадь поражения собственного тела.

Она расхохоталась, видя неуклюжие манипуляции.

– Да, да… Попытайся.

Неуловимое движение, и конец меча шлепнул меня по шее. Внезапно женщина отступила, надула губы.

– Нет, Торнхелл, так неинтересно. Так совсем неинтересно, демоны тебя забери! Я, конечно, отрежу твою голову и привяжу ее к цепи, но сначала… Нет, так неинтересно!

Она отступила еще, вогнала клинок в ножны и медленно отстегнула с пояса кнут – мечту Индианы Джонса. Размотала его, продернула сквозь кулак в перчатке.

– Не бойся, кнут не замерз – грелся о мое тело и круп Варры… Он гибок, как и прежде… В предагонии ты будешь обожать меня… Меня обожают все, кого я пытаю… Сначала ты будешь стонать, скулить, ненавидеть, но затем – я увижу это в твоих глазах – перед самой смертью ты воспылаешь ко мне слепой нерассуждающей страстью. Ты будешь меня обожать. Ты примешь смерть от моей руки с любовью…

Она размотала кнут и двинулась мимо меня по дуге, выбирая момент для удара. Льдистые глаза полыхали. На лице расцвел румянец, особенно яркий под красноватыми лучами восходящего солнца.

– Да, да…

Я следил за ней, надеясь отбить удар кнута шпагой. Некстати мозг мой преподнес воспоминание: кнут в момент удара способен развить сверхзвуковую скорость. Может, это городская легенда, конечно, но…

Бич громко щелкнул над моей головой – я не увидел момент удара, с такой быстротой она выбросила руку.

Я отпрянул к самому краю обрыва.

Раздался веселый смешок, глаза нездорово блеснули.

– Да, да…

Кнут Индианы снова взвился, я вскинул руку со шпагой, но откачнулся вбок и едва не выронил оружие от резкой боли над бровями.

– Еще! Еще пляши, мой дурачок!

С бровей начало капать. Кнут рассек кожу на лбу.

Она ожгла меня снова – в плечо, сквозь одежду, я вскрикнул скорее от внезапности атаки, чем от боли, и содрогнулся всем телом – хотя совсем не желал радовать палача своими ужимками.

Она ударила по бедру, с силой, я ощутил адскую боль даже сквозь одежду, и вскрикнул.

– Еще!!!

Удар настиг левое запястье.

– Еще!!! Пляши, крейн! Пляши!

Она возбуждалась от моих стонов. Снова ударила по ноге, по плечу и, примерившись, рассекла левую щеку. Кровь горячей струйкой потекла за воротник.

– Кнут скоро отсыреет от твоей крови, Торнхелл-крейн… Да, становится тепло и солнце всходит… Как только я доберусь до твоей плоти – он отсыреет, но я успею, успею… Но еще не время… Скоро ты начнешь молить, скоро… Это самый сладкий миг…

Алые губы приоткрылись, кончик языка плясал меж оскаленных зубов с острыми клычками.

Она принялась наносить удары – в основном сквозь одежду. И каждый удар вырывал клок кожи из моей куртки или клок ткани из рейтуз. Я слепо отмахивался клинком, но не мог даже задеть ее кнут.

– Я раздену тебя кончиком кнута, – говорила она, обходя меня по дуге за полтора-два метра. – Потом сниму с тебя всю кожу. Тоже кончиком кнута. Клочок за клочком. Ты услышишь, как лопается и слезает твоя кожа. Увидишь, как она свисает ошметками…

Льдистые глаза блестели от возбуждения, она учащенно дышала, как перед оргазменной судорогой.

– Плачь и скули!

Вместо плача я чувствовал, как нарастает внутри слепая бычья ярость. Еще немного, и я просто кинусь на нее с яростным ревом и попробую выгрызть зубами ее глотку.

Дворянка шагнула вперед, занося кнут, но в момент движения сапога из камня выметнулась бледная петля Эльфийской тоски. Порскнула в стороны серая каменная крошка… Носок сапога угодил в петлю, и женщину повело вперед: удар кнута не получился, я успел перехватить плетеную змею, и резко дернул на себя, выбрасывая руку со шпагой. Дворянка нанизалась на нее и мгновенно обмякла. Тело качнулось, и я обнял ее, выпустив шпажный эфес.

Великое удивление стояло в ее глазах. Удивление – и

понимание неизбежности смерти.

– Ты же крейн… Ты не можешь…

Я чувствовал, как тяжелеет ее тело.

– Научился, – сказал я. Я и впрямь… научился убивать…

Ее глаза подернулись пленкой. Она умерла раньше, чем я докончил фразу.

Я положил ее на каменную площадку. Шлем скатился с головы, обнажились соломенные густые волосы. С бархатной щеки быстро сходил румянец.

– Ты закончил… – пришел ниоткуда громкий шепот; кажется, прозвучал прямо в голове. – Ты закончил, Торнхелл-крейн… Теперь иди к нам. Мы покажем куда… Иди к нам… Иди к нам…

Глава 31

Легко сказать «иди»… Я распластался на ледяном камне, дыша в полную силу, чего просто не мог сделать, пока удары бича сыпались один за другим. Я дышал, дышал жадно, впитывал воздух, казалось, всем телом, до головокружения, до радуги в глазах, до ломоты в зубах, до судорожной дрожи. Рассечения и ушибы от кнута горели по всему телу.

Услышал, как Варра, испуганно заржав, вдруг ударилась в галоп, ускакала. Это было хорошо. Обученный конь мог бы проломить мне голову копытом – за свою хозяйку.

Наконец схлынуло. Я смог приподняться. И сразу почувствовал, что меня трясет: я выбиваю походный барабанный бой зубами, а ягодицы, спина, икры и некоторые другие части тела чувствуют себя, как на лучших курортах Антарктики. Еще немного этих криопроцедур, и – прощай, молодость. Я осторожно встал и согнул одну ногу в колене. Больно, черт… но терпимо. Теперь правая. О'кей. Теперь присядем на корточки. Не йети я, чтоб спать в снегу на голом камне. Сотрем кровь со лба. Рассечение там невелико, на щеке – тоже. Дворянка только примерялась, разогревалась, прежде чем причинить настоящую, страшную боль и увечья.

Я оглянулся, по-прежнему глубоко дыша: боялся, что кто-то снова может отнять у меня это право вдыхать воздух, а значит – жить, любить, бороться, надеяться. Увидел кнут, вылетевший из руки дворянки, подошел, и, поддев его сапогом, спровадил с обрыва. Затем осмотрелся. Падают снежинки. И давит, давит пудовым грузом морозная тишина. Нахлынуло ощущение странности, неестественности этого мира. И проснулся банальный страх, который твердил, настырно пихая в бок: «Не ходи прямо, человече, там опасно. И назад не ходи тоже. И направо не ходи, и вообще никуда не двигайся отсюда».

Но что-то произошло с этим лесом. Он изменился. Мертвый лес пробудился и смотрел на меня – неспокойно, с нарастающей агрессией и раздражением.

Тут я почувствовал слабое покалывание в кончиках пальцев ног и рук. Как будто кровь начала резко приливать к ранее пережатым конечностям. Еще минута изумленного молчания, и я обнаружил, что тело наливается приятным теплом – от конечностей к торсу, и вверх, к голове, но без всякого шума в ушах.

– Однако! – сказал я, и прибавил к этому разное непечатное.

– Ну, – нетерпеливо сказал голос в моей голове. – Теперь тебе

легче. Иди к нам… Иди же, Торнхелл!

Выбора мне, очевидно, не оставили. Да и какой может быть выбор в этом морозном лесу? Или идешь куда зовут – или блуждаешь среди мертвых деревьев до того момента, пока не околеешь.

Я подступил к покойнице и рывком выдернул шпагу, затем, вспомнив, как действовал Шутейник в берлоге Ренквиста, деловито и спокойно вытер лезвие о золоченый кафтан. Странно, но ничего не почувствовал, кроме мимолетной жалости к этой несчастной садистке. Огрубел я, изрядно огрубел всего-то за десяток дней в этом мире. Но обшаривать труп я не стал – все-таки еще не мог переступить через определенные моральные принципы…

– Куда идти? Покажи направление.

Тут в лесу заплакал, настырно заголосил… младенец?..

– Иди на звук.

О черт!

– Иди на звук!!!

Голос сорвался, налился злобой и нетерпением.

Я двинулся на звук, на младенческий заливистый плач. А он вел меня среди мертвых деревьев и кустов в глубину леса. Едва мне начинало казаться, что плачущий младенец – на расстоянии трех-пяти шагов, за ближайшим деревом, как плач отдалялся, и так повторялось раз за разом. Я даже начал смотреть под ноги, словно ожидал увидеть на инее следы крохотных босых ножек.

Стало холоднее. Навскидку – градусов семь ниже нуля. Я приближался к сердцевине леса. Деревья стали толще, возносились над головой метров на двадцать, а то и более, сплетались голыми ветвями. Как тут жили эльфы? В дуплах, что ли? Или устраивали гнезда на ветвях? А где обещанные Амарой артефакты – оружие, предметы быта, остатки одежд, украшений? Где, наконец, сами скелеты полегших от людской заразы перворожденных?

Я поймал себя на том, что бегу следом за младенческим плачем, петляю среди деревьев.

Выбежал на поляну, небольшую, окруженную колючим кустарником высотой более двух метров. Кусты сцепились голыми ветвями, как танцоры сиртаки, не оставляя ни малейшего просвета, в который может протиснуться человек. А выше нависали деревья. Встающее красное солнце запуталось, пропороло румяные бока острыми ветками.

Плач резко смолк. Смолк – прямо под ногами.

Я оглянулся. Проход, через который только что пробежал, исчез, затканный переплетением ветвей. И не продраться, не

протиснуться ужом, нет никаких просветов!

По телу прокатилась дрожь – не от страха или холода, а от самой настоящей злости.

Заманили в банальную ловушку. Просто и легко. И что теперь?

Я обнажил шпагу.

– Эй!

Посредине поляны вспухла крупными мерзлыми комьями земля, наружу, как клубки змей, полезли толстые, переплетенные меж собой бледные корни Эльфийской тоски. Они всё выпирали и выпирали, громоздясь передо мной, настырно лезли, и было в этой настырности что-то настолько пугающее, что я стал пятиться. Опомнился, когда ветви уперлись между лопатками. Вот и приехали. Выход – только для членов профсоюза, но беда в том, что удостоверение лежит дома.

Толстые слепые корни шевелились, переплетались, росли надо мной, и я вдруг понял, что именно они формируют.

Младенца.

Я успел вдохнуть только три раза, как посреди поляны воздвигся великанский, плетенный из корней младенец – болезненно толстый, с огромной, не по росту, лысой головой и крохотными, кривыми ножками и ручками. Корни беспрерывно скользили по его телу, и особенно – по голове, от чего силуэт тек, подрагивал, и казалось, что сплетен он из живых змей или червей.

Младенец повернулся ко мне. Он не касался ногами земли – напротив, казалось, стремился взлететь, и его, как воздушный шар, удерживали за лодыжки семь-восемь толстых корневых тяжей.

Ужасно выпуклый лоб, едва намеченный нос, и черные, пугающие провалы на месте глаз и рта.

От него остро пахло землей, перелопаченным черноземом.

– Торнхелл…

Голос прозвучал в моей голове, но ясно было, что источник его – это вот чудовище.

– Андрей…

Знает, как зовут… Копается в голове.

– Да… крейн… мы ждали, ждали…

– Ждали чего? – Мой голос сорвался.

Младенец качнул раздутой головой, на поверхности которой беспрерывно скользили червезмеи.

– Другие не могут говорить с нами… не могут… не могут… сходят с ума от нашей ярости… с ума… с ума… сходят с ума… Ты крейн… чужак в этом мире… ты можешь…

Я замер, застыл, мог шевелить только губами. Но мысли проносились в голове, как метеоры. Моя восприимчивость к магии! Да, точно так – моя восприимчивость к магии, видимо, имеет и свои плюсы. Хотя если вспомнить, как меня сплющило от слабенького заклятия брата Горишки… Получается, что магия эльфов должна была бы вообще меня уничтожить?

– Нет… нет… Наша ярость – для живущих…

– Я не понимаю!

Движение червезмей по телу младенца ускорилось.

– Мы не можем держать нашу ярость… против людей… этого мира. Ты чужак… чужак… ты неповинен… Они повинны… ты – нет.

Я, кажется, понял, что имеется в виду. Духи покойных эльфов, или их посмертное роевое сознание, или черт его знает какое сознание – были настолько злы на местных людишек за свою смерть от черного мора, что не могли сдержать ярость, и ярость эта выплескивалась и убивала или сводила с ума. Но только местных. Я же был пришельцем из другого мира. Со мной… можно было говорить, не опасаясь, что ярость выплеснется и меня ею прихлопнет. В моих жилах не текла кровь предков, повинных в эльфийском геноциде.

– Да… да… да… С тобой можно говорить… говорить… говорить…

Я набрался смелости, заглянул в провалы глаз младенца:

– Чего ты хочешь?.. Чего вы хотите?

– Мы больны… мы больны… мы очень больны…

– Вы больны?.. Да вы мертвецы!

Не очень вежливо напоминать мертвым – что они мертвые.

Тяжесть вдруг навалилась смертным грузом, я рухнул на колени и выпустил шпагу.

Речь младенца расслоилась на тысячу голосов, монотонных, звучавших в унисон:

– Нет! Наш дух жив, пока стоят леса… Мы больны! Убей нас, Торнхелл! Убей нас! Убей нас, молим!

Я с трудом приподнял голову, слыша, как хрустят шейные позвонки. Кажется, спорить и ругаться с этим… роевым разумом не стоит.

– Нет… споров нет. Поклянись, что убьешь… мы не можем сдерживать себя больше… Наша обида и злость растут… мы хотим мести… хотим мести… Пожалуйста, убей, убей, пока не стало поздно… Сделай то, что хотел сделать с нашими лесами…

Эльфийская тоска! Это осознанная или не вполне осознанная месть мертвецов – людям, повинным в геноциде. И никаким каменными оградами от нее не спастись. Если не уничтожить

леса – Эльфийская тоска захватит, зарастит и умертвит все земли этой планеты.

– Да-а-а…

Червезмеи вдруг полезли из земли вокруг меня, забурлили, окружив живым, шевелящимся кругом:

– Мы больны… больны… больны…

Больны яростью и злобой, желанием мстить человеку.

– Да… Убей нас-с-с… убей… убей нас! Болезнь перед смертью превратила нас в безумцев… и такими мы ушли за посмертный порог… Мы безумны… мы больны… мы хотим раствориться в небытии…

Червезмеи кипели вокруг меня, поднялись уже на полметра. Я понял, что, если мы не столкуемся, меня поглотят и затянут под землю.

– Хорошо, черт с вами, я уничтожу ваши леса!

– Не-эт… Не так просто… не так просто…

– Что не так просто? – заорал я в ярости, неспособный разогнуться от тяжести, которой меня привалила местная магия. – Что не так просто? Я стану архканцлером! У меня будет огромная власть! Я прикажу вырубить и выкорчевать все Леса Костей в Санкструме!

Голоса напирали, тысячеголосый вой разрывал мою голову:

– Мы знаем… архканцлер… Простой способ не годится… Ищи… ищи… ищи способ…

– Что не годится? Я вырублю леса, я даю вам слово!

– Не так просто… Ты не вырубишь… мы не позволим… мы не можем позволить… Сведем с ума… легко… легко… проще легкого…

Я ощутил, как в голове начинает кружить вихрь чужих мыслей, убивая мой разум, устраняя всякую попытку мыслить, пробуждая самые зверские инстинкты и желания.

– Вот так… вот так… вот так…

Черт… этот роевой мертвый разум требует, чтобы я обошел системы его же безопасности, и прикончил…

– Да… Да… Да-а-а! – завыли голоса. – Сделай так нам во благо… себе во благо… стране во благо… Придумай, как убить нас! Мы больны… больны… человеческая болезнь… черный мор… Мы больны… человеческой заразой. Злостью на людей. Убей нас. Пусть ни следа не останется. Мы не можем сами убить себя… Просим… просим… молим… молим!

Младенец наклонил ко мне лобастую голову. Червезмеи вокруг поднялись уже мне до плеч.

Я попытался встать на ноги, но тяжесть пригибала, давила, как тысячелетний груз провинностей и прегрешений всего

местного человечества.

Некстати вспомнилось, что одним из признаков шизофрении является повтор одного и того же слова – «просим-просим, молим-молим». Болезнь превратила эльфов в безумцев. Человеческая болезнь.

– Да-а-а…

– Я сожгу ваши леса!

– Не поможет… Нет, нет, не поможет. Не горит… нет… мертвое не горит. Мертво-живое не горит… Мертво-живое не хочет тлеть… не горит…

Вот же… задали мне задачку…

– Думай…

– Найди…

– Молим…

– Просим…

– Пожалуйста…

– Пока не стало поздно… зло внутри нас растет… не можем сдерживать… не можем сдерживать… Убей нас. Молим. Молим тебя… Андрей…

Червезмеи почти запахнули шевелящийся полог над моей головой.

– Убей, убей, убей нас. Мы больны. Мы очень больны. Ты можешь найти способ, мы знаем, знаем, знаем. Мы больны людьми… прошу тебя, убей нас. Убей нас. Убей нас…

– Я клянусь, клянусь, клянусь! – Я начал колотить по мерзлой мертвой земле, а свет солнца мерк под замыкающимся пологом из змей. – Я клянусь, я сделаю, найду способ! Даю вам слово!

Я вдруг увидел себя со стороны. Увидел родителей. И деда. И он снова был зол и кричал мне: «Не отступай!» А еще я увидел первую свою любовь. И то, как меня избивали за нее в школе. Я не сразу понял, что вихрь воспоминаний этот – не мой, что его подняли мертвецы, что они копаются в моей голове теперь уже подробно, работая чем-то вроде детектора лжи.

Но я сказал правду, и ничего, кроме правды.

И тяжесть вдруг ушла, свет рождающегося дня упал мне под ноги. Стена белых червезмей стремительно исчезала в почве.

Я поднялся на дрожащие ноги.

– Я сделаю это. Еще раз клянусь. Как только я стану архканцлером – я употреблю все силы на то, чтобы вас уничтожить.

– Да-а-а…

Я не видел, откуда младенец выбросил ее, но – к моим ногам упала маленькая, меньше ладони, деревянная палочка, раздвоенная на конце. Была она кривенькая, с выпуклым сучком

посредине. И, как ни странно, одета в бурую кору.

– Возьми… поможет… да-да-да… поможет…

Магия?

– Наша магия… возьми…

Я взял. Палочка обожгла холодом. Я сунул ее в карман рейтуз. И – сам не зная почему – потрогал лоб. Рассечение затянулось. И на том спасибо…

– Да-а-а…

Младенец начал уменьшаться. Червезмеи ускользали в землю, в боках младенца появились проплешины.

Аудиенция подошла к концу.

– Где ваши жилища? Где ваши останки? Где оружие, чаши, одежды? – выкрикнул я, ибо этот вопрос и правда не давал покоя.

И я получил желанный ответ:

– Ты стоишь на них… Все всосала земля… Все, что не растащили люди… все ушло в землю и растворилось… стало Эльфийской тоской… мертво-жизнью… Иди, Торнхелл… убирайся… Прочь, прочь!

– Где мои друзья? Я хочу, чтобы они выжили!

– Мы позаботимся о них. Уходи… уходи!

Позади меня образовался коридор. И снова раздался младенческий плач – капризный, злой.

Я понял, что он выведет меня из леса.

Так и случилось.

Глава 32

Плач смолк, когда в просветах деревьев замаячил голубой простор. Я надеялся, что роевое сознание эльфов вывело меня на опушку со стороны Норатора. В какое бы безумие оно ни впало, соображения насчет того, куда меня вести, у него хватало. Интересно, почему оно не убило сразу дворянку-садистку? Хотело посмотреть, кажется… Роевое сознание находило извращенное удовольствие в том, чтобы наблюдать, как она надо мной издевалась.

Ужасно хотелось пить.

Рассветные облака-улитки солнце окрасило в пурпур. Над мертвым пространством у опушки курился легкий туман. Я двинулся прочь, наступая на Эльфийскую тоску, впечатывая в нее украшенные гвоздями подметки с силой и злобой, словно мог раздавить эти слепые белые стебли, уничтожить своими шагами.

Отошел туда, где начиналась живая, человеческая трава, где начиналась длинная холмистая гряда, поросшая метелками каких-то цветов; оглянулся. Где Амара, Литон, Бернхотт? Где вечно неугомонный Шутейник?

Лес Костей застыл в сотне метров от меня, напоминая сторожевую стену. Мне почудилось, что я различил затихающий вопль младенца. В длину лес под сотню миль, но значительно у́же – в ширину. Но с какой стороны Лес Костей мог выпустить моих товарищей, как далеко от меня – остается только гадать. И вообще выражение «Мы позаботимся о них» можно толковать двояко. Может, лес умертвил всех моих спутников, чтобы придать мне дополнительную мотивацию – а какая мотивация сильнее, чем жажда мести?..

От этой мысли я скрипнул зубами. Буду надеяться, что все спаслись, никто не остался в лесу, иначе месть моя вам… Да черт его дери – иначе я оставлю вас в мертво-жизни, вот что я сделаю – и это будет для вас худшим наказанием!

Я провел ладонью по шершавой щеке. М-да-а… Выгляжу как обормот, пахну наверняка как обормот в квадрате – и в таком виде заявлюсь в Норатор. Есть опасение, что добрые горожане не станут меня уважать. Один плюс в посещении эльфийского леса все же есть: меня не захватили дворяне. Ну и еще маленький плюс – магия леса излечила мои раны. Под пальцами чувствуются только крохотные полоски свежих шрамов.

Я пошел вдоль кромки Эльфийской тоски, придерживая ножны.

– Амара! Шутейник! Бернхотт! Брат Литон!

Нет ответа.

– Амара-а-а!

Никогда бы не подумал, что буду страстно желать присутствия рябой проводницы рядом с собой. Одна ночь? Да я подарю тебе тысячу ночей, только явись передо мной в целости и сохранности.

Я разгуливал вдоль кромки с полчаса, стараясь не отходить далеко от места своего выхода из леса. Вдруг роевой разум пригонит моих товарищей сюда же, ко мне? Может, хватит у него соображалки?

Ну а если все они умерли? Если лес убил их? Свел с ума, бросил на землю, приспал в ледяном безмолвии, и теперь они – окоченевшие трупы, которые скоро уйдут под землю, сольются с мертво-жизнью?..

Страх одиночества в этом мире вдруг накрыл с силой, какой прежде не бывало. Так-то я волк-одиночка, но именно Санкструм научил меня ценить дружбу и чувство локтя. Дружба и товарищество здесь проявлялись острее и не были связаны бесчисленным количеством эгоистических нитей и взаимовыгодных условий, как на Земле. Дружба тут сродни боевому товариществу, когда ты начисто забываешь о своем эгоизме и готов спасти товарища даже ценой собственной жизни. Потому что иначе уже не можешь. И ты знаешь, что он готов спасти тебя.

– Бернхо-о-о-тт!

– Ма… олк!..

Ко мне наискосок через мертвую белесую пустошь бежала маленькая фигурка.

– Шутейник?

Хогг подбежал ко мне, тяжело пыхтя. Красные сапожки в грязи, на рукавах куртки – обрывки ткани. Видно, что мчался, как и я – процарапываясь сквозь колючий кустарник мертвого леса. Повязка со лба исчезла, виден багровый, наполовину затянувшийся шрам от осколка пивной кружки.

– Мастер Волк! – Он остановился, глядя на меня желтыми глазами. – Ох, вижу, вас здорово потрепало…

– Всё позади. Где Амара? Бернхотт? Брат Литон?

Он беспомощно развел руками, оглянулся на лес.

– А не ведаю… Мы все разбежались, порскнули в стороны, как те куропатки, которые в меду так сладки… Очнулся я не помню где, не помню как, девочку свою потерял-посеял… Только какая-то сила словно заставила меня идти снова, перебирать ножками… Шел как в бреду, не помню, как до опушки добрался… И вдруг – слышу ваш голос: меня зовете. Сразу проснулся! Вы

представляете? Ох, ладушки-воробушки, какое поганое место – этот Лес Костей!

– Может быть, остальные так же… ждут нас у опушки? – предположил я. – Давай разойдемся в разные стороны… Ненадолго – на полчаса, может, и будем их звать. Потом снова сойдемся…

– Сделаю, мастер Волк.

Когда мы вновь сошлись, Шутейник покачал вихрастой головой. Ни я, ни он никого не нашли.

– Ждать здесь не резон, – промолвил хогг, щурясь на солнце. – Охотятся-то за вами, а не за Амарой да Бернхоттом… Они люди тертые, даже брат Литон – тертый хрен без масла; выберутся откуда надо и куда надо доберутся. Это за вами, мастер Волк, потребен надежный присмотр. Кажись, мы на верной дорожке. Тут смыкаются земли графа Мортура Сегвена и графа же Дельбадо Роуриха. А дальше, миль через десять, снова коронные земли Санкструма – ну и до Норатора оттуда рукой подать.

– И карантинные заставы… – проговорил я, сумрачно глядя на лес.

– Это мелочи, мастер Волк, через заставы мы проскользнем, не одна госпожа Амара это умеет… Вам в Норатор надо, время истекает.

– А за какие фракции стоят граф Сегвен и граф Роурих?

Маленький гаер беспокойно повертел головой:

– Вот уж не ведаю… Ведаю только, что отсюда нам лучше побыстрее уйти. Запах тут какой-то нехороший… Плохо тут… очень…

Я снова воскресил в памяти записку:

«*Коронный совет*:

Трастилл Маорай – глава фракции Умеренных. Выбрали Торнхелла подло.

Дремлин Крау – глава фракции Великих. Выбрали Торнхелла подло.

Таренкс Аджи – глава фракции Простых. Воздержались от выбора Торнхелла благородно…»

Таренкс Аджи – моя последняя надежда, он один из Спасителей Санкструма. Проникнуть в Норатор – полдела. Основная задача – взять мандат в охраняемом, как я узнал от Ренквиста, храме Ашара, а для этого понадобятся средства и люди. Так что помощь благородного Аджи и не менее благородных Простых мне очень пригодится. Да и потом, это ведь с подачи Аджи, как полагаю, санкционировали мое вселение в

Торнхелла. И, как уже говорил, мое исчезновение из Выселок дает мне дополнительный козырь при торговле – Простые и Аджи, эти Спасители, должны понять, что я не буду слепо плясать под их дудку.

Мы прошли еще метров пятьсот и начали подниматься на холмистую гряду. Я оглядывался на лес, затем стиснул зубы и повторил слова Шутейника: Амара, Бернхотт и Литон – люди тертые. Если живы – выберутся.

– Тут есть неподалеку деревенька, – сказал гаер. – Если карантин вокруг нее не сладили, мы туда заявимся, трактир там – «Полная луна», здоровецкий! Денег нет, а есть хочется… Я спою несколько песен, а вы мне будете подпевать. Там на самом деле просто. Я буду петь комические куплеты и жалобные песни – то и другое лучше всего подходит крестьянам подле Норатора, о нынешней политике лучше не особо тут… И чем проще песни – тем лучше. А вы – подхватывайте и повторяйте последнюю строку. Вот так:

Пошел я в город без порток,
Поскольку отдал их в залог.
Теперь боюсь, что без порток
В трактир не пустят на порог.

– Ну, подпевайте! А вот философическая:

Когда-то был я королем,
Теперь же – стал золотарем.
Дерьмо таскаю из сортира,
И вижу в нем основу мира!

– Очень ее крестьяне любят. А жалобная – вот такая:

Устал, несчастный, я пахать,
Хочу уж лечь я на кровать
И умереть, забыться сном,
В котором буду богачом.

– А лучше того будет, когда еще отобьете ритм о бедра ладонями и начнете легонько так приплясывать да каблуками о пол постукивать. Да, шпагу стоит зарыть в лесу перед деревней, иначе вопросы к нам возник… Ох!

Мы стояли на спине гряды, метелки трав овевали ноги. Внизу

распростерлось поле – вспаханное и уже, кажется, засеянное и бороненное, ибо я не увидел огромных комьев земли, какие обычно выворачивает плуг.

– Ох ты ж…

Поле – достаточно широкое, похожее на выпуклую спину зверя-великана, было усыпано мертвыми. Навскидку считая, было их куда больше сотни. Из земли торчали копья, щиты. Блестели тускло осыпанные землей доспехи. Я увидел позы, в которых лежат покойники, и сдержал ругательство. Кошмар изломанных рук, ног и голов, торчащих под неестественным углом… Упавших топтали лошадьми, ломали тела, затем, спрыгнув, скорее всего, добивали. Никакой жестокости, повторюсь уже в который раз. Сплошной прагматизм – в данном случае стояла задача уничтожить врага, а не взять его в плен.

Шутейник потянул носом, сморщился.

– Вот, значит, что я чуял… Угу-у-у… Хорошенько пощипались, и недавно… двух часов еще не прошло…

– Два часа назад? – Я вдруг почуял неладное, начал оглядываться. – Слушай, друг. Мы ведь тут стоит на открытом…

Поздно. Вдали раздался топот копыт. Из перелеска в полукилометре от нас вылетели всадники – числом около десятка. Блеснули, как водится, доспехи. Проиграл зловещую ноту ненавистный рог.

– Дворяне! Снова…

– В лес, Шутейник!

– Не успеем!

– В лес!

Мы помчались обратно, кубарем слетели с холма, и дернули к мертвой зоне Эльфийской тоски. Но стук копыт нагонял, снова раздалась визгливая рулада рога.

Я оглянулся. Всадники были уже неподалеку. У некоторых густые бороды или усы, и почти у всех – следы крови на лицах и на мордах коней. Недавно вышли из схватки, не успели еще отмыться. Выжидали. Нас выжидали.

Ну да, вот так, видно, оно и закончится… Без попутчиков – кроме Шутейника, без сочувствующих, без лишних зрителей… Да без никого, мрази вы этакие! Как же погано подыхать вот так, ощущая свое бессилие… это так паскудно, что хочется кричать в голос.

Поздно. Не успеем мы в лес. Я развернулся и обнажил клинок. Я могу сделать одну-единственную вещь сейчас – умереть достойно…

– Ай! – вскрикнул Шутейник.

Я видел оскаленные рты, занесенные булавы и пики…

Но… у подошвы холмистой гряды появился другой отряд, числом поболее – на черных как ночь рослых лошадях. Пришельцы не дули в боевые рога: молча разогнав коней, они ударили во фланг моим убийцам, снесли их мощным ударом. Я увидел, как бородач, что несся на меня первым, улетел куда-то в сторону, вышибленный из седла пикой. Еще одного пронзили копьем, третьего срубили ударом меча в лицо. Я от неожиданности упал на землю, удержав шпагу. А рядом со мной, буквально в пяти метрах, происходила натуральная мясорубка. Тридцать против десяти – расклад очевидный. Три десятка порубили десяток моих преследователей на кровавый фарш меньше чем за минуту. Уничтожили всех, добили выживших, затем направили коней к нам.

– Торнхелл! – крикнул кто-то.

И весь отряд ринулся на меня. Откуда-то взялась сеть с крупными ячеями, и меня запахнули в нее, как огромную рыбу, вырвав шпагу из руки. Шутейника же просто отбросили в сторону, будто ненужного малька, и я увидел, как шея его подогнулась с хрустом, мгновенно безжизненно выпучились глаза, распахнулся рот, и оттуда выпал бледно-розовый язык.

Я заорал в ужасе, но сеть поддернули, натянули, опутав меня так, что я почти не мог шевелиться и едва дышал, прижав колени к груди.

– Этот сдох! – услышал я вскрик.

– Плевать, нужен Торнхелл.

Затем отряд устремился вдоль гряды.

Меня не убили, однако я умудрился попасть в плен.

Один.

Глава 33

Меня тянули в сетях меж двух коней.

Воины, что спасли меня и пленили, были массивные, на всех добротные панцири, прикрытые красными тряпками – не помню, как они называются… Кажется, сюрко… да-да, сюрко – тканевое покрытие, что спасает одоспешенного рыцаря от солнца, и оружие у всех основательное. Щиты, подвешенные к седлам – в щербинах: ясно, что это следы того самого боя, последствия которого мы с Шутейником узрели.

У-у-уххх!.. Как же быстро все происходит.

– Эй, – крикнул я. – Эй!

Меня проигнорировали, даже головы не повернули в мою сторону. Средневековые терминаторы, чтоб их…

Скачка заняла около десяти минут. Всадники устремились в проход меж холмами, мелькнула какая-то деревушка – может быть, та, о которой рассказывал Шутейник. Возделанные поля. Перелесок. И снова поле – теперь уже заросшее дикой высокой травой. Там высился полукруг серых камней – высоких, с заостренными кончиками. Когда мы приблизились, я понял, что это мегалиты, поставленные некогда какими-то племенами, или магами, или друидами, или черт знает кем еще. Вблизи показалось, что это вылезли из земли пальцы какого-то чудовища. Между «пальцами», расположенными полукругом, находился огромный шатер из красно-белой ткани. Дальше, за мегалитами, я увидел еще шатры разных цветов – числом много более десятка, дымящие казаны, стреноженных коней и множество людей, которые расшнуровывали, снимали доспехи. У полосатого шатра меня бросили на землю и распеленали, затем поставили на ноги – совсем не так любезно, как это делали прихвостни Ренквиста.

– Это он? – услышал я за спиной.

– Да.

– Высокий…

Говорили, несомненно, обо мне.

У входа в шатер трепетал на длинном красно-белом полосатом древке штандарт – ласка, держащая в лапах солнечный диск.

Похоже, я попал. Но почему не убили сразу? Видно, хотят сперва поговорить. Или – договориться? Но кто меня пленил?

Трастилл Маорай, глава фракции Умеренных, или Дремлин Крау – глава фракции Великих (обе фракции «…выбрали Торнхелла подло»)? Кто же из них? И кого порубили на фарш мои спасители? И почему порубили – если цели фракций совпадают:

не допустить крейна Торнхелла к власти?..

– Эй! – снова вскрикнул я, но мне не ответили.

Конвоир отдернул тяжелый полог, меня ввели в узкий тканевый коридор, оттуда я попал в одно из помещений шатра, с двумя деревянными подпорками, что держали крышу, с истоптанным, извозюканным сапогами травяным полом. Снопы света из окон на крыше падали на круглый полированный стол и три пустых стула с высокими вычурными спинками, обитыми лиловым бархатом. На столе находилась какая-то снедь в серебряных тарелках и большом блюде, несколько бокалов, три графина, серебряные вилки и ложки, два шандала с оплывшими желтыми свечами. За спинками стульев откинулся красный полог, быстрым шагом вошел маленький седой человечек в блеклом сереньком кафтане, долго осматривал меня, поцокал языком, ушел обратно.

Я ждал. С двух сторон меня держали под руки конвоиры. Прошло, наверное, минут двадцать, прежде чем послышался лязг железа, и в помещение, отбросив красный полог, вошел, бренча шпорами, коротко стриженный могучий человек средних лет. На ходу он расстегивал помятую вороненую кирасу. Сдернув и бросив ее на землю, он со вздохом облегчения плюхнулся на стул. Под кирасой обнаружилась кольчуга, примятая с одного бока.

– Ага, – сказал человек. Он налил себе из графина, и опростал бокал двумя могучими глотками.

Вслед за ним снова появился маленький седой человечек, за которым следовала женщина в блестящей посеребренной кольчуге до середины бедер. Короткая стрижка, грубые, но привлекательные черты лица, старый шрам через щеку… Я узнал ее – Анира Най, глава загадочной Гильдии!

И седовласый и Анира расположились на стульях, глядя на меня, как на чудище морское. Взгляд Аниры, как и тогда, в замке Ренквиста, был лишен всяческого участия и исполнен плохо скрытого презрения. Ну не любила она слабаков.

– Ага, – повторил могучий человек. – Ну, в общем, вот так… Как вы думаете, Ревинзер?

– Да есть немного, – откликнулся седовласый. – Но, конечно, не очень…

– А мне кажется, вполне, – сказал человек, еще раз смерив меня взглядом.

– Кто вы? – спросил я, чувствуя себя так, будто меня выставили на забаву нетрезвой публике. – Дремлин Крау? Или Трастилл Маорай?

– А? – Человек словно очнулся от глубоких раздумий. – Нет. Нет-нет, Торнхелл, Дремлина Крау мы сегодня убили. Стоило

больших трудов выманить его из Норатора. А Трастилл Маорай удрал, м-да, удрал, не смогли догнать, но его люди изрядно прорежены, м-да, изрядно… Хотя могло быть и еще лучше. Но вы нам очень помогли, Торнхелл. Очень, очень помогли. Хотя и создали известные затруднения, кои сегодня благополучно разрешились. Спасибо господину магу Ревинзеру, – и он кивнул на седовласого, – он отследил вас даже сквозь Лес Костей и кинул приманку нашим прекрасным дурням – Крау и Маораю. М-да, все получилось отменно, отменно получилось все.

– Кто вы? – повторил я недоуменно. Сердца коснулась ледяная лапа – коснулась и не отпускала.

– А? О, невежливо с моей стороны… Я – Таренкс Аджи…

– Глава фракции Простых?

Запекшиеся губы мужчины растянулись в улыбке.

– Да, именно так. Герцог Таренкс Аджи, глава фракции Простых в Коронном совете. Отрадно, что вы все знаете.

Я дернулся, но конвоиры держали меня крепко.

– Это ведь вы создали крейна!

Таренкс Аджи махнул ладонью в сторону сообщников:

– Это было коллегиальное решение.

– Да-да, строго коллегиальное! – кивнул седовласый маг, навалил себе из блюда еды – кажется, это было мясное рагу – и принялся есть серебряной ложкой, делая быстрые мелкие укусы, как мышь, глодающая зернышко кукурузы.

Анира Най барабанила пальцами по столу. Ногти ее были покрыты золотистым лаком.

Аджи посмотрел на меня с неясной улыбкой:

– Вы создали нам массу проблем, когда убежали… Скажите, это вас Белек надоумил так сделать? Ну конечно Белек, кто же еще… Старый и мудрый дурак. Честный и чистый. М-да… Так Белек?

Слабость вдруг охватила мои ноги и начала подниматься вверх.

– Нет, – медленно произнес я. – Я решил… сам.

Аджи удивленно приподнял брови. Взгляд Аниры Най сместился на меня. В серых, бесстрастных прежде глазах появилась искра удивления.

– Вот как… Значит, сами.

– Сам.

Звякнула примятая кольчуга.

– А что же сподвигло вас на этот шаг, дорогой крейн?

– Я хотел увидеть страну. Увидеть страну перед тем, как получу мандат архканцлера.

Неизвестно почему, но эти слова вызвали улыбки у всей

троицы. И если губы Аниры Най чуть дрогнули, то Таренкс Аджи едва сдержался, чтобы не расхохотаться, а господин маг Ревинзер прыснул прямо в серебряную ложку и, кажется, поперхнулся, поскольку закашлялся.

Таренкс Аджи заботливо постучал по согбенной спине.

– Ну, повеселили нас, дорогой крейн. Повеселили. Значит, страну посмотреть… Ох… Немыслимо, конечно, немыслимо! К счастью, мы благополучно разрешили все проблемы, что вы нам создали. Никто не думал, конечно, что вы сбежите из гостиницы от стражи, которой было много, очень много, ибо мы ждали первый отряд дворян от Умеренных и даже смазали клинки «Серебром змеи»… М-да… А наши потом гнались за вами через Серый тракт, а вы возьми да исчезни… Но господин Ревинзер предвидел любые неприятности и озаботился тем, чтобы мы подложили в вашу сумку несколько особых, настроенных лишь на Ревинзера вещей, с помощью которых он мог прослеживать ваш примерный путь довольно легко, и сообщал о сем отряду время от времени… Гребешок, небольшой флакон нюхательных солей, стаканчик с костями и что там еще?.. А вы, как крейн, только усиливали неявное магическое качество вещичек… Однако затем было решено вас уже не трогать, а просто пытаться опекать, как выйдет… Правда, вы удрали от нас на земли Ренквиста, чего мы не могли ожидать… Хм, хм… Да, так что там насчет мандата?

– Я хочу его получить, – произнес я ровным тоном. – Взять в храме Ашара в нужное время. До затмения или во время оного. С вашей помощью, конечно. Я возьму мандат и очищу Санкструм от злых людей. И спасу страну.

Теперь волна веселья плеснула до потолка. Смеялась даже Анира Най, глава загадочной Гильдии. У нее, в отличие от Амары Тани, были прекрасные зубы.

– Торнхелл… – сказал Аджи, отсмеявшись. – Поймите, пожалуйста… Ну, как бы вам пояснить…

– Тебя создали как приманку, – резко бросила Анира. – Умеренные и Великие решили найти идиота-архканцлера, который будет плясать под их дудку. Предыдущего мы убили, так как он начал угрожать нашей фракции – фракции Простых, поскольку время исполнения наших планов еще не пришло… Торнхелл – это смешной дурень, невежественный, жадный, которому создали репутацию кровавого мясника… С его помощью они хотели протащить нужные им реформы… Мы перехватили его, но до этого еще пустили слух, что готовы сделать крейна… И правда нашли дурака, Белека, который был готов пожертвовать собой ради блага этой… – она покачала головой, – этой несчастной страны.

Я молчал. Слов не было. Слабость ползла по телу.

– Видите ли, молодой человек, – молвил Ревинзер, пожамкав беззубым ртом, – ко времени вашего появления в Нораторе сложился паритет сил, патовая ситуация… – Он свел сухонькие ладони вместе. – Три фракции были равно сильны, и ни одна не могла бы превозмочь в открытой схватке другую без фатальных потерь для самое себя и равно не могла заниматься осуществлением своих планов по захвату власти без страха все потерять… И никто из высшего руководства не покидал пределов Норатора с большой охраной, чтобы не ослабить свою фракцию… И вот тут на сцену вышли вы.

– Мы планировали везти вас, Торнхелл, в Норатор нужным нам путем, – сказал Аджи громко. – Выманить фракции из города и истребить основные силы каждой, и, коли получится, уничтожить лидеров… Но вы сбежали. Однако даже это пошло нам на пользу. И Умеренные и Великие засуетились ужасно, а когда они узнали, что к делу присоединился Ренквист, – и вовсе сошли с ума от страха. Мы хотели выманить и Ренквиста, он очень сильный игрок, но толком не вышло… Чтобы приостановить Ренквиста, одни умники из Великих даже пустили черный мор, и барон отступил на свои земли, огородившись карантинами… Ах да, вы крейн из простолюдинов… Не знаете, что черным мором управляют… Они отрезали вас мором от отрядов Ренквиста, пытались поймать и убить сами… А мы следили за ними и уничтожали отряды поодиночке. А сегодня… о, сегодня – большая победа. Отряды Маорая и Крау разгромлены. Наша фракция теперь сильнее всех.

Я кивнул.

– И я больше не нужен.

Он широко улыбнулся и покачал головой.

– Нет, нет и еще раз нет: мы больше не нуждаемся в вас… – он сделал значительную паузу, – в самом широком смысле этого слова.

– Мандат – глупая приманка для крейна, – сказал я. – А крейн – приманка для фракций… Никто и не собирался вручать ему власть.

– Где-то так, да. Дальше объяснять не нужно, да и незачем. Мы хотели взглянуть на вас, все же именно вы – корень нашей победы, и, собственно, взглянули. Вы выжили там, где не должны были выжить, – например, в Лесу Костей. Кстати, а как вы прошли через Лес Костей? С некоторых пор там совершенно невозможно ходить…

– Меня перевели через лес.

Маг Ревинзер пожевал губами и уставился на меня блеклыми

глазками.

– Как интересно… И кто же?

Шел бы ты, морда. Не скажу. И так и так помирать.

– Друзья.

– Друзья? Мм… мм… У вас появилось несколько спутников, мы осведомлены о сем факте, но кто же из них обладает нужными магическими потенциями? В лес не могу войти даже я, а я куда как силен.

– Просто друзья, – сказал я, ощущая тонкую эльфийскую веточку в кармане рейтуз. – Они пожелали остаться инкогнито.

И тут я углядел, что красный полог за спинками стульев Аджи и Ревинзера вздулся, будто его на миг коснулись пятерней. Там стоял еще кто-то. Точно так, как было в замке Ренквиста. Невидимый кукловод.

Сидящие передо мной были закалены игрой во власть. И, как и все в этом проклятом мире, обладали исключительным даром – резать по живому в случае необходимости. И они, и кукловод поглядели на Торнхелла и вынесли приговор.

– Вы – Спасители Санкструма, – сказал я резко. – Герои, патриоты страны. И вы же – двуличные мрази.

Слишком хорошо я понимал, что крепко влип и меня не выпустят, так что осторожничать не стоило. Пусть даже мандат «сгорит», я – живой – все равно остаюсь опасным свидетелем проделок фракции. Значит, меня убьют – так зачем играть в вежливость?

Таренкс Аджи усмехнулся и вытянул губы трубочкой – он, похоже, был хладнокровен и очень умен, и, как все умные люди, оскорбления и прочие глупости, не угрожающие непосредственно ему или его политической репутации, не воспринимал всерьез. Маг Ревинзер пожал худыми плечами. А вот в глазах Аниры Най зажегся знакомый мне огонек – примерно такой я видел у садистки, что пыталась убить меня с помощью кнута. Подруга?.. Она говорила о подруге, которая просветила ее насчет военных умений крейна. Вот и подруга! Анира Най играет и за ваших, и за наших, и еще во-о-он за тех ребят, которые вообще не на поле, но готовятся выйти. Я заинтересовал Аниру.

За пологом раздался шорох. Маг Ревинзер оглянулся через плечо, затем суетливо подобрал хлебом подливку, отправил мякиш в рот и удалился.

Я вздрогнул, попытался высвободиться, но меня держали будто два дуба-великана.

– Я могу дать вам выбор, любезный крейн, – промолвил Аджи, нахлюпав себе еще вина в кубок. – Поскольку вы были нашей марионеткой, вы заслужили этот выбор. Выберите свою

смерть. Сами. Яд, веревка, меч. Что-нибудь из этого. Если вы очень захотите, мы можем растянуть вас между конями, или привязать к деревьям, или еще что-то экзотическое с вами сделать, например, закопать в землю по шею… что угодно, что будет в наших силах. Вы же знаете… а впрочем, не знаете: выбирать способ казни – давняя привилегия высокородных дворян Санкструма. Вы крейн, но я своей властью дарую вам эту привилегию. В конце концов, вы – в теле герцога, носителя древней и знатной фамилии.

Вернулся господин маг Ревинзер, лицо его изрядно побледнело.

– Ренквист с людьми – в получасе отсюда. Отряд – крупный весьма.

Таренкс Аджи вскочил, любезности кончились.

– Как пропустили?!

Ревинзер всплеснул руками:

– Войско Ренквиста прикрыто щитом. Работают сильные маги.

Я вспомнил брата Горишку. О, Ренквист умел убеждать магов хорошо и плодотворно работать, вознаграждая их грибным супчиком и прочими радостями заключенных.

Анира Най мазнула по мне взглядом и досадливо цыкнула. Таренкс Аджи подобрал кирасу и бросил взгляд куда-то мимо меня.

– Вывести его за пределы лагеря, в рощу; умертвить, вскрыв горло. Держать подвешенным за ноги до тех пор, пока не стечет вся кровь. *Вся* кровь! Вы поняли? Вся. До капли. Потом закопайте.

Страшно, когда тебя волокут на казнь, а ты ничего не можешь сделать. Вдвойне страшнее, когда ты знаешь, что в кармане у тебя лежит кастет, а твои палачи – дворяне, которые и мысли не имеют о том, что можно использовать не какой-то благородный стилет, а самое банальное, вульгарное даже, подлое – по их представлениям – оружие, и потому не обыскали тебя как следует. А в другом твоем кармане лежит странная веточка мертво-жизни, но как с ней обращаться – ты не имеешь представления.

Палачей было двое. Те же, что держали меня в шатре заговорщиков. Крепкие, молодые, пахнущие потом и кровью, наработавшие силу беспрестанными воинскими упражнениями, они поволокли меня в рощу, что лежала метрах в трехстах от мегалитов. Деревья сомкнулись за нами. Молодая листва, еще не потемневшая, еще липкая, сочно-салатовая, едва распустившаяся, мельтешила в глазах под порывами ветра. Меня проволокли на полянку и бросили на колени. Отсюда шум воинского лагеря

доносился как слабый морской прибой.

– Ты или я? – спросил тот, что справа – рябой.

– Все равно, – ответил тот, что слева – красноносый.

– Ну, значит, я, – решил первый. Его клинок покинул ножны с вкрадчивым шелестом. – А закопаем уже вместе.

Красноносый бросил на землю два заступа.

– Мужицкий труд!

Я рыпнулся, но держали меня крепко. Кусочек мертво-жизни в кармане рейтуз молчал – а ведь обещали мне, что он поможет!

– Тиу! – настырно донеслось из ближайших кустов. – Тиу! Тиу!

Кто-то подражал певчей птице, намеренно фальшиво, я знал, что он, этот кто-то, может намного лучше… Но этого не может быть, я же сам видел…

Вслед за птичьей трелью из кустов выметнулся камень, угодивший в красноносого – я понял это, ибо он вскрикнул, а ладони его, заломившие мою руку, разжались.

Этого было достаточно, чтобы я, вывернувшись, повалился на землю, увлекая за собой рябого палача. Он рухнул рядом, звякнула о кольчугу кираса; рухнул как заправский солдат – не выпуская меч, а перед моими глазами пронесся еще один камень, я услышал вскрик. Рябой пытался подняться, но я вмазал ему по роже сапогом: один раз, потом другой, третий, пока не превратил его нос в кровавый пятак. Тогда он наконец выпустил мою руку. Я вскочил и добавил в прыжке, превращая его ряху в кровавое месиво. Вырвал меч из ослабевших пальцев, обернулся.

Шутейник выскочил на поляну и, как заправский жонглер, метал подобранные где-то камни в красноносого. Тот был ошеломлен, пятился, прикрываясь ладонью. Я ударил его сзади мечом в шею, в место над узорчатым краем кирасы, не глядя выдернул клинок и добил рябого, сунув меч под левую ключицу так, что он скрежетнул о кирасу. И подумал при этом: как бы рябой не пришелся братом Амаре, ведь не простит, лапочка…

Затем спокойно вытер меч о штаны рябого, хорошо так вытер, тщательно.

– Мастер Волк!

Я поглядел на гаера. Шея у него вращалась во все стороны, и даже, я бы сказал, несколько разболтаннее, чем нужно.

– Ты же мертв, вертишейка?

– Ой, я вас умоляю, мастер Волк… Я гаер-глумотвор, я и не таким фокусам обучен. Прикинулся дохленьким, будто шею сломал, язык вывалил, а перед этим им щелкнул, будто шейка – тресь! – и глазки выпучил… зато от меня отстали, никто даже добивать не решил, так я славно сыграл-то. Потом бросился по

конским следам за вами… Что будем делать, мастер Волк?

– В Норатор, Шутейник. У нас есть… сколько у нас дней?

– Три дня, мастер Волк. У нас три дня до затмения.

– И до Норатора – двадцать миль?

– Около того.

– Успеем, как думаешь? Мне обязательно нужно прибыть за день до затмения.

– Обязательно успеем, мастер, если лошадок либо повозку раздобудем. А кто вас похитил-то? Что за птицы?

– Пошли, расскажу по дороге.

– Погодите, оберу ребяток. Вот вы все-таки крейн и не поймете никак, что покойников обирать нужно, иначе что? Правильно! – кто-то их оберет за тебя, и тогда прощайте, денежки!

– Я просто не могу себя заставить… – «Пока не могу», – мог бы я сказать. Убивать я уже научился, но мародерствовать… Впрочем, психология местных жителей совершенно иная. Для них обобрать бесхозный труп – это просто взять валяющиеся на земле деньги, не более. Моральный аспект этого действа для них прост. Никакого оскорбления мертвеца или чего-то подобного: я просто взял деньги, или сапоги, или одежду – ведь покойнику они уже не понадобятся, правда? В глазах гаера или Амары я, таким образом, выгляжу блаженным дурачком, который – сам без гроша в кармане – не подбирает бесхозные деньги. Но я пока не могу себя заставить, мешает разница в моральных установках.

– А надо, мастер Волк, надо! У нас же денег-то – ни крошки, ни крохотулечки… А как без них до Норатора быстро добраться-то? Разве что петь по трактирам – но это что? – правильно, время! А времени у нас – как и денег – ни крошки!

Я воткнул меч в землю и кивнул:

– Я научусь и этому. Я быстро учусь, Шутейник.

– Это да… Ловко вы их, ловко! Одному шею вспороли, второму острием в самое сердечко…

– Не нужно подробностей! – Я не хочу превращаться в боевика-монстра, хотя, по здешним меркам, я стану просто умелым солдатом. Никакой жестокости в убийствах – чистая прагматика: ударил в точности туда, куда надо ударить, чтобы убить сразу. И как это я так сделал, интересно? На инстинктах, видимо.

Не хотелось бы мне применять эту ловкость слишком часто. Между тем я в известной степени заложник парадоксальной ситуации: развивайся в направлении средневекового восприятия жизни или проиграешь.

Шутейник поднялся, оправил подранные в Лесу Костей

одежды.

– Так вы, мастер Волк, планируете все же забрать мандат?

Я кивнул снова.

– Теперь – однозначно. Теперь это дело принципа. Обойдем карантины – войдем в город. Пройдем в храм Ашара и заберем нужное.

– Что, так легко?

Я улыбнулся, запрокинул голову. Солнце светило прямо в глаза. Не могу сказать, что я вжился в этот мир, но в нем было что-то определенно привлекательное. Например, хогг, который не бросил, а пошел за мной в надежде освободить… И рябая проводница с выбитыми передними зубами и насмешливым взглядом серых глаз…

– Легче, чем ты думаешь.

– Но ведь вокруг храма – стража, и…

– Никто нам не помешает. Я просто войду в храм и возьму мандат архканцлера.

– Что, просто так войдете?

– Просто так войду.

– И просто так заберете?

– Просто так заберу.

– И никто ничего не скажет? Никто не помешает?

– Увидишь.

– Но как вы сделаете это?

– Сейчас расскажу. Пойдем.

Мы двинулись в путь.

К Норатору.

К моей новой жизни.

Глава 34

Я стоял среди кустов на высоком холме и созерцал Норатор, столицу империи Санкструм.

Ну-с, повторим для закрепления предмета. Империю Санкструм я должен спасти, став ее архканцлером, что не так-то легко сделать, если учесть, что мандат на пост архканцлера лежит под хрустальной полусферой в храме Ашара, храм находится в Нораторе, а Норатор окружен карантинными заставами против черного мора. Кроме того, сам храм Ашара охраняют мои недруги. Ну и контрольный выстрел – послезавтра истекает последний срок, чтобы взять мандат в руки. Опоздаю – по закону мандат потеряет свою силу, и я, Андрей Вершинин, оказавшийся в теле новоиспеченного архканцлера Арана Торнхелла, смогу использовать эту бумажку в качестве… скажем, носового платка.

Под холмом проходил Серый тракт, пустынный ныне, поскольку столицу Санкструма окружали противочумные заставы… Если одинокий путник появится либо на тракте, либо еще на какой дороге, ведущей в столицу, – его заграбастают, и, в общем, мои недруги только того и ждут, что я появлюсь и предамся в руки карантинных стражей.

Мы прибыли в срок, за большие деньги наняв повозку о четырех лошадях. Вот она, столица, возлежит на высоких холмах у моря Оргумин, яко красна девица, и готовится отбыть ко сну, освещаемая золотистыми лучами закатного солнца. Город обширный, окруженный виллами, утопающими в цветущих плодовых садах. Однако все подступы надежно перекрыты: дымят смоляные костры карантинных застав. В кострах жгут одежды путников любого звания, любой должности. Затем пришельца в Норатор натирают уксусом, потом отправляют в баню, а после – во времянку на пять суток. Если за это время у него не проявятся признаки черного мора – добро пожаловать в столицу. Строго, но действенно, я и сам намеревался таким образом бороться с местной чумой… В общем, официальным путем в Норатор мне вовремя не проникнуть. И это я уже не говорю о том, что приметы Торнхелла наверняка знают на всех заставах.

Ну и, разумеется, я не могу ждать пять дней. У меня только сутки, не считая сегодняшнего дня. Я оглянулся. Наша повозка пылила уже далеко, владелец – он же возница – драпал от столичного города как можно быстрей. Не дай Свет Ашара – изловят карантинщики, так мало того что оберут – заставят карантин отбывать.

– Раз застава, – считал Шутейник, – два застава… три застава… пять… восемь… десять! На всех дорогах заставы, и даже у самых плохоньких дорожек в кустах сидят прознатчики. А знаете что, мастер Волк, это ведь они не черный мор стерегут – нет, это они вас пропустить в город боятся!

Я кивнул:

– По-моему, все впустую.

Шутейник хитро на меня посмотрел:

– Все да не все, мастер Волк. Гляньте-ка направо.

Я посмотрел:

– Сады и огромный замок в стороне от Норатора. Что это?

– Варлойн. Резиденция Растаров. Ваше будущее место работы, мастер Волк…

Смешно пошутил.

– Ну-ну…

– А теперь поглядите-ка налево.

Я посмотрел.

– Аталарда…

Главная река Санкструма разлилась широким устьем с множеством островов, главный рукав касался холмов Норатора, там виднелись многочисленные деревянные и каменные пристани, сейчас полупустые. Выше – нагромождение сараев, пакгаузов, всяческих складов, нависающих над рекой, словно огромные ульи.

– Угу. Речной порт.

– Вот. А еще левее…

– Какая-то деревушка.

– Рыбацкий поселок на берегу Оргумина. Счастливый, так называется.

– Очень счастливый… – И я выругался.

– Там логово контрабандистов, мастер Волк. Далеко в море, подальше от сторожевых галер имперского флота, эти ушлые ребята грузят товары с кораблей на рыбацкие шаланды, затем ночью выгружают их в поселке, а далее – переносят их в речные лодки, и уже с лодок – в речной порт. Такая вот непростая схема, поскольку морской порт сильнее охраняется, а вот речной – как решето. Там свои лазейки, пошире чем главные ворота Норатора. И во-он, смотрите – наша лазейка: последний карантинный пост, а между ним и Счастливым как раз зазор, куда мы пролезем.

– Контрабандисты – надежные люди?

– Нет, но выбирать не приходится. Жаль, что госпожа Амара пропала, она бы, смекаю, провела вас в Норатор со стороны Варлойна, там тоже лазейки, но только я их не ведаю… Пойдемте, мастер Волк, до ночи надо быть уже в поселке,

а ночью – проникнуть в город. Дядюшка Рейл будет очень не рад меня видеть, но родственные чувства у нас, хоггов, в крови, так что он, поверьте, не отвертится… И все-таки – ловко вы придумали это, ловко…

Он имел в виду мой план по получению мандата архканцлера без крови и большого «бадабума».

– Главное, чтобы твой дядя согласился.

– Согласится, куда денется… От таких предложений, мастер Волк, не отказываются, если голова на плечах имеется!

Мы сошли с холма и, пригнувшись, перебежали Серый тракт. Так, перебежками, по кустам да закоулкам, придерживая мечи моих несостоявшихся палачей, мы подобрались к последнему карантинному посту, а оттуда вплоть до Счастливого ползли, как ужи, собирая на одежду прошлогодние репьи.

Часть пути проделали по прибрежным кустам. Море Оргумин спокойно набегало на песчаный пляж шагах в десяти, я видел легкие белые завитки волн и пучки бурых водорослей, мотыляемых прибоем. Терпкий соленый запах моря бодрил, на синем просторе мазками белой краски застыли паруса рыбацких шаланд.

Я сидел в кустах, пока Шутейник бегал столковаться о переезде. Я, конечно, лидер и архканцлер, но некоторые дела лучше поручать профессионалам: это, наверное, главный урок, который я усвоил в Санкструме.

Вернулся хогг не скоро, когда сумерки сообщили водам Оргумина легчайший оттенок зеленой патины, а грязнокрылые чайки, устав кружить, расселись на прибрежных валунах. Прохладный бриз начал задувать сквозь кустарник.

– Мастер Волк, пойдемте скорее! Ох, ну и долго же пришлось мне говорить и уговаривать… Все деньги, почитай, отдал – ну и ладно, главное согласились, потому как у них сейчас самая работа горит – карантины вокруг города, так спрос на разные товары утроился. Короче, пойдемте!

От Шутейника изрядно разило алкоголем. В густеющих сумерках мы двинулись к поселку, где даже в сумерках кипела жаркая работа – люди катили бочки от моря к речным пристаням, везли какие-то грузы на тачках и даже на конных повозках. Ну просто загляденье. Интересно, возможно ли переправлять такой объем контрабанды без соответствующей «крыши» в Нораторе? Думаю, нет, это ведь огромный поток живых денег, и даже при слабости центральной власти найдется кто-то из сильных мира сего, кто наложит на этот поток волосатую лапу.

Главное, чтобы лапа эта не принадлежала членам какой-либо из фракций. Кстати, а что насчет моих примет? Солдаты на

карантинах их знают, но озаботился ли кто-то, чтобы передать мои приметы контрабандистам Счастливого? Вопрос так вопрос. На миллион долларов вопрос… Иду в пасть тигра, но есть ли у меня другой выход? Пожалуй, нет. Слишком много поставлено на карту.

Хогг привел к речной пристани, где среди низких срубов ожидал нас усатый дядька сурового вида. Щербатый тесак на боку заношенного кафтана многое говорил о роде деятельности его владельца. Красноречивая деталь. Дядька осмотрел меня, близоруко щуря глаза, поправил мятую кожаную шляпу с полями, украшенными белыми потеками птичьего дерьма, и изрек:

– Пойдет. Ступайте туда, – и кивнул на ближайшую постройку.

Внутри нас ожидала сморщенная старуха. Она восседала за грубым столом среди многоэтажных полок, на которых громоздились какие-то деревянные ящики, короба и бочонки. На столе, среди грязных тарелок и пустых кружек, разгорался красноватым светом фонарь в ржавой стальной клетке. Старуха подняла его и, осмотрев нас, долго цыкала сквозь дырку между верхними зубами.

– Обормоты, – пробормотала, шамкая. – Два обормота. Один малый, другой крупный. Два.

Водрузила фонарь на стол и ушла.

Я ждал, прижимая к боку меч, нервно щупал свитую из кожи оплетку рукояти, вдыхал горьковатый запах каких-то пряностей и, кажется, сладковатый – эльфийского листа. Место, где мы находились, было, несомненно, одним из складов, откуда по мере надобности подвозили в Норатор дефицитный товар.

Шутейник без затей плюхнулся на табурет, покинутый старухой, и закинул одна на другую ноги в красных сапожках с загнутыми носами.

– Все будет хорошо, мастер Волк. Садитесь. Вон справа табуреты.

Я остался стоять.

Наконец старуха вернулась, цыкнула на Шутейника, от чего он мгновенно вскочил, и, сдвинув на край стола посуду, бросила на него груду одежды.

– Вот вам, обормоты. И поскорей!

Мои брови недоуменно выгнулись. Хогг вскочил и принялся копаться в одежде.

– Так, это мое. Это ваше. Это мое. Это снова мое. Это ваше. Это снова ваше.

Мне выдали комплект: тяжелую морскую робу из кожи с деревянными пуговицами, шляпу с длинными полями и тяжелые

перчатки. Такой же комплект, только меньших размеров, получил Шутейник. Правда, его роба все равно оказалась длинновата и вдобавок здорово пропалена на спине.

Мы переоделись в мирных рыбаков, скрыв мечи под робами, и надели шляпы.

– Ну и вон отсюда, – буркнула старуха.

Мы ушли.

Большая рыбацкая лодка ждала нас у нужного причала. Пройдя по скрипучим доскам вместе с проводником, давешним дядькой, мы спустились в лодку, где находились еще два человека, чьи щетинистые физиономии, как принято говорить, не внушали никакого доверия. Лодка была заполнена бочками. В бочках, конечно, лежала рыба – кажется, что-то вроде кефали, тускло блестела крупная окровавленная чешуя. Я подумал, что стоит сунуть в бочку таможенный щуп даже на глубину локтя, как наткнешься на нечто твердое – или мягкое, в зависимости от сути контрабандного груза.

– Ну? – спросил один из рыбаков.

Давешний дядька показал на нас рукой:

– Угу.

Рыбак кивнул:

– Ладно.

Затем все трое сноровисто принялись надевать на бочки крышки, скрепляя их ржавыми ободами и постукивая деревянными молотками. После двое заняли места на веслах. Дядька кивнул мне на другое сиденье, кажется, на лодках их называют банками:

– Ты, здоровый, гребешь со мной. А малой хогг пусть крутит дули водяным.

Велеречиво, ничего не скажешь.

Я взялся за весло.

Мы отчалили в сумрак, к белой громаде Норатора, видневшейся в двух километрах от нас.

Глава 35

– Нет! Нет, нет, и не просите! – взревел Бантруо Рейл. Как и все хогги, он был краснолиц, глазаст и имел темперамент динамитной шашки, брошенной в костер. – Я не могу этого сделать даже за все золото мира! Даже за тысячу крон – нет! Даже за полторы – нет! За две – может быть. Тысяча семьсот – последняя цена!

– Хм, – сказал я.

Дело происходило в редакции, или, как называл это место Шутейник, в печатне газеты «Моя Империя». Подвал доходного дома был разделен на секции, и в одной, самой крохотной, помещалась непосредственно редакция, где работал при тусклом свете лампы, согнувшись в три погибели, бледный студент Макио – человек, журналист, редактор, корректор, уборщик, грузчик, мальчик на побегушках и все прочее, что могло взбрести на ум владельцу газеты – дяде Шутейника Бантруо Рейлу. Поскольку все университеты в Санкструме закрылись, студенты-недоучки разбрелись кто куда и брались за любую работу.

В отдельном закутке сидел сам Бантруо, у него был кабинет с зарешеченным окошком вровень с булыжниками мостовой, стол с кипами бумаг, и даже мусорная корзина, и стены, залепленные старыми выпусками газет. Здесь он принимал разносчиков сплетен и, если сплетен было маловато, придумывал интересные истории сам.

Другие части подвала были разделены на большие секции кирпичными стенками. Секция для чистой бумаги. Секция для огромного печатного пресса совершенно допотопной конструкции с утяжелителем в виде тяжелой булыги, обмотанной ржавыми цепями. Секция для литья букв. Наборная секция. Всего на Бантруо Рейла работали три хогга – наборщик, литейщик и гравер-художник (все – его близкие и дальние родичи) – и один человек, и, судя по изъеденной молью изумрудной безрукавке, дядюшка Шутейника был тем еще скрягой. Остатки красноватых волос торчали по бокам его багровой плеши то ли как рожки черта, то ли как высохший лавровый венок.

Я ожидал, что в печатне окажется Амара, Бернхотт или Литон – но, увы, там были только работники редакции и крикливый владелец-редактор. И никто из моих друзей сюда не наведывался. Пропали они, видимо, в Лесу Костей, или закрутил их вихрь войны между фракциями Коронного совета… И от этого незнания, как они, что с ними, я ощущал себя крайне хреново. Я привязался к ним, а кое к кому, признаюсь честно, более чем

привязался… И, пожалуй, мне уже плевать было на выбитые зубы и иссеченное оспинами лицо…

– Хм… – повторил я и переглянулся с Шутейником.

Гаер незаметно мне подмигнул, мол, вы на верном пути, мастер Волк, продолжайте, продолжайте обработку.

Впрочем, это еще неизвестно, кто кого обрабатывал – дядя Шутейника был тертый калач и мог проглотить противника вроде меня с потрохами.

– Вы же меня погубите! – вскричал дядя, наверное, в десятый раз, точно кот тараща на меня блудливые желтые очи. – За какие-то две, ну, пусть тысячу семьсот крон золотом.

– Дядя! – с нажимом произнес Шутейник.

– Дядя! – с нажимом произнес я, повторяя истину, которую пытался вдолбить Бантруо Рейлу. – У нас нет ни гроша. – Говорил я фигурально, ибо гроши как раз у нас были, но их едва хватило бы на покупку трех-четырех экземпляров «Моей Империи» – четырехстраничной газетенки, отпечатанной на скверной, зернистой, пахнущей крашеным деревом бумаге.

Бантруо Рейл всплеснул толстыми руками, почти достав пальцами низкий кирпичный потолок со следами недавно сметенной паутины. Глаза у него при этом заинтересованно блестели.

– Я это понимаю, и понимаю хорошо. Но чем же вы будете расплачиваться, а? Жалкие две тысячи… ну, пускай тысячу семьсот, можно занять в банке любого дюка под небольшие совсем проценты… Процентики… Двадцать, тридцать процентов в месяц, не больше. Можно заложить, к примеру, родовой замок… Или земли. Или деревеньку…

Я показал хоггу раскрытые ладони, хотя с таким же успехом мог продемонстрировать ему пару кукишей.

– Вот все, чем я богат на данный момент.

– То есть у вас ничего нет.

– Так точно. А вон там, – я указал пальцем на окно вровень с мостовой, – лежит империя Санкструм. Завтра она станет моей, если я возьму мандат в храме Ашара. Мандат охраняют, и меня туда не пропустят, но, как я вам уже сказал, ваша газета послужит мне пропуском. Таким образом, я предлагаю вам, Бантруо Рейл, работать на перспективу. Вы понимаете, насколько вам будет хорошо, если за вашими плечами окажется мощь всей Империи? То есть вам будет не просто хорошо, а *очень хорошо* вам будет!

У актеров это называется «работать за титры», то есть сниматься в известном проекте за гроши, а истинную оплату взять славой и бонусами, что посыплются после успеха проекта. Так делают самые умные, и лишь дураки требуют все и сразу, и,

конечно, ничего не получают.

Он все понимал, старый прохиндей, понимал даже лучше, чем я сам. Он не выглядел глубоко встревоженным: скорее, предельно заинтересованным, понимал, что дело, которое предлагаю, – случается лишь раз в жизни. В глазах его разгорался огонь азарта.

– Но вы сознаете, Торнхелл, что будет со всеми нами, если затея ваша не удастся? Вас убьют, мою редакцию сожгут, работников разгонят, а меня посадят в кутузку и уже потом убьют. Но, может быть, убьют и сразу – вот не знаю, зависит от того, какая из фракций за мою редакцию первой возьмется… И что же все-таки я получу?

– Очень много. Если все удастся, я вознесу вас, Бантруо Рейла, на самые высоты…

– На какие высоты? Давайте говорить конкретно – на какие именно высоты вы меня вознесете? Потому что я сам, например, своей личной персоной, могу встать на стул – вот! – Он встал на скрипучий рассохшийся стул и уперся лысой макушкой в кирпичный свод. – А могу, если захочу, подняться даже в самую высокую башню Варлойна, хотя меня туда и не пустят, но деньги, они, знаете ли, открывают любые двери. А если дела наши не завершатся успехом, меня лично поднимут на высоту виселицы!

– Дело завершится абсолютным успехом. Я знаю это.

– Ой ли! Ой ли! Так на какие высоты я поднимусь?

Вместо ответа я прошелся по тесной каморке владельца «Моей Империи».

– Сколько еще газет, ваших конкурентов, имеется в Нораторе?

Дядя Бантруо показал два пальца, опрокинув со стола жестяную мятую кружку, откуда выплеснулась столовая ложка красного вина.

– «Южный рассвет» и «Громобой»… Так что же я получу?

– И обе преуспевают больше вашей газеты?

Пузатый хогг огласил подвал трубным гласом:

– Не нужно мне этого говорить! Зачем ты, Рейл-младший, бессемейный, привел ко мне громаду, которая меня оскорбляет? Бумага нынче очень дорога, мальчишки-газетчики дороги, сборщики сплетен дороги. Свинец для литья букв дорог! Статьи дороги! Золотари – и те дороги! И поэтому кругом – дерьмо! А еще этот черный мор вокруг… И ты, Рейл-младший, приводишь ко мне авантюриста, предложение которого может обернуться для меня смертью! А о моей жене и детях ты подумал? Что случится с ними, если я пойду по миру? У меня почти трое детей!

Шутейник поймал мой взгляд и покачал головой. Никаких детей у дядюшки Бантруо не было, он придумывал на ходу,

набивая себе цену.

Ушлый прощелыга.

Я нетерпеливо кашлянул, и дядя Бантруо, немедленно прервав излияния, вновь спросил:

– Так вы говорите, я получу нечто весомое?

Вместо ответа я прошелся по каморке, делая вид, что обдумываю нечто важное, хотя это самое важное я обдумал и обсудил с Шутейником еще позавчера.

– Я придам вашей газете статус главного имперского органа печати. Это значит – тираж… Да, запомните это слово: количество отпечатанных экземпляров называется «тираж»! Так вот: тираж вашей газеты будет выкупаться мной лично и распространяться бесплатно. Вместо пятисот – тысячи экземпляров, какими вы сейчас пробавляетесь, я регулярно буду заказывать у вас две тысячи. Дальше – больше. Газету я направлю во все области Санкструма, и по мере ее продвижения тираж будет увеличиваться… Три тысячи… Четыре тысячи… Затем – пять тысяч. Такого тиража наверняка не имеют оба ваших конкурента, вместе взятые. И учтите, я буду выкупать весь тираж по хорошей цене!

Глаза дяди Бантруо вспыхнули.

– Три тысячи… – повторил он, как под гипнозом. – Четыре тысячи… Лучше, конечно, пять тысяч…

– И это не предел. Я намерен взяться за всеобщую грамотность, а значит – количество читателей вашей газеты, возможно, утроится.

– И медаль! Я всегда хотел медаль за особые заслуги!

– Дам орден. Самый почетный, какой только есть в Санкструме. И дворянский титул. Хоггам можно получить дворянский титул?

Шутейник кивнул:

– Вполне.

– Так вот, вы, Бантруо Рейл, ваша супруга и… почти трое ваших детей – будете возведены во дворянство на веки вечные.

Тут дядя окончательно капитулировал.

– Макио, друг мой, – позвал он сладким голосом искусителя, – поди сюда. Нужно сообразить несколько статей!

Я сказал:

– Вы помните – тираж в две тысячи экземпляров должен быть готов к семи утра!

Дядя кивнул:

– Да, да, на две тысячи у нас найдется бумага… Но это все, что есть, и все – бесплатно! Если я не окуплю этот выпуск – я банкрот!

– Не бойтесь. Как только я займу место архканцлера, я обеспечу вас и бумагой, и должными средствами.

Бантруо Рейл кивал, глаза его маслились. Перед его внутренним взором уже проплывали десятки тысяч тиража «Моей Империи», и ордена, и дворянское звание… Я молился про себя, чтобы он не очухался и не сообразил, что мое архканцлерство дается на два года и что после этого все, кто ко мне приближен, могут получить от Коронного совета такие репрессии, что небо с овчинку покажется. Впрочем, я постараюсь укрепить свою власть за это время так, что и спустя два года Коронный совет не пикнет.

– Гравер пусть немедленно рисует мой портрет. Шутейник, нужен богатый мундир под мой рост. И ордена.

– Настоящие?

– Нет, сусальное золото. Что угодно, любые копии, лишь бы поярче. Я буду выступать при полном параде. Также нужны два трубача.

– Хорошие?

– Без разницы. Лишь бы играли и не падали при ходьбе.

– Найдутся. Есть у меня на примете пара актеров…

– Без разницы – кто. Лишь бы делали свое дело.

– Телохранители?

– Нет, они не потребуются. Никто не тронет меня.

– Я пойду с вами, покажу путь через улицы и буду, если надо, охранять.

Я кивнул. Малыш-хогг как телохранитель стоил пары громил.

Явился хогг-художник и одновременно гравер – пожилой и сморщенный, в полотняной фуражке с острым козырьком из полированной кости. Принес лист скверной бумаги и точенную шашелем граверную доску. Сел на колченогий табурет у кирпичной стенки и, щурясь, бегло начал рисовать мой портрет, чтобы затем перенести его на гравюру для печати.

– К свету станьте, – велел сухо.

Я стал в свет настенной лампы, заправленной каким-то вонючим жиром, вроде бы китовой прогорклой ворванью.

– Направо повернитесь.

– Не нужен профиль. Крупно лицо анфас, – сказал я. – И чтобы было видно несколько весомых имперских орденов.

Хогг молча кивнул. Рука его с грифелем быстро забегала по бумаге. Я сделал пометку в своем виртуальном блокноте: карандаши. До идеи карандаша – такой простой и одновременно сложной – тут пока не додумались, и художник малевал мой портрет, держа грифель, обернутый в кусок холстины.

Дядя Бантруо внезапно подобрался. Масляный блеск в его глазах угас, сменившись жесткой сосредоточенностью.

– Работаем!

Работаем, конечно, работаем!

Тут наивный детский мир – в том, что касается рекламы, паблисити и периодической печати. Я смогу сделать то, что задумал. Фракции Коронного совета просто не понимают новизны ходов. Пока не понимают. А когда поймут – будет уже поздно.

Пришел Макио, устроился на скрипучий табурет с торца стола дяди Рейла. Владелец «Моей Империи» придвинул студенту кипу бумаги, чернильницу и стакан, где лежало сразу десять очиненных гусиных перьев.

– Передовица, – сказал я. И поскольку это слово здесь не было известно, пояснил: – Главная статья номера. На первой странице. Текста довольно много. Итак.

«Великое счастье! Завтра случится то, о чем годами мечтал весь Норатор. Известный своими славными деяниями герцог Аран Торнхелл приехал в город и завтра, в девятом часу вечера, отправится в храм Ашара за мандатом архканцлера! Герцог преодолел много миль по Санкструму от самой окраины, именуемой поселком Рыбьи Потроха, где несколько лет жил в стесненных условиях, ибо роздал все свое состояние голодающим крестьянам и горожанам! Говорят, герцог сам пахал землю и выращивал капусту и содержал за свой счет десять приемных детей-сирот! Но дела призвали его в Норатор. Коронный совет, прослышав про добрые деяния герцога Торнхелла, назначил его архканцлером на благо всего Санкструма!

Итак, наш добрый герцог (любимец женщин и детей, а также стариков) двинется за мандатом от улицы Славной, от печатни нашей прекрасной газеты «Моя Империя» в девять часов вечера. Он пройдет по улицам Норатора, среди своего народа, здороваясь и раскланиваясь со всеми, и все смогут его увидеть и стать свидетелями его кроткого и доброго нрава. Герцог никого не боится, хотя знает, что в рядах его сторонников созрел страшный заговор против его жизни. Его планируют убить по дороге к храму Ашара. Известно, что лидеры фракций Коронного совета лично будут приветствовать Арана Торнхелла у храма Ашара на Святой площади. Радостно приветствовать Торнхелла будет его ближайший соратник Таренкс Аджи и не менее близкий его соратник – Трастилл Маорай, а также глава Гильдии – Анира Най и дюк всех дюков – Баккарал Бай.

Обязательно будут присутствовать также следующие лица:

Дио Ристобал – канцлер,

Лайдро Сегерр – министр финансов,

Шендарр Брок – военный администратор,

а также послы Сакран и Армад.

От курии Ашара радостно будут приветствовать Арана Торнхелла кардинал Омеди Бейдар и префект секретариата Морен Алдор.

Внимательно смотрите на них, горожане. Если кого-то из вышеназванных лиц не окажется у храма Ашара, если кто-то из вышеназванных лиц попробует содеять что-то против нашего любимого архканцлера, если кто-то не поприветствует нового архканцлера – этот человек, скорее всего, и есть заговорщик и страшный предатель, коего нужно схватить и покарать на месте!

До вечера, добрый люд Норатора! Все, все, все собирайтесь на улицах города, чтобы поприветствовать любимого герцога, героя Империи, завтра в девять вечера, и защитить его от предателей. О продвижении герцога по улицам будет возвещать звук труб».

Шутейник отдулся, словно тащил на шестой этаж мешок картошки.

– Мастер Волк, это… это гениально!

Дядя Бантруо Рейл молча кивнул.

Всего лишь банальные, самые банальные наработки девятнадцатого века, помноженные на коварство и знания века двадцать первого. Высший класс. Марк Твен. «Как меня выбирали в губернаторы». Только я вывернул все наизнанку – вместо черного пиара, которым мажут конкурентов, я обелил себя. Но и черному пиару найдется место.

– Теперь первая заметка, – сказал я. – Пиши, Макио. Сделай ремарку: «Поместить заметку под передовицей».

«Лунное затмение – знамение счастья!

Как известно, наш великий астролог, кавалер всех имперских орденов Аркубез Мариот…»

– Это что за астролог? – прервал меня дядя Рейл. – Никогда не слышал…

Я пожал плечами:

– Без понятия. Я только что его выдумал.

Дядя взглянул на меня с возросшим уважением:

– Да вы можете делать все сплетни моей газеты!

Могу, разумеется; но это мелко, мелко…

– Продолжим.

«…Аркубез Мариот, называет это затмение судьбоносным и счастливым. Известный своей скромностью герцог Аран Торнхелл недаром выбрал этот вечер (в девять часов он двинется за

мандатом от печатни «Моей Империи») для получения мандата архканцлера. Ведь знамение счастья, великое лунное затмение, символизирует солнечный закат, после которого обязательно настанет солнечный рассвет. И именно это собирается сделать Торнхелл. Он – живой символ нового рассвета Санкструма. Богатство, любовь, счастье – всем и каждому от нового архканцлера!»

– О боже, какая ахинея… – прошептал Бантруо Рейл потрясенно. – Какая потрясающая, великая ахинея!.. Я хочу вас в свою редакцию, хотя бы иногда, хотя бы под псевдонимом! Мы и без имперских заказов тогда обгоним «Южный рассвет» и «Громобой»!

Я кивнул. Учитесь, пока я жив.

– Еще заметка. Слово в слово, Макио!

«Неужели Таренкс Аджи – предатель?

Мы категорически не верим в те упорные слухи, которые распространяют вокруг заговора против Торнхелла. Говорят, что лидер заговора – глава Простых Таренкс Аджи и его низкий прихвостень – зловещий чародей Ревинзер (тот самый, что ковыряется в носу публично). Может ли это быть правдой? Да, если завтра на Торнхелла совершат покушение. Но если это случится, значит, виноват именно Аджи и добрым горожанам Норатора следует самим его изловить и предать казни».

– Теперь они сами будут охранять вас, мастер Волк!.. – прошептал Шутейник. – Сами… Вы завлекли их в ловушку, из которой нет выхода – они обязаны будут охранять вас!

Я кивнул.

– Так и задумано. Еще заметка: «Возможно, низкие заговорщики – Трастилл Маорай и Анира Най?» – Тут, Макио, ты полностью повторишь все то же, что и в предыдущей заметке – про Таренкса Аджи.

Дядя бледнел, краснел, потел, натужно ворочал головой. Взгляд его, направленный на меня, был исполнен священного трепета и даже – местами – обожания.

– Как ловко задумано… – повторял он. – Какая дьявольская проницательность, ум, коварство… Не примите на свой счет, благородный господин…

Черный пиар – он такой. И никакой проницательности здесь нет, равно как и коварства – я просто пользуюсь наработками моего времени, ну и девятнадцатого века. Они очень простые на самом деле, даже элементарные, и используют в качестве тарана человеческую доверчивость и глупость.

– Орден вы получите, – сказал я. – Сделаю лучшей и единственной имперской газетой. Всё. Отдавайте в набор. Номер должен быть сверстан и отпечатан к семи утра. Пошлите за разносчиками, дядюшка Рейл, в семь утра мы начнем раздавать газету бесплатно. В девять вечера я начну двигаться от редакции в сторону храма Ашара и спокойно возьму мандат. Проложи мне маршрут, Шутейник. Он должен пройти через несколько улиц. Пусть люди смотрят… на будущее Санкструма.

Эпилог,
или Как получить мандат архканцлера и заставить всех себя полюбить

Какой прекрасный вечер!

Тепло, но не душно; в приоткрытое окно веет легкий, невесомый ветерок, с запахами… Запахи, признаться, сильные, и я до сих пор к ним не привык. Средневековый город пахнет в основном конюшней и немного – хлевом: яростно, терпко… главное, привыкнуть и принять. По улицам разъезжают лошади, по улицам прогоняют скот, с улиц хреново убирают мусор, но последнее я отношу на счет того, что местный бургомистр Таленк – как и все провластные в Санкструме – занят лишь собственным обогащением, и плевать он хотел на нужды города.

Я оправил тесноватый длиннополый мундир, еще раз взглянул на себя в осколок зеркала, который держал Шутейник, кивнул и направился по крутым ступенькам прочь из подвала редакции.

– Может, все-таки кольчужку, мастер Волк, а? – умоляюще сказал гаер. Сам он надел под куртку кольчугу и вооружился где-то раздобытой парой мечей – коротких, как римские гладиусы: самое то, чтобы драться в тесноте, если… если начнется.

У меня оружия не было. Равно как и кольчуги. На мне был тесный зеленый мундир с массой фальшивых орденов, облегающие штаны такого же цвета и надраенные смрадной ваксой сапоги.

– Она не понадобится, – сказал я. – Мне не причинят вреда.

Не причинят? Ой ли… Страх все равно плескался на самой поверхности, будоражил, разгонял сердцебиение и мысли.

Справлюсь.

Я – справлюсь.

Пожалуй, сегодняшняя акция – самая сложная из всех, в которых я принимал участие за все тридцать четыре года своей жизни. Сегодня решается, быть или не быть империи Санкструм. И сегодня же решается, быть или не быть мне. Потому что если не выйдет получить мандат – меня уничтожат. Я – неизвестная величина, крейн, чужак, пришлый, опасный и непонятный для местной власти, играющий по своим, и только по своим, правилам, а от этого опаснее стократ, потому что никто, никто из властных фракций не знает, чего от меня ожидать.

Впрочем, Таренкс Аджи и его прихвостни знают. Я сказал, что очищу Санкструм от злых людей. И я намерен сдержать обещание.

Я оглянулся через плечо.

– Шутейник.

– А?

– Все будет хорошо.

Он молча кивнул.

Народ начал собираться у печатни еще с середины дня. Толпа была густой, однако коридор для моего движения, как я и полагал, образовался сам собой.

Едва я показался в дверях печатни, как вперед шагнули герольды – два безработных актера-пьянчуги, обряженные в какие-то актерские костюмы: яркие, разноцветные. Актеры были тщательно выбриты и напомажены, беззубые рты я велел не раскрывать. Пару фанфар я приказал надраить до блеска, и сейчас они блестели роскошным золотом.

Я ступил на мостовую и широко улыбнулся, хотя внутри все трепетало. Свет факелов и ламп отражался от сусального золота моих орденов.

Толпа глухо зашумела. Я различил приветственные крики и начал оживленно махать руками и улыбаться. Агнец, чистый агнец – Аран Торнхелл. Если среди простых горожан и успели распространить слушок о том, что Торнхелл – кровожадный мерзавец, то вид мой явно опровергал это. Я не взял ни меча, ни шпаги, я был трогательно безоружен – всякий мог меня приколоть, но никто – никто не посмел бы сделать это после моего выпуска газеты. Печатное слово незримо охраняло меня, окутывало коконом посильнее магического щита. Своего рода тоже магия, только магия ума, а не дешевых фокусов.

Взревели фанфары, и мы с Шутейником двинулись по улицам Норатора к храму Ашара, то вверх, то вниз, по ярко освещенному человеческому коридору. Толпа шумела, шушукалась, а я махал руками и улыбался – и этот простейший приемчик, почерпнутый из демократических выборов США лохматого девятнадцатого века, работал потрясающе. Тут, во всяком случае, не привыкли, что человек, осуществляющий верховную власть, может улыбаться и махать руками, и даже кланяться – легонько так, конечно, не теряя достоинства, но все же – кланяться, выказывая уважение народу.

И это работало.

Черт возьми, это великолепно работало!

Ярко светила полная луна. Скоро диск подернется тенью, и наступит темнота… Символизм этого явления я решительно

отметал как гнусный и мистический.

У меня не было сил рассматривать город. Тоска по Амаре сжала сердце. А Бернхотт? А брат Литон? Где они, живы ли? Я скучаю по вам всем, очень скучаю… Вы – те, к кому я привязался, вы – те, кому я доверяю.

В толпе были люди и хогги, а также довольно много конных в полном вооружении, но в разного цвета сюрко и плащах. Похоже, эти ребята служили чем-то вроде моей охраны. Принадлежали они, судя по одеждам, к разным фракциям.

– Направо, мастер Волк. Осторожно, тут крутой спуск…

– Ясно.

– Как вы, держитесь?

– Получше тебя, Шутейник.

– Тиу!

Улица. Толпа. Еще улица. Поворот. Затем вниз. Потом вверх. Сухо трещат факелы. Толпа, безмерно густея, идет за мной. Это ощущение людской волны, тугой, набирающей силу, окрыляет. Это мои люди. Они со мною вместе. И всякий, кто попробует пустить в меня стрелу или помешать моему продвижению, – будет растерзан. И это хорошо.

Впереди площадь – двузубый силуэт храма Ашара на фоне яркого звездного неба.

Вот оно, место истины. Вот она, моя судьба.

Еще триста метров, и я стану архканцлером империи Санкструм.

Смогу ли их пройти?

Должен пройти.

Сердце вырывается из груди.

Никогда еще так не нервничал, даже в самые-самые моменты, даже в Лесу Костей, когда передо мной из червезмей Эльфийской тоски соткался младенец.

Веточка мертво-жизни – в моем кармане.

Но она молчит. Не знаю, для чего вообще она годится, но все же держу при себе, ибо магию – любую магию! – в этом мире нельзя сбрасывать со счетов.

У подножия храма – масса конных в богатых одеждах. Некоторые держат в руках лампы на шестах; длинные копья света падают вдоль людского коридора. Но никто не препятствует мне, они оставляют коридор для прохода к высоким, наполовину распахнутым дверям храма.

Я двинулся к дверям, время словно застыло, лица размазались, но я успел заметить в первых рядах и Аниру Най, и Таренкса Аджи, и седовласого мага, и еще несколько мрачных сановных рож, которых пока не знал. Тут наверняка были и

Трастилл Маорай, и послы Сакран и Армад, и Дио Ристобал – канцлер, и Лайдло Сегерр – министр финансов, и Шендарр Брок – военный администратор. И все, все они смотрели мрачно, и я понимал, какое количество врагов будет окружать меня, едва стану архканцлером.

Интересно, а где Ренквист? Испугался чумы, уехал оберегать свой удел? Или был разгромлен фракцией Простых? Аджи-то здесь… Но Ренквист маньяк, с него станется подсунуть мне какого-то снайпера с арбалетом. Где-нибудь на верхушке звонницы…

Я поднял голову. Звонницы храма Ашара вырисовывались на фоне звезд. Я наверняка отличная мишень… Даже прекрасная. Свет ламп и факелов падает на меня, и стрела может прилететь с любой стороны, с любого края площади. Говоря другими словами, снайпер может прятаться где угодно. А уж до снайперов эта цивилизация должна была додуматься, стрелами исподтишка убивали и в древней земной истории. Это хорошее и в случае лука (арбалет все-таки щелкает) – бесшумное средство убийства.

Я пошевелил лопатками. Затем пришло соображение – я ведь иду по людскому коридору, который смыкается за мной, по сути – это моя защита, я укрыт по шею со всех сторон, кроме переда – а в голову попасть намного сложнее, чем под левую лопатку. Что до груди – сомневаюсь, что на звоннице Ашара скрыт стрелок, но все, все может быть… Нынешние власть предержащие не сдадутся просто так. Если и не убьют, то наверняка устроят какой-то подвох…

Мы поднялись по высоким ступеням.

Герольды остались у дверей. Я оглянулся, увидел, как блестят глаза многотысячной толпы, теснящейся на площади перед храмом. Поклонился людям, выпрямился и взмахнул рукой. Услышал приветственный гул.

– Все делаете правильно… – дрожащим шепотом сказал гаер. – Все делаете правильно…

Знаю, Шутейник, знаю. И от этого еще более страшно.

Балконы домов, что теснились вокруг площади, ярко освещены, усыпаны молчаливыми людьми. Среди них может быть стрелок… Хотя, скорее, он будет прятаться на крыше. Но найдется ли такой самоубийца-фанатик, что пожертвует собой? Ведь все, кто читал «Мою Империю», понимают, что толпа найдет и разорвет убийцу, если он в меня выстрелит.

Не выстрелил.

Я и Шутейник ступили под гулкий свод храма. Тусклокрасным тлели лампы в высоких стойках у входа. Потолок терялся в темноте. Испуганным кроликом ко мне метнулся какой-

то священник в золоченой багровой рясе, указал трясущейся рукой в глубину храма.

– Т-там… Там!

Скамей в храме не было, лишь двойной ряд толстых, украшенных бронзой и латунью колонн, держащих многотонный свод. На массивной тумбе из малахита высотой мне по грудь, в десяти метрах от входа, в полумраке возлежала прозрачная сфера величиной с половинку небольшого арбуза.

Я быстро прошел вперед и коснулся сферы. Она была ледяной. Под нею лежал перехваченный много раз серебряной нитью простой бумажный свиток, намотанный на красную палку с полированными блестящими ручками.

Я попытался сдвинуть сферу, однако ее словно приморозили к плоской части тумбы – так делают в современных музеях, просто откачивая воздух и создавая вакуум под стеклянной витриной.

Что за… черт…

– Не сдвигается, Шутейник.

Гаер в свою очередь попытался сдвинуть сферу.

– Нет, не выходит… Да что ж такое-то… Она и не тяжелая вроде… Ох… Погодите, погодите, мастер Волк! – Он коснулся пальцем места соприкосновения сферы и малахитовой тумбы, провел вдоль обода, затем сунул палец в рот.

– Клей! Рыбий клей, мастер Волк! Ла-а-адушки-воробушки! Вот же хитрецы! Мандата нельзя касаться под страхом смерти, но приклеить сферу никто не запрещает! О, нам теперь ее не отклеить ни в жизнь… Может быть, разбить удастся… Хотя это горный хрусталь, мы, хогги, его добываем… Прочный он исключительно, вот просто исключительно прочный!

Я выругался. Мне показалось или глаза священника, который держал нас под надзором, злорадно блеснули?

Шутейник повел носом-картошкой.

– Дым… Чуете? Дым, мастер Волк! Дым!!!

Из центральной части храма вдруг начали быстро наползать клубы белесого дыма.

– Храм подожгли! – вскричал хогг.

– О горе, о несчастье! – взревел фальшиво священник и кинулся к выходу.

Густые клубы стремительно начали заполнять притвор. Я учуял запах сена. Никто не собирался сжигать храм дотла. Заговорщики натаскали и подожгли копны сена, чтобы заполнить храм густейшим дымом. Мы не сгорим, а вот задохнуться успеем за пару минут. А сено потом затушат, наверняка заранее подготовили бочки с водой. И храму ничего не будет – тут почти

нет отделки деревом, сплошь холодный камень.

Я вдохнул горький дым и крикнул Шутейнику:

– Бей по сфере! Дай мне меч…

Хогг протянул мне гладиус и врезал по сфере.

– Ай!

Я ударил следом – и жуткая вибрация передалась в кисть. Вот уж точно – ай.

– Мастер Волк, нам ее не расколотить!

– Вижу…

Неужели все бесполезно? Путешествие, смерти, мои испытания?..

Внезапно блеснуло озарение.

– Раскачивай тумбу, Шутейник! Раскачивай тумбу, мы повалим ее, и тогда…

Гаер понял все без лишних пояснений. Он, как и я, обхватил тумбу за гладкие бока и начал раскачивать ее. Весила она, наверное, килограммов пятьсот. Мы раскачивали ее, вдыхали ядовитый дым и кашляли. Если сейчас снаружи кто-то ненароком закроет дверь – хана архканцлеру и его гаеру.

Вдруг я ощутил, как тумба пошла вниз, и налег плечом.

С обвальным грохотом тумба упала на каменный пол, со звоном отскочила полусфера, выкатился из-под нее переплетеный серебряной нитью свиток – мандат на мое архканцлерство.

Я схватил его, другой рукой поймал неистово кашляющего Шутейника, и ринулся прочь, к выходу из храма.

Я ступил за порог, в клубах дыма, под тьму лунного затмения и под свет факелов.

Мандат был в моих руках, и я, сорвав серебряную оплетку, развернул его и воздел в руке, перед многотысячной толпой.

Я стал архканцлером империи Санкструм.

Чуть позже

Я сдвинул на лоб венец архканцлера.

– Шутейник, подготовь указ. Первый указ. Переименовать село Рыбьи Потроха в провинции Гарь в Голубые Фиалки.

В прихожей раздался шум. Распахнув дверь, ввалился один из моих секретарей – лицо бледное, как кусок невыдержанного сыра.

– Господин архканцлер!

– Что случилось?

– Посланники Алой Степи прорвались сквозь карантин и требуют встречи с тобою именем Владыки Небес – Акмарилла Сандера!

Я поднялся из-за стола и вздохнул.

Начались рабочие будни.